

Rubln, I. I.
И. И. РУБИН

О Ч Е Р К И
ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ
МАРКСА

Ocherki po teorii...

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

НБ
201
.R9
1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1924

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание, по сравнению с первым, коренным образом переработано, главным образом, в сторону более полного и систематического изложения основных проблем теории стоимости.

Отдел о товарном фетишизме изложен более подробно и дополнен новыми двумя главами: «Овеществление производственных отношений» и «Вещь и социальная функция (форма)». Особенное внимание уделено нами в последней главе социальной форме продуктов труда, которая играет в Марксовой теории центральную роль. При этом нам пришлось дать краткий обзор основных понятий марксовой системы, обзор, который при неизбежной своей беглости рассчитан на читателей, основательно знакомых с экономической системой Маркса во всем ее объеме.

Детальное исследование отдельных вопросов, охватываемых Марксовой теорией стоимости, может иногда скрыть от глаз читателей ту общую перспективу или исходную точку зрения, которою руководился Маркс. Чтобы облегчить читателям общее ориентирование в этой сложной проблеме, мы сочли нужным предпослать отделу о теории стоимости общую ее характеристику¹⁾. Далее, отдел этот дополнен двумя новыми главами о труде («Общественный труд» и «Квалифицированный труд») и большою главою «Стоимость и общественная потребность». Глава эта является продолжением предшествующей и подробно разбирает вопрос о различном понимании общественно-необходимого труда, вызвавший у нас в последнее время оживленные споры.

Наконец, мы ввели новую большую главу о ценах производства, без понимания которых представление о теории стоимости неизбежно

¹⁾ Эта глава «Основные черты Марксовой теории стоимости», а также некоторые части из отдела о товарном фетишизме, были уже использованы нами в печати, во вступительной статье к переводу книги Розенберга «Учение о стоимости у Рикардо и Маркса».

останется неполным и односторонним. Само собою разумеется, что чтение этой главы требует от читателя предварительного знакомства с Марксовою теорией прибавочной стоимости.

В итоге настоящее издание, по сравнению с первым, содержит следующие новые главы: 3, 4, 8, 13, 15, 17, 18 и приложение «К терминологии Маркса».

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность *Д. Б. Рязанову* и *Ш. М. Дволайцкому* за содействие, оказанное ими мне при выходе в свет настоящей книги.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ.

Экономическая теория Маркса находится в тесном идейном родстве с его теорией социологической, с теорией исторического материализма. Гильфердинг в свое время отметил, что теория исторического материализма и теория трудовой стоимости имеют общий исходный пункт, а именно труд, как основной элемент человеческого общества, элемент, развитие которого определяет в последней инстанции общественное развитие¹⁾. Трудовую деятельность людей, объединенных в общество, мы можем изучать с двух различных сторон: либо как совокупность средств производства и технических приемов, при помощи которых человек побеждает природу и производит необходимые ему продукты, либо как совокупность социальных отношений, связывающих людей в процессе производства. Отсюда различие между техникою и экономикою, между материально-техническим процессом производства и его общественною формою, между производительными силами и общественными производственными отношениями людей. Как теория исторического материализма, так и экономическая теория Маркса вращаются вокруг одного и того же основного вопроса об отношении между производительными силами и производственными отношениями людей. Предмет изучения у них обоих один и тот же: *изменения производственных отношений людей в зависимости от развития производительных сил*. Приспособление производственных отношений людей к развитию производительных сил,—процесс, протекающий в форме постепенно нарастающих между ними противоречий и вызываемых ими социальных катаклизмов,—составляет основную тему теории исторического материализма²⁾. Применяя тот же общий методологический подход к товарно-капиталистическому обществу, получаем экономическую теорию Маркса. Она изучает *производственные отношения людей в капиталистическом обществе*, процесс приспособления их к данному уровню развития производительных сил и нарастание противоречий между ними, выражающееся, между прочим, в кризисах.

Политическая экономия изучает не процесс труда как таковой, с его материально-технической стороны, а *социальные формы орга-*

¹⁾ Гильфердинг. Бем-Баверк, как критик Маркса. 1923 г., стр. 16.

²⁾ Мы оставляем здесь в стороне теорию исторического материализма в той части ее, которая занимается изучением законов развития идеологии.

низации труда в капиталистическом обществе. Техника производства или производительные силы входят в область исследования экономической теории Маркса, как и теории исторического материализма, только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для объяснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей. Последовательно проведенное Марксом различие между процессом производства, как таковым, и его общественной формой дает нам в руки ключ для понимания всей его экономической системы. Оно сразу определяет метод политической экономии, как науки *социальной и исторической*. В пестром, многообразном хаосе хозяйственной жизни, представляющей «сочетание общественных связей и технических приемов» (К. I, с. 614)¹⁾, оно сразу направляет наше внимание именно на «общественные связи» людей в процессе производства, на их производственные отношения, для которых техника производства служит предпосылкой или основой. Политическая экономия есть наука не об отношениях *вещей к вещам*, как думали вульгарные экономисты, и не об отношениях *людей к вещам*, как утверждает теория предельной полезности, но об отношениях *людей к людям* в процессе производства.

Политическая экономия, изучающая производственные отношения людей в товарно-капиталистическом обществе, заранее предполагает определенную социальную форму хозяйства, определенный тип общества. Ни одно положение «Капитала» Маркса не будет понято нами правильно, если мы упустим из виду, что речь идет о явлениях, происходящих в определенном обществе. «Как и при всякой *исторической социальной* науке, по отношению к экономическим категориям нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект,—в нашем случае *современное буржуазное общество*, и что поэтому категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта». «При теоретическом методе политической экономии субъект, т. е. общество должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»²⁾. Исходя из определенной социологической предпосылки, а именно из определенной социальной структуры хозяйства, политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характеристику в своей «теории товарного фетишизма», которую правильнее было бы назвать общей теорией производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства.

О Ч Е Р К И П О Т Е О Р И И С Т О И М О С Т И М А Р К С А

¹⁾ Буква К. обозначает «Капитал», цитируемый нами по переводу В. Базарова и И. Степанова: первый том в издании 1923 года, второй том — 1919 года, третий том 1907 — 1908 годов.

²⁾ Маркс, Введение к критике политической экономии. Сборник «Основные проблемы политической экономии», под редакцией Ш. Дволайцкого и И. Рубина. 1922 г. стр. 31 и 26.

**I. ТЕОРИЯ
ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА
МАРКСА**

Теория товарного фетишизма Маркса не заняла до сих пор того места, которое должно принадлежать ей в экономической системе марксизма. Правда, и марксисты и противники Маркса расточают ей похвалы, признавая ее одним из самых смелых и гениальных обобщений Маркса. Многие противники марксовой теории стоимости высоко ценят теорию фетишизма (Туган-Барановский, Франк, с оговорками даже Струве)¹). Некоторые писатели, не соглашаясь с теорией фетишизма с точки зрения политической экономии, видят в ней блестящее обобщение социологического характера, теорию и критику всей современной культуры, основанной на овеществлении человеческих отношений (Hammacher). Но и сторонники и противники марксизма обсуждают теорию фетишизма большею частью, как самостоятельное и обособленное целое, внутренне мало связанное с экономической теорией Маркса. Ее излагают, как дополнение к теории стоимости, как интересный литературно-критический экскурс, параллельный основному тексту Маркса. Повод к такому пониманию подал сам Маркс внешним расположением первой главы «Капитала», где теории фетишизма отведен последний раздел²). Это внешнее расположение не соответствует, однако, внутреннему порядку и связи идей Маркса. Теория фетишизма представляет основу всей экономической системы Маркса и, в частности, его теории стоимости.

В чем состоит, по общепринятому мнению, теория фетишизма Маркса? В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства. «Не имея возможности постигнуть, что в обмене выражается трудовая совместность людей в борьбе с природой, т. е. общественное отношение людей, товарный

¹) Исключение представляет Рыкачев, который пишет: «Учение Маркса о товарном фетишизме сводится к нескольким поверхностным, мало содержательным и по существу неверным аналогиям. Не к сильнейшим, а, скорее, к слабейшим местам в системе Маркса относится это пресловутое раскрытие тайны товарного фетишизма, которое по какому-то недоразумению сохранило ореол глубокомыслия даже в глазах таких умеренных почитателей Маркса, как М. Туган-Барановский и С. Франк» (Рыкачев. Деньги и денежная власть. 1910 г., стр. 156).

²) В первом издании «Капитала» вся первая глава, включая и теорию товарного фетишизма, представляла один раздел, под общим заглавием «Товар» (Kapital, I, 1867, S. 1 — 44).

фетишизм считает способность товаров к обмену внутренним, природным свойством самих товаров. Таким образом, то, что в действительности представляет из себя отношения людей, кажется ему отношениями вещей»¹⁾. «Природной сущности товаров приписываются отношениями вещей»²⁾. «Природной сущности товаров приписываются отношениями вещей»²⁾. Теперь свойства, которые кажутся мистическими до тех пор, пока они не объяснены из отношений производителей между собою. Как фетишист приписывает своему фетишу свойства, не вытекающие из его природы, так и буржуазным экономистам товар представляется чувственной вещью, обладающей сверхчувственными свойствами»³⁾. Теория фетишизма вскрывает иллюзию человеческого ума, грандиозное заблуждение, вызванное видимостью явлений товарного хозяйства и принимающее эту видимость, движение вещей, товаров и их цен на рынке, за сущность экономических явлений. Изложенную, общепринятую в марксистской литературе формулировку, однако, далеко не исчерпывается богатое содержание теории фетишизма, развитой Марксом. Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но что, наоборот, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают общественные свойства. Маркс вскрывает объективные экономические основы господствующего товарного фетишизма. Из иллюзии и заблуждения человеческого ума вещные экономические категории превращаются в «объективные формы мысли» для производственных отношений данного, исторически определенного способа производства, — товарного производства (К. I, стр. 43).

Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА.

Отличительная особенность товарного хозяйства состоит в том, что руководителями и организаторами производства являются самостоятельные, друг от друга независимые товаропроизводители (мелкие хозяева или крупные предприниматели). Каждое отдельное частное хозяйство автономно, т. е. собственник его самостоятельно и считаясь только с своими интересами решает, какие продукты и в каком количестве он будет производить. Он владеет на праве частной собственности необходимыми орудиями производства и сырым материалом и как полноправный собственник распоряжается про-

дуктами своего хозяйства. Производство направляется отдельными товаропроизводителями, а не обществом. Общество не регулирует непосредственно трудовой деятельности своих членов, не предписывает им, что и в каком количестве производить.

Но, с другой стороны, каждый товаропроизводитель производит товары, т. е. продукты не для собственного потребления, а для рынка, для общества. Общественное разделение труда соединяет всех товаропроизводителей в единую систему, называемую народным хозяйством, в некий «производственный организм», части которого взаимно связаны и обусловлены. Чем же создается эта связь? Обменом, рынком, на котором товары каждого отдельного товаропроизводителя выступают в обезличенном виде, как отдельные экземпляры данного рода товаров, независимо от того, кто, где и при каких индивидуальных условиях их произвел. На рынке обращаются и расцениваются товары, продукты труда отдельных товаропроизводителей. Расценка и движение товаров на рынке создают реальную связь и взаимодействие между отдельными, казалось бы, независимыми и автономными хозяйствами. Общество регулирует на рынке продукты труда, товары, вещи, и тем самым косвенно регулирует трудовую деятельность людей. Ибо движение товаров на рынке, повышение и понижение их цен имеют своим последствием перемену в направлении трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей, привлекая их к определенным отраслям производства или отлив от них, перераспределение производительных сил общества.

На рынке товаропроизводители выступают не как лица, занимающие определенное место в производственном процессе, а как собственники и владельцы вещей, товаров. Два товаропроизводителя сцепляются и связываются на рынке лишь постольку, поскольку происходит между ними акт купли-продажи, акт перехода товара из одного хозяйства в другое. Каждый товаропроизводитель влияет на рынок лишь в той мере, в какой он бросает туда или получает оттуда товары, и лишь в этой же мере испытывает воздействие и давление рынка. Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок. Расширение запасов в далекой Аргентине или Канаде может вызвать соответствующее уменьшение сельскохозяйственного производства в Европе только одним путем: понижением на рынке цен на сельскохозяйственные продукты. Тем же путем расширение крупного машинного производства разоряет кустаря, делает для него невозможным продолжение прежнего производства и гонит его из деревни в город, на фабрику.

Атомистическое строение товарного общества, отсутствие непосредственного общественного регулирования трудовой деятельности членов общества приводит к тому, что связь между отдельными автономными частными хозяйствами создается и поддерживается через посредство товаров, вещей, продуктов труда. «Отдельные частные работы фактически реализуются лишь как звенья совокупного общественного труда, — реализуются в тех отношениях, которые обмен

¹⁾ Богданов. Краткий курс эконом. науки. 1920 г., стр. 105.

²⁾ Каутский. Экономическое учение Маркса. Русск. изд. 1918 г., стр. 9.

устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями» (К. I, 40) ¹⁾.

Благодаря тому, что отдельные товаропроизводители, выполняющие часть совокупного общественного труда, работают самостоятельно и независимо друг от друга, производственные связи устанавливаются между ними лишь постольку, поскольку устанавливается связь между продуктами их труда на рынке.

Таким образом, в структуре товарного хозяйства мы находим следующие основные черты: 1) отдельные клеточки народного хозяйства, т. е. отдельные частные предприятия, *формально независимы* друг от друга; 2) они *материально связаны* друг с другом вследствие общественного разделения труда; 3) непосредственная связь между отдельными товаропроизводителями устанавливается только *в обмене*, но косвенно оказывает влияние и на их *производительную* деятельность. В своем предприятии каждый товаропроизводитель волен по своему произволу производить какой угодно продукт и при помощи каких угодно средств производства. Но когда он выносит готовый продукт своего труда на рынок, для обмена, он не волен устанавливать пропорции обмена, а вынужден подчиняться условиям (конъюнктуре) рынка, общим для всех производителей данного продукта. Зависимость производителя от рынка означает зависимость его производительной деятельности от производительной деятельности всех других членов общества. Если суконщики выбросили на рынок слишком много сукна, то суконщик Иванов, который не расширял своего производства, тем не менее также страдает от понижения цен на сукно и вынужден сократить производство. Если другие суконщики ввели усовершенствованные средства производства (напр., машины), удешевляющие стоимость сукна, то и наш суконщик вынужден улучшить технику производства. И в направлении, и в размерах, и в способах своего производства отдельный товаропроизводитель, формально независимый от других, на самом деле тесно связан с ними через рынок, через обмен. Обмен вещей воздействует на трудовую деятельность людей, производство и обмен представляют собою неразрывно связанные, хотя и отдельные, моменты воспроизводства. «Процесс капиталистического производства, рассматриваемый в целом, представляет единство процесса производства и обращения» (К. III, с. 1). Обмен входит в самый процесс воспроизводства или трудовой деятельности людей, и только с этой стороны обмен, меновые пропорции, стоимость товаров составляют предмет нашего изучения.

Эта роль обмена, как необходимого момента процесса воспроизводства, означает, что трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи. В товарном обществе «независимость лиц друг от

¹⁾ Нам кажется более правильным переводить это место следующим образом: «Отдельные частные работы фактически реализуются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями» (Каришаль, В. I, 1921, S. 39).

друга дополняется системой всеобщей вещной зависимости» (К. I, с. 75). Общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и — поскольку мы говорим об отношениях между отдельными товаропроизводителями, а не об отношениях внутри отдельного частного хозяйства, — только в такой форме они и существуют и реализуются.

В товарном обществе вещь есть не только «таинственный общественный иероглиф» (К. I, с. 41), не только «оболочка», под которой скрыто общественное производственное отношение. Вещь — посредник общественных отношений, и движение вещей неразрывно связано с установлением и реализацией производственных отношений людей. Движение цен вещей на рынке — не только отражение производственных отношений, а единственно возможная в товарном обществе форма их проявления. Вещь не только скрывает производственное отношение людей, но и организует его, служит посредствующим звеном между людьми. Точнее, она скрывает производственное отношение людей именно потому, что последнее создается только в вещной форме. «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот, приравнивая друг другу в обмене различные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают» (К. I, с. 41). Обмен и приравнивание вещей на рынке реализуют общественную связь товаропроизводителей и единство трудовой деятельности общества.

Считаем нужным напомнить, что под «вещами» мы, в согласии с Марксом, понимаем здесь только продукты труда. Это ограничение понятия «вещь» не только допустимо, но и необходимо, так как движение вещей на рынке изучается нами в его связи с процессом трудовой деятельности людей. Нас интересуют те вещи, рыночное регулирование которых косвенно регулирует определенным образом трудовую деятельность товаропроизводителей. А такими вещами являются продукты труда (О цене земли см. ниже: «Производственные отношения и вещные категории»).

Движение вещей не только выражает производственное отношение, но и создает его. «В движении средства обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями; самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним» (К. I, с. 106). Правда, роли денег, как средства обращения, Маркс противопоставляет функционирование их в качестве платежного средства, которое «выражает собою известную общественную связь, уже раньше существовавшую в готовом виде» (там же). Но очевидно, что, хотя уплата денег происходит в этом случае после акта купли-продажи, т. е. после установления «общественной связи» между продавцом и покупателем, приравнивание товара и денег происходило в самый момент этого акта и создавало указанную «общественную связь». «Деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они суще-

ствуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки» (К. I, с. 104 — 105).

Деньги, следовательно, не только «символ», «знак» общественных производственных отношений, которые за ними скрыты. Раскрыв наивность монетарной системы, которая приписывала особенности денег их вещным естественным свойствам, Маркс вместе с тем отвергает и противоположный взгляд на деньги, как на «знак» общественных связей, существующих помимо них (К. I, с. 58 — 59).

По мнению Маркса, одинаково неправилен и взгляд, приписывающий общественные свойства вещи, как таковой, и взгляд, который видит в вещах только «символ», «знак» общественных производственных отношений. Вещь приобретает свойство стоимости, денег, капитала и т. п. не в силу своих естественных качеств, а благодаря тем общественным производственным отношениям, с которыми она связана в товарном хозяйстве. Но в последнем общественные производственные отношения не только «символизируются» вещами, но и создаются через посредство вещей.

Деньги, как мы видели, не суть только «знаки». Но в некоторых случаях, а именно в товарном метаморфозе Т-Д-Т, деньги представляют только «мимолетное объективированное отражение товарных цен» (К. I, с. 97). Переход их из рук в руки представляет только средство для перехода товаров. В этом случае «функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование» (К. I, с. 97), и они могут быть замещены простыми знаками, бумажными деньгами.

Но, будучи даже «внешне» обособлены от металлической субстанции, бумажные деньги все же представляют «овеществление» производственных отношений между людьми¹⁾.

В товарном хозяйстве вещи, продукты труда, имеют двойное бытие: материальное (естественно-техническое) и функциональное (общественное). Чем же объясняется тесная связь между этими двумя сторонами, выражающаяся в том, что «общественные определения труда» получают «вещественные черты», а вещи — «общественные черты»?

¹⁾ Нельзя согласиться с мнением Гильфердинга, что бумажные деньги устраняют «овеществление» производственных отношений. «В пределах минимума средств обращения вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением. Это возможно потому, что ведь и металлические деньги представляют общественное отношение, хотя и скрытое под вещною оболочкой» (Финансовый капитал, перев. И. Степанова, изд. 1918 г. стр. 36). Товарный обмен при помощи бумажных денег происходит в таком же неурегулированном, стихийном и «овеществленном» виде, как и при помощи денег металлических. Бумажные деньги не суть «вещи» с точки зрения внутренней стоимости материала, из которого они сделаны. Но они «вещи» в том смысле, что через них выражается в «овеществленной» форме общественное производственное отношение между покупателем и продавцом.

Но если неправ Гильфердинг, то еще менее оснований имеет противоположное мнение А. Богданова, который усматривает в бумажных деньгах высшую ступень фетишизации общественных отношений, чем в деньгах металлических (Курс пол. экон., Т. II, ч. 4, стр. 161).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМА.

Тесная связь моментов социально-экономического и материально-вещного объясняется особым отношением, которое существует в товарном хозяйстве между процессом производства материальных благ, как таковым, и его общественной формой. Капиталистический процесс производства «есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и, протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства, процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства...», т. е. определенной общественно-экономической формы последних» (К. III, 2, стр. 347 — 8). Между процессом *производства материальных благ и общественной формой*, в которой он протекает, т. е. совокупностью производственных отношений, существует тесная связь и соответствие. Данная совокупность производственных отношений приспособлена к данному состоянию производительных сил, т. е. материального процесса производства, она делает возможным — в тех или иных пределах — процесс производства материальных благ, необходимых для общества. Соответствие между материальным процессом производства, с одной стороны, и производственными отношениями участвующих в нем лиц, с другой, достигается в различных общественных формациях различным образом. В обществе с регулируемым хозяйством, напр., социалистическом, производственные отношения между отдельными членами общества устанавливаются сознательно, с целью обеспечения правильного хода производства. Каждому члену общества определяется его место в производственном процессе, отношение его к другим участникам последнего. Координация и соподчинение трудовых деятельностей отдельных лиц производится, исходя из заранее рассчитанных потребностей технического процесса производства. Данная система производственных отношений представляет в известном смысле замкнутое целое, руководимое единою волею и, как целое, приспособленное к материальному процессу производства. Конечно, изменения в последнем могут сделать необходимыми перемены и в системе производственных отношений; но эти перемены происходят внутри этой системы, ее собственными силами, распоряжениями ее руководящих органов, которые, в свою очередь, вызваны переменами в техническом процессе производства. Единством исходного пункта обеспечивается соответствие процесса производства, как такового, и облекающих его производственных отношений. В дальнейшем каждая из этих сторон развивается на основе предначертанного ей плана; каждая из них имеет свою внутреннюю логику, но благодаря единству исходного пункта не вступает в противоречие с другою.

Пример таких организованных производственных отношений мы имеем и в товарно-капиталистическом обществе, а именно в организации труда *внутри* предприятия (техническое разделение труда), в отличие от распределения труда *между* отдельными частными предприятиями (общественное разделение труда). Предположим, что одному предпринимателю принадлежит большая текстильная фабрика, состоящая из отделений: прядильного, ткацкого и красильного. Инженеры, рабочие и служащие заранее, по известному плану распределены между этими отделениями. Они заранее связаны определенными, постоянными производственными отношениями, в соответствии с потребностями технического процесса производства. И именно потому вещи передвигаются в процессе производства от одних людей к другим, в зависимости от положения этих людей в производстве, от производственных отношений между ними. Получивши из прядильной пряжу и переработавши ее в ткань, директор ткацкого отделения не отправляет эту ткань обратно директору прядильной, как эквивалент за присланную им раньше пряжу. Он отправляет ее дальше, в красильное отделение, так как постоянные производственные отношения, соединяющие работников данной ткацкой с работниками данной красильной, заранее определяют продвижение вещи, продукта труда, от людей, занятых в предшествующей фазе производства (тканье), к людям, занятым в последующей фазе (окраска). Производственные отношения между людьми заранее организованы *в целях* материального производства вещей, но не *через посредство* вещей. С другой стороны, вещь передвигается в процессе производства от одних людей к другим *на основании* существующих между ними производственных отношений, но своим переходом она *не создает* производственных отношений между ними. Производственные отношения между *людьми* имеют исключительно *общественный* характер, а переход *вещей* — исключительно *технический* характер. Обе эти стороны заранее сознательно приспособлены одна к другой, но сохраняют различный характер.

Дело резко изменяется, если прядильная, ткацкая и красильная принадлежат трем разным предпринимателям *А*, *В* и *С*. Теперь *А* уже не отдаст изготовленной им пряжи *В* только на том основании, что *В* может переработать ее в ткань, т. е. придать ей форму, полезную для общества. Ему до этого дела нет; он вообще хочет теперь не отдать свою пряжу, но продать ее, т. е. передать ее такому лицу, которое в обмен даст ему соответствующую сумму денег или вообще вещь равной стоимости, эквивалент. Кто будет это лицо, ему безразлично. Не связанный ни с кем постоянными общественными производственными отношениями, *А* вступит в производственное отношение купли-продажи с любым лицом, которое имеет и согласно отдать ему за пряжу определенную вещь, эквивалентную сумму денег. Это производственное отношение ограничивается переходом вещей, а именно пряжи от *А* к покупателю и денег от покупателя к *А*. Итак, производственные отношения между товаровладельцами не существуют заранее, но устанавливаются в акте купли-продажи, через посредство

перехода вещей от одного лица к другому; они имеют, следовательно, не только *общественный*, но и *вещный* характер. С другой стороны, вещь переходит от одних людей к другим не на основании заранее существующих между ними производственных отношений, но в силу купли-продажи, ограничивающейся переходом этой вещи. Переход вещи устанавливает производственное отношение между людьми, имеет не только *техническое*, но и *общественное* значение.

Таким образом, в обществе товарном, стихийно развивающемся, дело происходит следующим образом. С точки зрения материального, технического процесса производства, каждый продукт труда должен переходить из одной фазы производства в другую, из одного хозяйства в другое, пока он не получит окончательного вида и не перейдет из хозяйства последнего производителя или посредника-торговца в хозяйство потребителя. Но, при автономности и независимости отдельных хозяйств, переход продукта из одного частного хозяйства в другое возможен только путем купли-продажи, путем соглашения между двумя хозяйствами, означающего установление между ними особого производственного отношения, купли-продажи. Ведь основное отношение товарного общества, отношение товаровладельцев, сводится «к присвоению чужого продукта труда путем отчуждения своего собственного» (К. I, с. 76). Совокупность производственных отношений между людьми представляет собою не единую, связанную систему, а прерывистый ряд единичных договорных сделок, кратковременно связывающих отдельных товаропроизводителей. Каждый этап этого ряда тесно переплетается с этапом движения продукта в материальном процессе производства. Прохождение продукта через отдельные фазы производства сопровождается одновременным прохождением его через ряд частных хозяйств, на началах договора между ними и обмена. И обратно, производственное отношение связывает два частных хозяйства по случаю перехода материальных вещей из одного хозяйства в другое; производственное отношение людей ограничивается переходом вещей и после этого перехода опять прерывается.

Как видим, основное производственное отношение людей в товарном обществе, а именно купля-продажа, отличается от производственных отношений организованного типа следующими особенностями: 1) оно устанавливается добровольно, в зависимости от выгоды для участников; *общественная* связь принимает форму *частной* сделки; 2) оно связывает участников кратковременно, не создавая между ними постоянных отношений; но эти *кратковременные* и *прерывающиеся* сделки купли-продажи, взятые в своей совокупности, должны обеспечивать *постоянство* и *непрерывность* общественного процесса производства; и 3) оно соединяет людей по случаю перехода между ними вещей и этим переходом вещей ограничивается; отношения *людей* принимают форму приравнивания *вещей*. Производственное отношение между людьми не предшествует переходу вещей, а совпадает с ним. Установление между товаровладельцами производственных отношений совпадает с движением вещей в процессе материального производства. «Обмен товаров есть такой процесс,

в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особых продуктов частных лиц, одновременно означает установление (Erzeugung)¹⁾ определенных общественных производственных отношений, в которые лица вступают в этом обмене веществ» (Zur Kritik, 1907, S. 32). Или, как Маркс выражается, процесс обращения включает в себя Stoff—und Formwechsel (Kapital, III², S. 363; русск. перев. стр. 357), обмен веществ и превращение форм, т. е. переход вещей в материальном процессе производства и изменение их социально-экономической формы (напр., превращение товара в деньги, денег в капитал, денежного капитала в производительный и т. п.), соответствующее различным производственным отношениям между людьми.

Обмен, купля-продажа соединяет в себе неразрывно моменты *социально-экономический* (отношения между людьми) и *материально-вещный* (продвижение вещей в процессе производства). В товарно-капиталистическом обществе оба эти момента заранее не организованы и не согласованы друг с другом, и именно потому каждый отдельный акт обмена может осуществиться только в результате соединения и совместного действия обоих этих моментов, из которых каждый как-бы подталкивает другой. Без наличности у данных лиц определенных вещей они не вступят в производственное отношение, друг с другом. Но и обратно, переход вещей невозможен без установления между их владельцами особого производственного отношения купли-продажи. *Материальный процесс производства*, с одной стороны, и *система производственных отношений* между отдельными частными хозяйствами, с другой, не согласованные в своем исходном пункте, требуют необходимо согласования на каждом из своих этапов, в каждом из *единичных актов*, на которые *распадается экономическая жизнь*; в противном случае неизбежно расхождение между ними и разрыв общественного процесса производства. В товарном хозяйстве такое расхождение всегда возможно. Или устанавливаются производственные отношения, под которыми не скрыто действительное движение продукта в процессе производства (спекуляция), или отсутствуют производственные отношения, необходимые для нормального хода процесса производства (застой в сбыте). Такое расхождение, в обычное время не выходящее за известные пределы, в моменты кризисов принимает катастрофический характер.

По существу такой же характер имеет связь между производственными отношениями людей и материальным процессом производства в обществе *капиталистическом*, разделенном на классы. Мы по-прежнему оставляем в стороне производственные отношения внутри отдельного предприятия и имеем в виду только отношения между отдельными частными предприятиями, связывающие их в единое народное хозяйство. В капиталистическом обществе различные фак-

¹⁾ В русском переводе П. Румянцева неправильно переведено как „результат“ („Критика полит. экон.“, ПБ. изд. 1922, с. 53). У Маркса сказано Erzeugung (производство, установление), а не Erzeugniss (продукт, результат). В дальнейшем „Критика политич. экономии“ цитируется нами по тому же изданию (ПБ., 1922 г.).

торы производства (средства производства, труд, земля) принадлежат трем различным социальным классам (капиталистам, наемным рабочим и землевладельцам) и в силу этого приобретают особую социальную форму, которой они не имеют в других общественных формациях. Средства производства являются капиталом, труд — наемным трудом, земля — объектом купли и продажи. Условия труда, т. е. средства производства и земля, «формально обособлены» (К. III, с. 354—5) от самого труда в том смысле, что принадлежность их различным социальным классам придает им, как указано, особую социальную «форму». При *обособлении* отдельных технических факторов производства и принадлежности их отдельным хозяйствующим субъектам (капиталисту, рабочему, землевладельцу), процесс производства не может начаться, пока между указанными лицами не будет создана *производственная связь*, сопровождающаяся сосредоточением всех *технических факторов* производства в одном хозяйстве, принадлежащем капиталисту. Такое сочетание всех факторов производства, людей и вещей, необходимо при любой общественной форме хозяйства, но «тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» (К. II, с. 13).

Представим себе феодальное хозяйство, где земля принадлежит помещику, а труд и средства производства, обычно весьма примитивные, крепостному крестьянину. Здесь между помещиком и крестьянином заранее существует общественная связь подчинения и господства, делающая возможным сочетание всех факторов производства. В силу обычного права, крестьянин пользуется участком земли, принадлежащей помещику, и обязан за это платить оброк и отбывать барщину, т. е. работать известное число дней на барской запашке, обычно с своими средствами производства. Постоянные производственные отношения, существующие между помещиком и крестьянином, делают возможным сочетание всех необходимых факторов производства в двух местах: в хозяйстве крестьянина и на барской запашке.

В капиталистическом обществе, как мы видели, таких постоянных связей между владельцами различных факторов производства не существует. И капиталист, и наемный рабочий, и землевладелец суть формально независимые друг от друга *товаровладельцы*. Производственное отношение между ними должно быть еще установлено, и при том в форме, обычной для товаровладельцев, в форме *купли-продажи*. Капиталист должен купить у рабочего право пользоваться его рабочей силой, а у землевладельца право пользоваться его землей. Для этого он должен обладать достаточным капиталом. Только как владелец определенной суммы стоимостей, капитала, при помощи которого он покупает средства производства и дает возможность рабочему купить необходимые средства существования, он является капиталистом, организатором и руководителем производства. Капиталисты пользуются авторитетом руководителей производства «лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это

было при более ранних формах производства» (К. III, с. 411). Капиталист «только потому является капиталистом, только потому вообще может взяться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы» (К. III¹, с. 15). Его положение в производстве определяется принадлежностью ему капитала, средств производства, вещей, и то же самое относится к наемному рабочему, как собственнику рабочей силы, и землевладельцу, как собственнику земли. *Агенты производства* соединяются через *факторы производства*, производственная связь между *людьми* устанавливается через *переход вещей*. Обособление факторов производства на основе частной собственности приводит к тому, что материальное (техническое) сочетание их, необходимое для производственного процесса, возможно только путем установления производственного отношения купли-продажи между их собственниками. И обратно: производственные отношения между представителями различных общественных классов (капиталистом, рабочим, землевладельцем) устанавливаются в целях известной комбинации технических факторов производства и ограничиваются переходом вещей из одного хозяйства в другое. Эта тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «*овеществлению*» производственных отношений людей.

{ ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Как мы видели, в товарно-капиталистическом обществе люди связываются определенными производственными отношениями, не как члены общества, не как лица, занимающие определенное место в общественном процессе производства, а как владельцы определенных вещей, как «социальные представители» различных факторов производства. Капиталист «есть не что иное, как персонифицированный капитал» (К. III², с. 354, 348). «Земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства», земли (К. III², с. 350, 354). Эта «персонификация», в которой критики Маркса усматривали нечто непонятное и даже мистическое ¹⁾, обозначает весьма реальное явление: зависимость производственных отношений между людьми от вещей, факторов производства, принадлежащих им и в них «персонифицированных».

Если данное лицо вступает в определенные производственные отношения с другими людьми только как владелец известной вещи, то, следовательно, данная вещь, кому бы она ни принадлежала, дает своему владельцу возможность занять определенное место в системе производственных отношений. Так как обладание вещью является *условием*

установления производственных связей между людьми, то кажется, что вещь сама по себе обладает способностью, *свойством* устанавливать производственные отношения. Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет «стоимость». Если данная вещь связывает двух товаровладельцев, из которых один капиталист, а другой наемный рабочий, то она является не только «стоимостью», но и «капиталом». Если капиталист вступает в производственное отношение с землевладельцем, то стоимость, деньги, которые он передает землевладельцу, и через передачу которых вступает с ним в производственную связь, представляют «ренту». Деньги, уплачиваемые промышленным капиталистом денежному капиталисту за пользование взятым у него в ссуду капиталом, называются «процентом». *Каждый тип производственных отношений между людьми придает вещам, через посредство которых люди вступают в производственную связь, особое „общественное свойство“, „социальную форму“.* Данная вещь, помимо того, что она в качестве потребительной стоимости, материальной вещи с определенными свойствами служит предметом потребления или средством производства, т. е. выполняет *техническую функцию* в процессе материального производства, выполняет также *социальную функцию* связывания людей.

Итак, в товарно-капиталистическом обществе *люди* вступают в общественные производственные отношения исключительно, как товаровладельцы, владельцы *вещей*, и, с другой стороны, *вещи* благодаря этому приобретают особые *общественные* свойства, особую социальную форму. «Общественные определения труда» приобретают «*вещные черты*», а вещи — «*общественные черты*» (К. I, с. 59). Вместо «непосредственно общественных отношений самих лиц и их работ», которые устанавливаются в обществах с организованным хозяйством, здесь мы наблюдаем «вещные отношения лиц и общественные отношения вещей». (К. I, с. 40). Эти две особенности товарного хозяйства, «персонификация вещей и овеществление производственных отношений» (К. III² с. 360), «овеществления общественно-производственных определений и олицетворение материальных основ производства» (там же, с. 410), — представляют собою в сущности только две стороны одного и того же явления, описанного нами выше: тесной связи, «непосредственного сращения» процесса установления производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства. Каждый акт обмена включает в себя и отношение людей и переход вещей. Но наблюдателю бросается в глаза именно этот переход материальных вещей из рук в руки, производственное же отношение между людьми выступает, как нечто кратковременное, мимолетное, добавочное к переходу вещей, «привязанное» к вещам, «сращенное» с ними. В том, что вещь имеет свойство быть стоимостью, деньгами, капиталом и т. п. усматривают уже не ее социальную форму или социальную функцию, выражающую определенные общественные отно-

¹⁾ Cp. Passow, Kapitalismus, 1918, s. 84.

шения людей, но свойство, присущее вещи в ее материальном виде, вытекающее из ее технических функций в процессе производства.

Из неорганизованности в общественном масштабе и процесса материального производства и совокупности производственных отношений, из необходимости согласования их от случая к случаю, в каждом отдельном этапе, — и вытекает *фетишизм* товарно-капиталистического хозяйства, «овеществление общественных отношений, непосредственное сращение материальных отношений производства с их исторически-общественной формой» (К. III², с. 359). «Элементы производства сливаются с определенной социальной формой» (с. 345). «Формальное обособление этих условий труда от труда и та особая форма этого обособления, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них, как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается свойством, необходимо принадлежащим им, имманентно сросшимся с ними просто как с элементами производства. Их определяемый историческою эпохою определенный исторический характер при капиталистическом процессе производства оказывается их вещественным характером, естественно и, так сказать, искони прирожденным им, как элементам процесса производства» (стр. 354 — 5). Определенные материальные условия производства являются «в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни» (с. 348) ¹⁾.

Товарный фетишизм, превращение общественных производственных отношений людей в общественные, «объективные» свойства вещей, есть реальный факт товарно-капиталистического хозяйства, следствие своеобразной связи между процессом материального производства и движением производственных отношений. Ошибка вульгарной экономии — не в том, что она уделяет внимание этим вещным формам капиталистического хозяйства, а в том, что она не видит их связи с общественной формой производства, выводит их не из последней, а из естественных свойств вещи. «Действия определенной общественной формы труда приписываются вещи, продуктам этого труда; само отношение выступает фантастическим образом в вещной форме. Мы видели, что это специфическая особенность товарного производства... Годскин видит в этом чисто субъективную иллюзию, за которою скрывается обман и интерес эксплуатирующих классов.

¹⁾ Только с точки зрения этого «сращения» общественных отношений и материальных условий производства станет нам понятным известное учение Маркса о двойственной природе товара и его утверждение, что в товарном обществе потребительные стоимости являются «вещественными носителями меновой стоимости» (К. I, с. 2). Потребительная стоимость и меновая стоимость — это не два различных свойства вещи, как думает Вем-Баверк. Противоположность между ними вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения, «сращенные с вещью». «Потребительная стоимость выражает естественное отношение между вещью и человеком, существование вещи для человека. Меновая же стоимость... представляет общественное существование вещи» (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 355, прим.).

Он не видит, что способ представления вытекает из самого реального отношения, что последнее не есть выражение первого, а наоборот» (Theorien über der Mehrwert, B. III, S. 354 — 5, изд. 1910 г.).

Вульгарные экономисты делают ошибки двоякого рода: 1) либо «экономическую определенность формы» они приписывают «вещественным свойствам» предметов (К. II, с. 137), т. е. выводят явления *социальные* из *технических*; напр., способность капитала приносить прибыль, предполагающая существование определенных социальных классов и производственных отношений между ними, объясняется ими техническими функциями капитала в роли средства производства; 2) либо «определенные свойства, принадлежащие материальной форме средств труда», они приписывают социальной форме последних (там же) т. е. выводят явления *технические* из *социальных*; напр., способность повышать производительность труда, присущая средствам производства и представляющая их техническую функцию, приписывается капиталу, т. е. определенной социальной форме средств производства (теория производительности капитала). Эти две ошибки, на первый взгляд противоположного характера, сводятся к одному и тому же основному методологическому дефекту: отождествлению материального процесса производства и его общественной формы, *технических* и *социальных* функций вещи. Вместо того, чтобы рассматривать явления технического и социального порядка, как различные стороны трудовой деятельности людей, — стороны, тесно связанные, но различные, — вульгарные экономисты ставят их в один ряд, в одну, так сказать, научную плоскость. Они рассматривают экономические явления непосредственно в том тесном переплетении и «сращении» технического и социального моментов, которое присуще товарному хозяйству. Благодаря этому получается «совершенно несообразное отношение между потребительною стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным отношением производства, с другой» (К. III², с. 347); «социальное отношение, взятое как вещь, поставлено в известное соотношение к природе, т. е. выходит, что в известном отношении друг к другу стоят две несоизмеримые величины» (там же, с. 346). Это отождествление процесса производства и его социальной формы, технических свойств вещи и общественных отношений людей, «овеществленных» в социальной форме вещей, жестоко мстит за себя. Экономистов часто охватывает наивное удивление, «когда то, что они с трудом определили, как им казалось, вещью, выступает перед ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели установить, как общественное отношение, снова принимает оболочку вещи» (Критика пол. эк., стр. 41).

На первый взгляд может показаться, что отмеченное Марксом «непосредственное сращение материальных отношений производства с их исторически-общественною формою» присуще не только товарно-капиталистическому хозяйству, но и другим общественным формациям. Ведь и при других типах хозяйства мы наблюдаем причинную зависимость общественных производственных отношений людей от материальных условий производства и от распределения технических

средств производства между различными общественными группами. С точки зрения теории исторического материализма, это общесоциологический закон, имеющий силу во всех общественных формациях. Никто не может сомневаться, что в феодальном обществе совокупность производственных отношений между помещиком и крепостными крестьянами была причинно обусловлена техникой производства и распределением между помещиком и крестьянами технических факторов производства, земли, скота, орудий труда и т. п. Но дело в том, что в феодальном обществе производственные отношения между людьми устанавливаются на основе распределения между ними вещей и по поводу вещей, но не через посредство вещей. Люди связаны здесь непосредственно друг с другом, «общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» (К. I, с. 45). Особенность же товарно-капиталистического хозяйства заключается в том, что производственные отношения между людьми устанавливаются не только по поводу вещей, но и через посредство вещей. Именно это и придает производственным отношениям людей «овеществленную», «вещную» форму и рождает товарный фетишизм, то смешение материально-технической и социально-экономической сторон трудового процесса, которое было устранено только новым, социологическим методом Маркса¹⁾.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ (ФОРМА).

Тот новый, социологический метод, который Маркс внес в политическую экономию, заключается в последовательно проведенном различии между производительными силами и производственными отношениями, материальным процессом производства и его общественной формой, процессом труда, как таковым, и социальной формой организации труда. Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда,

¹⁾ Вообще связь между вещами и общественными отношениями людей в высшей степени сложна и многообразна. Так, например, касаясь только явлений, имеющих близкое отношение к нашей теме, мы можем заметить: 1) в экономической сфере различных общественных формаций — причинную зависимость производственных отношений людей от распределения между ними вещей (зависимость производственных отношений от состояния и распределения производительных сил); 2) в экономической сфере товарно-капиталистического хозяйства — установление производственных отношений людей через посредство вещей, их «сращение» (товарный фетишизм в точном смысле слова); 3) в различных сферах различных общественных формаций — символизацию отношений людей в вещах (общая социальная символизация или фетишизация общественных отношений людей). Мы изучаем здесь только второе явление, товарный фетишизм в точном смысле слова, и считаем необходимым резко отличать его, как от первого явления — (смешение их заметно в книге Н. Бухарина, «Исторический материализм» 1922 г., стр. 161—162), так и от последнего — (смешением их страдает учение о фетишизме А. Богданова).

но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства. Но, так как в товарно-капиталистическом обществе люди связываются производственными отношениями через передачу вещей, то производственные отношения людей приобретают вещный характер. Это «овеществление» заключается в том, что вещь, через посредство которой люди вступают в определенное отношение между собою, выполняет особую социальную функцию связывания людей, функцию «посредника» или «носителя» данного производственного отношения. Помимо своего материального или технического существования, как конкретный предмет потребления или средство производства, вещь как бы приобретает социальное или функциональное существование, т. е. особое общественное свойство, выражающее данное производственное отношение людей и придающее вещи особую социальную форму, «определенность формы» (Formbestimmtheit). Таким образом, основные понятия или категории политической экономии выражают основные социально-экономические формы, которые характеризуют различные типы производственных отношений людей и сообщаются вещам, через посредство или по поводу которых эти отношения между людьми устанавливаются.

Приступая к изучению «экономической структуры общества» или «совокупности производственных отношений» людей (Предисловие к Критике пол. эк.), Маркс выделяет отдельные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе¹⁾. Порядок их изучения Марксом устанавливается следующий. Некоторые из этих отношений между людьми предполагают наличность других типов производственных отношений между членами данного общества; последние же отношения не предполагают необходимо существования первых, представляя собою, таким образом, их предпосылку. Например, отношение между финансовым капиталистом С и промышленным капиталистом В, выражающееся в получении последним от первого денежной ссуды, уже предполагает наличность производственных отношений между промышленным капиталистом В и рабочим А (вернее, многими рабочими). С другой стороны, отношение между промышленным капиталистом и рабочим не предполагает необходимо, что первый берет деньги в ссуду у финансового капиталиста. Отсюда понятно, что экономические категории «капитал» и «прибавочная стоимость» предшествуют категориям «ссудный капитал» и «процент». Далее, отношение между промышленным капиталистом и рабочим имеет форму купли-продажи рабочей силы и, кроме того, предполагает, что первый производит товар для продажи, т. е. связан с другими членами общества производственными отношениями товарладельцев друг к другу. Отношение же между товарладельцами, т. е. купля-продажа, не предполагает необходимо производственной связи

¹⁾ Мы имеем в виду различные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, а не различные типы производственных отношений, характеризующие различные общественные формации.

между промышленным капиталистом и рабочим. Отсюда понятно, что категория «товар» или «стоимость» предшествует категории «капитал». Логический порядок экономических категорий вытекает из характера производственных отношений, выражаемых ими. Экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов *производственных отношений* между людьми, выраженных в ряде усложняющихся *социальных форм*, приобретаемых *вещами*. Эту связь между данным типом производственных отношений людей и соответствующему социальному функции или формой вещей мы можем проследить на всех экономических категориях.

Основное производственное отношение людей, как товаровладельцев, обменивающихся продуктами своего труда, придает последним особое свойство обмениваемости, как-будто присущее им от природы, особую «форму стоимости». Регулярные меновые отношения между людьми, в результате которых общественное действие товаровладельцев выделяет один товар (напр., золото) в качестве всеобщего эквивалента, который может непосредственно обмениваться на любой другой товар, придает этому выделенному товару особую функцию денег или «денежную форму». Эта денежная форма в свою очередь представляет несколько различных функций или форм, в зависимости от характера производственных отношений между покупателями и продавцами.

Если переход товара от продавца к покупателю и обратный переход денег совершаются одновременно, деньги выполняют функцию или имеют форму «средства обращения». Если переход товара предшествует переходу денег, и отношение между продавцом и покупателем превращается в отношение между кредитором и должником, деньги получают функцию или форму «платежного средства». Если продавец задерживает вырученные от продажи деньги у себя, отсрочивая момент своего вступления в новое производственное отношение купли, деньги приобретают функцию или форму «сокровища». Каждая социальная функция или форма денег выражает иной характер или тип производственных отношений между обменивающимися лицами.

При появлении нового типа производственных отношений, а именно капиталистических, связывающих товаровладельца — капиталиста с товаровладельцем — рабочим, деньги, через передачу которых между ними устанавливается производственное отношение, приобретают новую социальную функцию или «форму капитала». Точнее говоря, деньги, непосредственно связывающие капиталиста с рабочими, выполняют функцию или имеют форму «переменного капитала». Но для установления производственных отношений с рабочими капиталисту необходимо иметь также средства производства или деньги для покупки их. Эти средства производства или деньги, которые косвенно служат также установлению производственных отношений между капиталистом и рабочими, имеют функцию или форму «постоянного капитала». Поскольку мы рассматриваем производственные отношения между классом капиталистов и классом рабочих в процессе производства, перед нами «производительный

капитал» или «капитал в фазе производства». Но до начала производства капиталист выступал на рынке, как покупатель средств производства и рабочей силы. Этим производственным отношениям между капиталистом — покупателем и остальными товаровладельцами соответствует функция или форма «денежного капитала». По окончании процесса производства капиталист выступает как продавец своего товара, что находит выражение в функции или форме «товарного капитала». Таким образом, метаморфоз или «превращение форм» капитала отражает различные формы производственных отношений между людьми.

Но этим еще не исчерпываются производственные отношения, связывающие промышленного капиталиста с другими членами общества. Во-первых, через конкуренцию капиталов и переход их из одной отрасли в другую промышленные капиталисты данной отрасли связаны со всеми другими промышленными капиталистами, и эта связь выражается в образовании «общей средней нормы прибыли» и продаже товаров по «ценам производства». Кроме того, самый класс капиталистов распадается на несколько общественных групп или подклассов: капиталистов промышленных, торговых и денежных (финансовых). На ряду с этими группами, составляющими в совокупности класс капиталистов, стоит еще класс землевладельцев. Производственные отношения между этими различными социальными группами создают новые социально-экономические «формы»: торговый капитал и торговую прибыль, ссудный капитал и процент, ренту. «Из своей, так сказать, внутренней органической жизни он (капитал) вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не *капитал и труд*, а с одной стороны — *капитал и капитал*, с другой стороны — индивидуумы опять-таки просто *как покупатели и продавцы*» (К. III, с. 18) ¹⁾. Речь идет здесь о разных типах производственных отношений, а именно о производственных отношениях: 1) между *капиталистами и рабочими*; 2) между капиталистами и членами общества, выступающими в качестве *покупателей и продавцов*, и 3) между отдельными *группами* промышленных капиталистов, а также между промышленными капиталистами в целом и другими капиталистическими группами (капиталисты, торговые и денежные). Первый тип производственных отношений, представляющий основу капиталистического общества, излагается Марксом в I томе «Капитала», второй тип во II томе, третий тип в III томе. Что же касается основного производственного отношения товарного общества, отношения между людьми как товаропроизводителями, то анализ его дан Марксом в «Критике политической экономии» и повторен в первом отделе I тома «Капитала», озаглавленном «Товар и деньги» и представляющем собою как-бы введение в марксову систему (в первоначальном наброске Маркс предполагал назвать этот отдел: «Введение. Товар, деньги». См. Theorien über den Mehrwert, B. III, S. VII). Система Маркса изучает ряд усложняющихся типов

¹⁾ Курсив наш.

производственных отношений людей, которому соответствует ряд усложняющих экономических форм вещей.

Основные *категории* политической экономии выражают, следовательно, различные *типы производственных отношений*, принявших вещную форму. «В действительности стоимость представляет собой только вещно выраженное отношение производительных деятельности людей (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 218). «Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами, он должен был бы прибавить: скрытое под вещною оболочкою отношение» (К. I, с. 41 и Критика, с. 40). «Она (монетарная система) не понимала, что золото и серебро, как деньги, выражают общественное производственное отношение» (Kapital, I, S. 46, русск. перев. с. 50, ср. Критику, с. 41). «Капитал есть общественное производственное отношение. Он есть историческое производственное отношение» (Наемный труд и капитал). Капитал есть «общественное отношение, выраженное (darstellt) в вещах и через вещи» (Theorien, B. III, S. 325). «Капитал—это не вещь, а определенное общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое проявляется (darstellt) в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» (Kapital, III, S. 349, русск. перев. с. 343—344).¹⁾

Свой взгляд на экономические категории, как на выражение общественных производственных отношений, Маркс наиболее подробно обосновал на категориях стоимости, денег и капитала. Но он неоднократно указывал, что и другие понятия политической экономии выражают производственные отношения людей. Прибавочная стоимость представляет «определенное общественное отношение производства» (К. III², с. 347). Рента есть «социальное отношение, взятое как вещь» (там же, с. 346). «Предложение и спрос представляют собою отношения данного производства, равно как и частный обмен» (Нищета философии, перев. Алексеева. 1905 г., стр. 11). Разделение труда, кредит суть «отношения буржуазного производства» (там же, с. 93). Или, как Маркс формулирует в общем виде, «экономические отношения являются лишь теоретическими выражениями, абстракциями общественных отношений производства» (там же, с. 74).

Таким образом, основные понятия политической экономии выражают различные производственные отношения людей в капиталистическом обществе. Но так как эти производственные отношения связывают людей только через вещи, то вещи выполняют особую социальную *функцию* или приобретают особую социальную *форму*, соответствующую данному типу производственных отношений. Если раньше мы сказали, что экономические категории выражают производ-

¹⁾ Маркс чаще всего говорит, что производственное отношение „представляется“ (sich darstellt) в вещи, что вещь „представляет“ (darstellt) производственное отношение. Так как русский глагол „представляет“ часто употребляется в смысле „есть“, что совершенно не соответствует смыслу darstellen, то последний глагол приходится переводить различными словами: представляется, выражается, проявляется и т. п. (См. приложение „К терминологии Маркса“).

ственные отношения людей, принимающие «вещный» характер, то с таким же правом мы можем сказать, что они выражают социальные функции или социальные формы, приобретаемые вещами, как посредниками общественных производственных отношений людей. Начнем с социальной *функции* вещей.

Маркс часто говорит о *функциях* вещей, соответствующих различным производственным отношениям людей. В выражении стоимости один товар «функционирует как эквивалент» (К. I, с. 15, 37). «Функция денег» представляет целый ряд различных функций: «функция меры стоимости» (с. 85), «функция средства обращения» или «монетная функция» (с. 85, 94), «функция платежного средства» (с. 95, 106, 109), «функция сокровища» (с. 113), «функция мировых денег» (с. 113). Различным производственным отношениям между продавцами и покупателями соответствуют различные функции денег. Капитал также есть особая социальная функция. «Свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют» (К. II, с. 181). В денежном капитале Маркс тщательно различает «функцию денег» от «функции капитала» (К. II, с. 8—9, 52). Здесь речь идет, конечно, о социальной функции, которую капитал выполняет, связывая различные социальные классы и их представителей, капиталиста и наемного рабочего, но отнюдь не о той технической функции, которую средства производства выполняют в материальном процессе производства. Если капитал есть социальная функция, то, как говорит Маркс, это же «справедливо и относительно его подразделений». Переменный и постоянный капиталы отличаются различными «функциями», выполняемыми ими в «процессе увеличения» капитала (К. I, с. 180); переменный капитал непосредственно связывает капиталиста с рабочим и передает в распоряжение первого прибавочный труд последнего, постоянный капитал служит той же цели косвенным образом. Между ними существует «функциональное различие» (К. I, с. 182). То же самое относится к разделению основного и оборотного капиталов. «Здесь дело идет не об определении (основного и оборотного капиталов И. Р.), под которое могут быть подведены вещи. Дело идет об определенных *функциях*, которые должны получить выражение в определенных *категориях*» (К. II, с. 205. Курсив наш). Это различие функций основного и оборотного капиталов заключается в различных способах перенесения стоимости капитала на продукт, т. е. в полном или частичном возмещении стоимости капитала в течение одного периода оборота (там же, с. 143). Это различие социальных функций в процессе перенесения стоимости (т. е. в процессе обращения) экономисты часто смешивают с различием технических функций в процессе материального производства, а именно с различием между медленным изнашиванием средств труда и полным потреблением сырых материалов и вспомогательных веществ. Во втором отделе II тома «Капитала» Маркс потратил немало усилий, чтобы показать, что категории основного и оборотного капиталов выражают именно ука-

занные социальные функции перенесения стоимости, которые, правда, связаны с определенными техническими функциями средств производства, но не совпадают с ними. Не только различные части производительного капитала (постоянный и переменный, основной и оборотный) отличаются друг от друга по своим функциям, но на различии функций основано также деление капитала на производительный, денежный и товарный. Отличаются «функции товарного и денежного капитала» от «функций производительного капитала» (К. II, с. 103, 56; К. III¹, с. 245 и др.).

Итак, различные категории политической экономии выражают различные социальные функции вещей, соответствующие различным производственным отношениям людей. Но социальная функция, выполняемая вещью, «придает ей особый общественный характер, определенную социальную форму, „определенность формы“ (Formbestimmtheit),¹⁾ как часто выражается Маркс. Каждому типу производственных отношений людей соответствует особая социальная функция или „экономическая форма“ вещей. Тесную связь функции с формой Маркс отмечает неоднократно. «Товар функционирует как эквивалент или находится в эквивалентной форме» (К. I, с. 15). «Из функции денег, как средства обращения, вытекает их монетная форма» (там же, с. 92). «Эта своеобразная функция внутри процесса обращения придает деньгам, как средству обращения, новую определенность формы» (Kritik, S. 92). Если социальная функция вещи придает ей особую социально-экономическую форму, то ясно, что основные категории политической экономии, которые мы выше рассматривали, как выражения различных производственных отношений и социальных функций вещей, вместе с тем служат выражением соответствующих им социально-экономических форм, которые придают вещам их функцией «носителей» производственных отношений людей. Чаще всего Маркс называет изучаемые им экономические явления «экономическими формами», «определенностями формы». Марксова система изучает ряд усложняющихся «экономических форм» вещей или «определенностей формы» (Formbestimmtheiten), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей. В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс отмечает трудности «анализа экономических форм», в частности «формы стоимости» и «денежной формы». Форма стоимости в свою очередь включает в себя различные формы: с одной стороны, каждое выражение стоимости содержит «относительную форму» и «эквивалентную

¹⁾ Понятие Formbestimmtheit или Formbestimmung играет большую роль в Марксовой системе, внимание которой направлено прежде всего на изучение социальных форм хозяйства, производственных отношений людей. Маркс часто вместо Formbestimmtheit говорит Bestimmtheit. В. Базаров и И. Степанов вполне правильно переводят иногда последний термин словом «форма» (Ср. Kapital, III², S. 365—6 и русск. перев. стр. 359). Безусловно неправильно переводить Bestimmtheit словом «назначение», как то иногда делает П. Румянцев (Kritik, S. 10 и русск. пер. с. 40). Также не передает мысли Маркса перевод «формальное определение» (Накопление капитала и кризисы. Перев. С. Бессонова). Мы предпочитаем точный перевод: «определенность формы» и «определение формы».

Форму», с другой стороны, историческое развитие стоимости выражается в усложнении ее форм: от «единичной формы» через «развернутую» она переходит ко «всеобщей» и «денежной» формам. Образование денег представляет «новую определенность формы» (Kritik, S. 28). Различные функции денег суть вместе с тем различные «определенности формы» (там же, S. 46). Так, например, деньги как мера стоимости и как масштаб цен представляют «различные определенности формы», смешение которых приводило к неправильным теориям (там же, S. 54). «Особенные формы» денег — просто товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги — указывают, в связи с относительным значением той или другой из этих функций, на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса» (К. I, с. 140. Курсив наш). Здесь подчеркивается тесная связь между формами и функциями денег и развитием производственных отношений людей.

Переход от денег к капиталу означает появление новой экономической формы. «Капитал — социальная форма, которую принимают средства воспроизводства на базе наемного труда» (Theorien, B. III, S. 383), особая «общественная определенность» (там же, S. 547). Наемный труд есть также «общественная определенность труда» (там же, S. 563), т. е. определенная социальная форма труда. Подразделения производительного капитала (постоянный и переменный, основной и оборотный), рассматривавшиеся выше со стороны различия их функций, представляют также различные формы капитала (К. II, с. 143 и др.). Основной капитал представляет «определенность формы» (К. II, с. 144). Точно так же денежный, производительный и товарный капиталы представляют различные формы капитала (К. II, с. 27). Каждая из этих форм соответствует особой функции. Денежный и товарный капиталы суть «особые, отличные формы, как способы существования капитала, соответствующие особым функциям промышленного капитала» (К. II, с. 56). Капитал переходит «из одной функциональной формы в другую и, следовательно, поочередно функционирует во всех формах» (там же, с. 80). Если эти функции обособляются друг от друга и выполняются отдельными капиталами, то последние принимают самостоятельные формы товарноторгового и денежноторгового капиталов «вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, являются самостоятельными формами и функциями обособившейся части капитала и исключительно ей свойственны» (К. III¹, с. 299).

Итак, экономические категории выражают различные производственные отношения людей и соответствующие им социальные функции или социально-экономические формы вещей. Эти функции или формы носят социальный характер, так как они присущи не вещам как таковым, но вещам, которые фигурируют в определенной общественной среде, вещам, через посредство или по поводу которых люди вступают в известные производственные отношения между собою. Эти формы отражают не свойства вещей, но свойства со-

циальной среды. Иногда Маркс говорит просто «форма» или «определенность формы», но он имеет в виду именно «экономическую форму», «социальную форму», «исторически-общественную форму», «общественную форму», «общественную определенность формы», «экономическую определенность формы», «социальную определенность формы», «исторически-социальную определенность». (См. например, К. I, с. 116, 117, 119; К. III², с. 345, 359; Kapital III², S. 351, 359, 360, 366; Theorien, B. III, S. 484—5, 547, 563; Kritik, S. 20 и друг.). Иногда Маркс в том же смысле говорит, что вещь приобретает «общественное существование», «формальное существование» (Form-dasein), «функциональное существование», «идеальное существование». (См. К. I, с. 93, 97; Theorien, B. III, S. 314, 349; Kritik, S. 28, 101, 100, 94). Это социальное или функциональное существование вещей противопоставляется их «материальному существованию», «действительному существованию», «непосредственному существованию», «вещественному существованию» (К. I, с. 97; Kritik, S. 102; Kapital III², S. 359, 360 и III¹, S. 19; Theorien, B. III, S. 193, 292, 320, 434). В том же смысле социальная форма или функция противопоставляется «материальному содержанию», «материальной субстанции», «содержанию», «субстанции», «элементам производства», материальным и вещественным элементам и условиям производства (К. I, с. 2, 94, 116, 117, 119; К. III², с. 354; Kritik, S. 100—104, 121; Theorien, B. III, S. 315, 316, 318, 326, 329, 424 и др.). ¹⁾ Все эти выражения, которые проводят различие между технической и социальной функциями вещей, *технической* ролью средств и условий труда и их *социальной формой*, по существу сводятся к тому основному различию, которое было установлено нами выше. Речь идет об основном различии между процессом материального производства и его общественной формой, о двух различных сторонах, технической и социальной, единого процесса трудовой деятельности людей. Политическая экономия изучает производственные отношения людей, т. е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материального «содержания» или «субстанции».

Не значит ли это, что экономическая теория Маркса совершенно отрывает производственные отношения людей от развития производительных сил, изучая социальную форму производства, оторванную от его материально-технического содержания? никоим образом. Каждая из социально-экономических форм, изучаемых Марксом, предполагает, как данное, определенные явления материально-технического производства. Развитие формы стоимости и денег предполагает, как мы видели, постоянный «обмен веществ» (Stoffwechsel), переход материальных вещей. Стоимость предполагает потребительную

¹⁾ Необходимо указать, что иногда Маркс употребляет также в техническом смысле термины «функция» и «форма», первый термин чаще, последний очень редко. Это создает терминологическое неудобство, но по существу не мешает Марксу проводить строгое различие между обоими смыслами этих терминов, за исключением отдельных мест, где у него встречаются неясности и противоречия (напр., во 2-м разделе II тома Капитала). См. приложение «К терминологии Маркса».

стоимость, т. е. производство потребительных благ. Абстрактный труд предполагает совокупность различных видов конкретного труда, приложенных в различных отраслях производства, а общественно-необходимый труд — различие в производительности труда в различных предприятиях одной и той же отрасли. Прибавочная стоимость предполагает определенный уровень развития производительных сил. Капитал и наемный труд представляют социальную форму технических факторов производства: вещественных и личных. После покупки капиталистом рабочей силы, это же различие вещественных и личных факторов производства принимает форму постоянного и переменного капиталов. Соотношение последних, т. е. органическое строение капитала, основано на известном техническом строении его.

Другое деление капитала: на основной и оборотный, также предполагает техническое различие между медленным изнашиванием средств труда и полным потреблением предмета труда и рабочей силы. Метаморфозы, или изменение форм капитала, основаны на том, что производительный капитал организует непосредственно материальный процесс производства, а денежный и товарный капиталы имеют к нему более посредственное отношение, представляя собою непосредственно фазу обращения. Отсюда, с одной стороны, различие между предпринимательской прибылью, торговой прибылью и процентом, а с другой стороны — между трудом производительным и непроизводительным (занятым в фазе обращения). Воспроизводство капитала предполагает также воспроизводство его материальных составных частей. Образование общей средней нормы прибыли предполагает различное техническое и органическое строение капиталов в отдельных отраслях промышленности, а абсолютная рента предполагает такое же различие между промышленностью, с одной стороны, и сельским хозяйством, с другой. В форме дифференциальной ренты выражается различная производительность труда в отдельных предприятиях земледелия и добывающей промышленности, вызываемая различием в плодородии и расположении отдельных земельных участков.

Как видим, производственные отношения между людьми выступают на *базисе* известного состояния производительных сил, экономические категории предполагают определенные технические условия. Но в политической экономии последние выступают не как условия процесса производства, рассматриваемого с технической стороны, но лишь как предпосылки тех определенных социально-экономических форм, которые принимает процесс производства. Последний выступает в определенной социально-экономической форме, а именно в форме товарно-капиталистического хозяйства. Политическая экономия изучает именно эту форму хозяйства и свойственную ей совокупность производственных отношений между людьми. Известное учение Маркса, согласно которому потребительная стоимость составляет предпосылку, но не источник стоимости меновой, должно быть выражено в обобщенном виде: предметом изучения политической

экономии являются «экономические формы», типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют свою предпосылку материальный процесс производства и присущие ему технические факторы. Но Маркс всегда решительно протестовал против превращения последних из предпосылки политической экономии в предмет ее изучения. Он отвергал теории, которые выводят стоимость из потребительной стоимости, деньги из технических свойств золота, капитал из технической производительности средств производства. Даже в таких категориях, где технический и экономический моменты очень тесно связаны и почти покрывают друг друга, Маркс с величайшим искусством отличает их друг от друга, рассматривая первый, как предпосылку последнего. Например, техническое различие личных и вещественных факторов производства является предпосылкой или основой, на которой вырастает «функциональное», «формальное» или социально-экономическое различие переменного и постоянного капиталов. Но Маркс решительно отказывается видеть разницу между ними в том, что они «служат для оплаты материально отличного элемента производства» (К. III, с. 6). Для него эта разница состоит в функционально различной роли их в процессе увеличения капитала (там же). Различие между основным и оборотным капиталами состоит в различном способе перехода их стоимости на продукт, но не в различной скорости их технического изнашивания. Последнее различие составляет материальную основу, предпосылку, «исходный пункт» первого, но не «искомое нами различие», которое имеет экономический, а не технический характер (К. II, с. 175; Theorien, B. III, S. 558). Принять эту техническую предпосылку за предмет изучения значило бы уподобиться вульгарным экономистам, которых Маркс обвиняет в «грубости» метода исследования за то, что «различия форм» интересуют их и рассматриваются ими «только с материальной стороны» (К. III, с. 299). Они «в своей грубой заинтересованности материей пренебрегают всякими различиями формы» (К. I, с. 524). Марксова экономическая теория изучает именно «различия форм» (социально-экономических форм, производственных отношений), которые, правда, вырастают на основе известных материально-технических условий, но не должны быть смешиваемы с ними. В этом именно и заключается та совершенно *новая методологическая постановка* экономических проблем, которая составляет великую заслугу Маркса и отличает его учение от теорий его предшественников-классиков.

Внимание классиков было направлено на то, чтобы вскрыть материально-техническую основу социальных форм, которые они принимали за данные, не подлежащие дальнейшему анализу. Маркс же ставил себе целью раскрыть законы возникновения и развития социальных форм, принимаемых материально-техническим процессом производства на данной ступени развития производительных сил.

Это глубочайшее различие методов исследования классиков и Маркса отражает различные, необходимые этапы развития экономической мысли. Научный анализ «исходит из готовых результатов

процесса развития» (К. I, с. 43), из тех многочисленных социально-экономических форм вещей, которые он находит уже установившимися и фиксированными в окружающей действительности (стоимость, деньги, капитал, заработная плата и т. п.). Эти формы «успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни к тому времени, когда люди делают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм — последние уже приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их *содержании*» (там же, курсив наш). Классики, не анализируя самих социально-экономических форм, которые им даны в готовом виде, хотят только вскрыть их содержание, их материально-техническую основу. В стоимости они открывают труд, в капитале — средства производства, в заработной плате — средства существования рабочих, в прибыли — избыток продуктов, доставляемый ростом производительности труда. Исходя из готовых социальных форм и принимая их за вечные и естественные формы процесса производства, они не ставят себе вопроса об их возникновении. Для классической экономии «не представляет интереса генетически развить различные *формы*, она хочет только свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них, как из готовых предпосылок». (Theorien, III, S. 572). После того, как данные социально-экономические формы сведены к их материально-техническому содержанию, классики считают свою задачу законченной. Но именно там, где они прекращают свой анализ, его продолжает дальше Маркс. Не ограниченный кругозор капиталистического хозяйства и усматривая в нем только одну из многих существовавших и возможных социальных форм хозяйства, Маркс ставит вопрос: почему материально-техническое содержание трудового процесса на известной ступени развития производительных сил принимает именно данную *социальную форму*. Методологическая постановка проблемы у Маркса гласит приблизительно так: почему труд принимает форму стоимости, средства производства — форму капитала, средства существования рабочих — форму заработной платы, рост производительности труда — форму возрастания прибавочной стоимости. Его внимание направлено на анализ социальных форм хозяйства и на законы их возникновения и развития, на «действительный процесс образования *форм* (Gestaltungsprozess) в различных его фазах» (там же). Этот *генетический* метод Маркс противопоставляет *аналитическому* методу классиков. Особенность этого генетического метода Маркса заключается, как видим, не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства. Классики, исходя из этих социальных форм, как данных, стараются, главным образом, вскрыть их *материально-техническую основу* или содержание. Маркс же, исходя из данного состояния материального процесса производства, из данного уровня производительных сил, старается объяснить возникновение и характер *социальных форм*, принимаемых материальным процессом производства. Отсюда отме-

ченный нами выше преобладающий интерес Маркса к «экономическим формам», к «определенностям формы» (Formbestimmtheiten).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЩНЫЕ КАТЕГОРИИ.

На первый взгляд все основные понятия политической экономии (стоимость, деньги, капитал, прибыль, рента, заработная плата и т. д.) носят вещный характер. Маркс показал, что под каждым из них скрывается определенное общественное производственное отношение, которое в товарном хозяйстве осуществляется только через посредство вещи, тем самым сообщая последней определенный объективно-общественный характер, «определенность формы» (точнее: общественной формы), как иногда выражается Маркс. Изучая любую экономическую категорию, мы должны прежде всего указать то общественное производственное отношение, выражением которого она является. И лишь поскольку вещная категория является выражением именно данного, определенного производственного отношения, она входит в круг нашего исследования. Если та же вещная категория не связана с данной общественной формой, т. е. данным производственным отношением, мы выделяем ее из круга нашего исследования и оставляем в стороне. Мы объединяем экономические явления в группы и строим экономические понятия по признаку тождества их общественной формы, а не по признаку совпадения их вещного выражения. Приведем пример. Теория стоимости изучает обмен между автономными товаропроизводителями, взаимодействие их в трудовом процессе через посредство продуктов их труда. Движение стоимости последних на рынке интересует экономиста не само по себе, а в его связи с распределением труда в обществе, с производственными отношениями независимых товаропроизводителей. Поскольку в обмене выступает, например, земля, не являющаяся продуктом труда, поскольку производственное отношение связывает здесь товаропроизводителя не с товаропроизводителем, а с землевладельцем, поскольку колебания цен земельных участков оказывают на ход и распределение производственного процесса иное влияние, чем колебания цен продуктов труда, — постольку перед нами, под тою же вещною формой обмена и стоимости, другая общественная связь, другое производственное отношение, подлежащее отдельному изучению, а именно в теории ренты. Поэтому земля, имея цену, т. е. денежное выражение стоимости (как вещной категории), не имеет «стоимости» в указанном выше смысле, т. е. цена земли не выражает в акте обмена той функциональной общественной связи, которая связует стоимость продуктов труда с трудовой деятельностью независимых товаропроизводителей. Отсюда известные, столь часто неверно истолковываемые, слова Маркса: «Вещи, которые сами по себе не являются

товарами, напр., совесть, честь и т. д., могут стать продажными для своих владельцев и, таким образом, при посредстве цены приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, — напр., цена необработанной земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, — может скрывать в себе действительное отношение стоимостей или производное от него отношение» (К. I, с. 72). Эти слова Маркса, нередко вызывавшие недоумение и даже насмешки критиков¹⁾, выражают глубокую мысль о возможном расхождении общественной формы трудовых отношений и соответствующей ей вещной формы. Последняя имеет свою собственную логику и может включать в себя иные явления, помимо тех производственных отношений, которые ею выражаются в данной экономической формации. Например, вещная форма обмена включает, помимо обмена продуктов труда независимых товаропроизводителей, — этого основного факта товарного хозяйства, — также обмен земельных участков, обмен невоспроизводимых благ или обмен в социалистическом обществе и т. п. С точки зрения вещной формы экономических явлений, продажа хлопка и продажа картины Рафаэля или участка земли ничем одна от другой не отличается. Но с точки зрения их общественной природы, их связи с производственными отношениями и влияния на трудовую деятельность общества, — это явления разного порядка, которые должны быть изучаемы отдельно.

Маркс неоднократно подчеркивает, что одни и те же явления выступают в различном свете, в зависимости от их общественной формы. Известное отличие, проводимое Марксом между трудом, как создателем стоимости и рабочей силой, как товаром, основано не на отличии их как объектов, а на различной общественной характеристике трудовых отношений (см. ниже, в главе об «абстрактном труде»). Одни и те же вещи, напр., средства производства, не являются капиталом в мастерской ремесленника, работающего ими, и представляют капитал, если ими выражается и при их помощи осуществляется производственное отношение между наемными рабочими и их нанимателем-капиталистом. Даже в руках капиталиста они представляют капитал только в пределах указанного производственного отношения между ним и наемными рабочими. В руках денеж-

¹⁾ «Реальные явления — вроде ценности земли — объявляются „мнимыми“, „иррациональными“, а мнимые понятия — вроде таинственной меновой ценности, не проявляющейся в обмене — признаются единственной реальностью» (Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма, 4-ое изд. 1918 г., стр. 118). Цитированная фраза Маркса означает, что, хотя купля-продажа земли не выражает непосредственно отношений между товаропроизводителями через продукты их труда, но она связана с этими отношениями и может быть объясняема на их основе. Иначе говоря, теория ренты выводится из теории стоимости. Рикес неправильно толкует эту фразу в том смысле, что охрана собственности на землю требует издержек, т. е. труда, который и находит выражение в цене земли (Riekess. Wert und Tauschwert, S. 27).

ного капиталиста они играют другую общественную роль. «Средства производства представляют капитал, поскольку они функционируют по отношению к рабочему, как его не-собственность, т. е. как чужая собственность. Но в качестве таковой они функционируют только в противоположность к труду. Существование этих условий в форме противоположности труду превращает их собственника в капиталиста, а принадлежащие ему условия — в капитал. Но в руках денежного капиталиста А капитал лишен этого характера противоположности, превращающего его в капитал и, следовательно, собственность на деньги в собственность на капитал. Реальная определенность формы (Formbestimmtheit), благодаря которой деньги или товар превращается в капитал, здесь исчезла. Денежный капиталист А не стоит ни в каком отношении к рабочему, но только к другому капиталисту В». (Theorien über den Mehrwert, В. III, S. 530—31, курсив Маркса). Определенность общественной формы, т. е. характер производственных отношений, — такова основа построения и классификации экономических понятий.

Политическая экономия изучает определенные вещные категории постольку, поскольку они связаны с общественными производственными отношениями. И обратно: основные производственные отношения товарного хозяйства осуществляются и выражаются только в вещной форме и в этой именно своей форме изучаются теоретической экономией. Особенность теоретической экономии, как науки, изучающей товарно-капиталистическое хозяйство, состоит именно в том, что ею изучаются производственные отношения, принимающие вещную форму. Конечно, причина этого овещствления производственных отношений — в стихийности, нерегулированности товарного хозяйства. Но логическое своеобразие теоретико-экономического познания должно быть выводимо именно из этого вещного характера экономических категорий, а не из стихийности народного хозяйства ¹⁾. Переворот, произведенный Марксом в политической экономии, заключается в том, что под вещными категориями он усмотрел общественные производственные отношения, — этот подлинный объект политической экономии, как науки общественной. Благодаря новой «социологической» точке зрения, экономические явления выступили в новом свете, в иной перспективе. Те самые законы, которые были установлены классиками-экономистами, в системе Маркса получают совершенно иной характер и иное значение ²⁾.

¹⁾ Как полагают Туган-Барановский, Основы полит. эконом. 1917 г., стр. 11—13; Бухарин, Полит. экономия рантье, с. 48—9, и Гильфердинг в статье Zur Problemstellung der theoretischen Oekonomie bei Marx, Neue Zeit, 1904—5, В. I. Русский перевод в сборнике „Основные проблемы политической экономии“, М. 1922 г. стр. 117.

²⁾ Игнорирование этого принципиального отличия Марксовой теории стоимости от теории классиков составляет слабую сторону книжки Rosenberg'a: „Ricardo und Marx als Werttheoretiker“. См. нашу вступительную статью к русскому переводу этой книги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТРУВЕ О ТЕОРИИ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА.

Изложенная точка зрения Маркса на экономические категории, как на выражение общественных производственных отношений, вызвала критические замечания со стороны П. Струве в его книге «Хозяйство и цена». Струве признает заслугу Марксовой теории фетишизма в том, что она вскрыла под капиталом общественное производственное отношение между классами капиталистов и рабочих. Но он не считает правильным распространение теории фетишизма на понятие стоимости, равно как и на другие экономические категории. Из общей, принципиальной основы Марксовой системы теория фетишизма превращается у Струве, как и у многих других критиков Маркса, в отдельный, хотя и блестящий, экскурс.

Критика Струве тесно связана с его делением всех экономических категорий на три вида: 1) «Хозяйственные» категории выражают «экономические отношения всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру» ¹⁾, напр., субъективная ценность. 2) «Междухозяйственные» категории выражают «явления, вытекающие из взаимодействия автономных хозяйств» (стр. 17), напр., объективная (меновая) ценность. 3) «Социальные» категории выражают «явления, вытекающие из взаимодействия хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение» (стр. 27), напр., капитал.

Только третью группу («социальные» категории) Струве подводит под понятие общественных производственных отношений. Иначе говоря, на место последнего понятия он ставит более узкое, а именно производственное отношение между общественными классами. Исходя отсюда, Струве признает, что производственные отношения (т. е. социальные или классовые) скрываются под категорией капитала, но отнюдь не под категорией стоимости (Струве употребляет термин «ценность»), которая выражает отношения между равноправными, независимыми, автономными товаропроизводителями и потому относится ко второй группе «междухозяйственных» категорий. Маркс правильно вскрыл фетишизм капитала, но ошибался в теории фетишизма товара и товарной стоимости.

Неправильность рассуждений Струве вытекает из необоснованности его деления экономических категорий на три группы. Что касается «хозяйственных» категорий, то, поскольку они выражают явления «чистого хозяйствования», отвлекаясь от всяких общественных форм производства, они вообще лежат за пределами политической экономии, как науки общественной. «Междухозяйственные» категории нельзя, как то делает Струве, резко отделять от категорий социальных, ибо «взаимодействие автономных хозяйств» не есть только формальный признак, охватывающий различные эконо-

¹⁾ Хозяйство и цена, Т. I, стр. 17.

мические формации и свойственный всем историческим эпохам. Это определенный социальный факт, определенное «производственное отношение» между единичными хозяйствами, основанными на частной собственности и связанными разделением труда, т. е. отношение, которое предполагает определенную социальную структуру общества и получает полное развитие только в товарно-капиталистическом хозяйстве.

Переходя, наконец, к «социальным» категориям, приходится отметить, что Струве без достаточных оснований ограничил их «взаимодействием хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение». Ведь, как указано, само «равенство» товаропроизводителей есть социальный факт, определенное производственное отношение. Сам Струве понимает тесную связанность категорий «междухозяйственных» (выражающих равенство товаропроизводителей) и «социальных» (выражающих классовое неравенство). Он говорит, что социальные категории «во всяком обществе, построенном по типу хозяйственного общения, как бы принимают форму категорий междухозяйственных... То обстоятельство, что категории социальные в междухозяйственном общении облачаются в костюм междухозяйственных категорий, создает видимость тождества между ними» (стр. 27). На самом деле здесь нет, конечно, переодевания в чужой костюм. Перед нами одна из основных, наиболее характерных черт товарно-капиталистического общества, состоящая в том, что в области хозяйства социальные отношения не носят характера непосредственного социального властвования одних общественных групп над другими, а осуществляется путем «экономического принуждения», т. е. через взаимодействие отдельных автономных хозяйствующих субъектов, на началах договора между ними. Капиталисты пользуются властью не «в качестве олицетворения условий труда в прохладных властителей», а «в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду» (К. III², с. 411). Классовые отношения имеют свою исходную точку отношения между капиталистом и рабочим, как между автономными хозяйствующими субъектами, они не могут быть изучаемы и поняты вне категории «стоимости».

Струве сам не может выдержать последовательно свою точку зрения. Капитал, по его мнению, социальная категория. А между тем, он определяет его, как «систему междуклассовых и внутриклассовых социальных отношений» (стр. 31—2), т. е. отношений между классами капиталистов и рабочих, с одной стороны, и отношений между отдельными капиталистами в процессе распределения между ними совокупной прибыли — с другой стороны. Но ведь отношения между отдельными капиталистами не вытекают «из взаимодействия хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение». Почему же они подведены под «социальную» категорию, капитал? Значит, «социальные» категории охватывают не только междуклассовые отношения, но и внутриклассовые, т. е. отношения между лицами одинакового классового положения. Что же мешает нам видеть «социальную» категорию в стоимости, а в отношениях

автономных товаропроизводителей — общественное производственное отношение или, по терминологии Струве, отношение социальное.

Как видим, сам Струве не выдерживает резкого деления общественно-производственных отношений на два вида: междухозяйственные и социальные. Он поэтому неправ, усматривая «научную несостоятельность конструкции» Маркса в том, что «социальная категория — капитал, как общественное «отношение», выводится из хозяйственной категории — ценности» (стр. 29). Во первых, надо указать, что на стр. 30 Струве сам, на первый взгляд, противоречит себе, называя ценность категорией «междухозяйственной», а не хозяйственной. Повидимому, Струве относит к «хозяйственным» категориям ценность субъективную, а к «междухозяйственным» — объективную, меновую (это вытекает из сопоставления с его рассуждениями на стр. 25). Но ведь Струве отлично известно, что Маркс выводил капитал из ценности объективной, а не субъективной, т. е. по терминологии самого же Струве, из категории междухозяйственной, а не хозяйственной, в чем обвиняет его Струве. Действительно, и «социальная» категория, капитал, и «междухозяйственная» категория, стоимость, принадлежат в Марксовой системе к одной и той же группе категорий. Это общественные производственные отношения или, как выражается иногда Маркс, социально-экономические отношения, т. е. выражающие и момент хозяйственный, и его общественную форму, в противоположность искусственному разрыву их у Струве.

Суживая понятие производственных отношений до понятия «социальных», точнее классовых, Струве сознает, что у Маркса это понятие имеет более широкий характер, и пишет: «В Ницете философии отношениями производства являются спрос и предложение, разделение труда, кредит, деньги. Наконец, на стр. 130 читаем: «современная фабрика, основанная на применении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория». Очевидно, что здесь общественными производственными отношениями считаются все решительно всеобщепотребительные экономические понятия нашего времени, и это несомненно постольку правильно, поскольку содержанием этих понятий являются так или иначе общественные отношения людей в процессе хозяйственной жизни» (стр. 30). Но, не отрицая, казалось бы, правильности Марксова понимания производственных отношений, Струве все же находит его «чрезвычайно неопределенным» (стр. 30) и считает, как мы видели, более правильным ограничить его областью «социальных» категорий. Это крайне характерно для некоторых критиков марксизма. После Маркса игнорировать роль социального момента производства, т. е. его общественной формы уже невозможно. Остается только, чтобы не соглашаться с выводами Маркса, резко отделить момент социальный от экономического и обезвредить первый, отведя ему особую область. Так делает Струве, так делает и Бем-Баверк, который, основав свою теорию на мотивах «чистого хозяйствования», т. е. на мотивах хозяйствующего субъекта, отвлеченного от определенной социальной

и исторической среды, обещает в будущем, когда-нибудь, обследовать роль и значение «социальных» категорий.

Ограничивая теорию фетишизма областью «социальных» категорий, напр., капитала, Струве считает неправильным распространение ее на категории «междухозяйственные», напр., на понятие стоимости. Отсюда двойственность в его позиции. С одной стороны, он высоко ценит Марксову теорию капитала, как общественного отношения. Но, с другой стороны, в применении к другим экономическим категориям он сам поддерживает фетишистическую точку зрения. «Все междухозяйственные категории выражают, таким образом, всегда явления и отношения объективные, но в то же время человеческие — отношения между людьми. Так, субъективная ценность, превращаясь в объективную (меновую) ценность, из состояния сознания, из чувства, приурочиваемого к предметам (вещам), становится их свойством» (стр. 25). Тут нельзя не усмотреть противоречия. С одной стороны, мы изучаем «отношения объективные, но в то же время человеческие», т. е. общественные производственные отношения, осуществляющиеся через посредство вещей и выражаемые в вещах. С другой стороны, перед нами «свойство» самих вещей. И Струве делает вывод: «Отсюда ясно, что «овеществление», «объективация» человеческих отношений, т. е. явление, которое Маркс назвал фетишизмом товарного мира, в хозяйственном общении является психологической необходимостью, а поскольку научный анализ ограничивается — сознательно или бессознательно — хозяйственным общением, фетишистическая точка зрения является и методологически единственно правильной» (с. 25). Если бы Струве хотел доказать, что теоретическая экономия не может устранить вещных категорий и обязана изучать производственные отношения товарного хозяйства в их вещной форме, то он, конечно, был бы прав. Вопрос только в том, изучаем ли мы, по примеру Маркса, эти вещные категории, как формы проявления данных производственных отношений, или как свойство вещей, к чему склоняется Струве.

Струве пытается еще одним аргументом отстоять фетишистическую, вещную точку зрения на «междухозяйственные» категории. «Рассматривая междухозяйственные категории, Маркс забывал, что в своих конкретных и реальных проявлениях они неразрывно связаны с отношениями человека к внешнему миру, природе, вещам» (с. 26). Иначе говоря, Струве подчеркивает роль процесса материального производства. Маркс достаточно учел эту роль в своем учении о зависимости производственных отношений от развития производительных сил. Но из значения вещей в процессе материального производства нельзя делать никаких выводов о значении вещных категорий при изучении общественной формы производства, т. е. производственных отношений. Маркс осветил и последний вопрос о своеобразной связанности в товарно-капиталистическом обществе материального процесса производства с его общественной формой и на этом именно построил свою теорию товарного фетишизма.

У некоторых критиков марксизма стремление ограничить теорию фетишизма проявляется в форме обратной, чем у Струве. Струве признает фетишизм капитала, но не фетишизм стоимости. В известной мере обратное мы встречаем у Гаммахера. По его мнению, в первом томе великого труда Маркса «капитал определяется, как совокупность товаров в качестве накопленного труда», т. е. дается вещное определение капитала, и лишь в III томе появляется «фетишизм капитала». Гаммахер думает, что Маркс просто перенес на капитал аналогию с товаром, как фетиша, полагая, что «товар и капитал различны только количественно»¹⁾.

Утверждение о том, что в первом томе «Капитала» капитал определяется как вещь, а не общественное отношение, не нуждается даже в опровержении: так противоречит оно всему содержанию I-го тома «Капитала». Не менее неправильна мысль, что Маркс видел только «количественное» различие между товаром и капиталом. Маркс подчеркивал, что капитал «возвещает наступление особой эпохи в истории общественно-производственного процесса» (К. I, с. 140). Но и товар и капитал скрывают в себе определенные общественные производственные отношения под вещною формою. Капиталистическому обществу одинаково свойствен как фетишизм товара, так и вытекающий из него фетишизм капитала. Одинаково неправильно ограничивать Марксову теорию фетишизма только областью капитала, как то делает Струве, или только областью простого товарного обращения. Овеществление общественных производственных отношений лежит в самом существе неорганизованного товарного хозяйства и накладывает свою печать на все основные категории как повседневного экономического мышления, так и политической экономии, как науки о товарно-капиталистическом хозяйстве.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФЕТИШИЗМА У МАРКСА.

Вопрос о происхождении и развитии теории фетишизма у Маркса оставался до сих пор совершенно не исследованным. Насколько тщательно Маркс отмечал зачатки теории трудовой стоимости у всех своих предшественников и в трех томах «Теорий прибавочной стоимости» дал длинный ряд их теорий, настолько скуп был он в замечаниях о теории фетишизма. (В III т. *Theorien über den Mehrwert*, стр. 354 — 5, изд. 1910 года, Маркс отмечает зародыши теории фетишизма у Годскина, по нашему мнению, совершенно неотчетливые и выраженные по частному случаю). Если в экономической литературе с большим усердием, хотя без особого успеха, дебатировался вопрос об отношении Марксовой теории стоимости к теории класси-

¹⁾ Hammacher. Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus, 1909 г. S. 546.

ков, то развитие идей Маркса о товарном фетишизме не обращало на себя особого внимания.

Несколько замечаний о происхождении теории товарного фетишизма у Маркса мы находим в указанной выше книге Гаммахера. По его мнению, происхождение этой теории чисто «метафизическое». Маркс просто перенес в область экономики идеи Фейербаха о религии. По учению Фейербаха, развитие религии представляет процесс «самоотчуждения» человека: свою собственную сущность человек переносит во-вне, превращает в бога, отчуждает от себя. Эту теорию «отчуждения» Маркс переносит сперва на явления идеологические: «все содержания сознания представляют отчуждение экономических условий, из которых поэтому должна быть объясняема идеология» (Hammacher, цит. соч. стр. 233). Далее Маркс распространяет эту теорию и на область экономических отношений и в них самих открывает «отчужденную», вещную форму. Он утверждает, что «для всех почти прежних исторических эпох самый способ производства представлял универсальное самоотчуждение; предметом стало то, что есть лишь отношение, общественное отношение. Теория отчуждения Фейербаха тем самым принимает другой характер» (там же, с. 233). «Как в религии по Фейербаху потребности рода, так по Марксу в общественной жизни экономические отношения овеществляются и выступают в качестве чужого существа» (стр. 234). Итак, Марксова теория фетишизма представляет «своеобразный синтез Гегеля, Фейербаха и Рикардо» (с. 236), с преимуществом влиянием, как мы видели, Фейербаха. Она переносит религиозно-философскую теорию «отчуждения» Фейербаха в область экономики. Отсюда понятно, по мнению Гаммахера, что эта теория ничего не дает нам для понимания экономических явлений вообще и товарной формы в частности. «В метафизическом происхождении теории фетишизма лежит ключ к пониманию учения Маркса, но не к открытию товарной формы» (с. 544). Теория фетишизма содержит крайне ценную «критику современной культуры», овеществленной и подавляющей живого человека; но «как экономическая теория стоимости товарный фетишизм ошибочен» (с. 546). «Экономически несостоятельная теория фетишизма превращается в крайне ценную теорию социологическую» (стр. 661).

Вывод Гаммахера о бесплодности теории фетишизма Маркса для понимания всей его экономической системы и в частности теории стоимости вытекает из его неправильного представления о «метафизическом» происхождении этой теории. Гаммахер ссылается на «Святое семейство», сочинение, написанное Марксом и Энгельсом в конце 1844 года, когда Маркс находился еще под сильным влиянием идей утопического социализма и в частности Прудона. Действительно, в этом сочинении мы находим зародыши теории фетишизма в виде противопоставления «общественных» или «человеческих» отношений их «отчужденной», вещной форме. Но это противопоставление имеет своим источником общераспространенный взгляд утопических социалистов на капиталистический строй, характеризу-

мый тем, что рабочий вынужден «самоотчуждать» свою личность и «отчуждать» от себя продукт труда; в этом находит свое выражение господство «вещи», капитала над человеком, над рабочим. Теория отчуждения, развитая в «Святом семействе», выросла, вопреки мнению Гаммахера, не столько на «метафизической» почве Фейербаховской философии, сколько на основе экономических идей утопического социализма.

Приведем из «Святого семейства» несколько цитат. Капиталистическое общество представляет «практически отчужденное отношение человека к своей предметной сущности, равно как экономическое выражение человеческого самоотчуждения» (Литературное наследие, т. II, русск. пер. изд. 1908 г., с. 163 — 4). «В определении купли уже содержится то, что рабочий относится к своему продукту, как к предмету, потерянному для него, отчужденному» (с. 175). «Класс имущих и класс пролетариата одинаково представляют собой человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, в отчуждении видит свидетельство своего могущества и в нем обладает подобием человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования» (с. 155).

Против «вершины бесчеловечности» капиталистической эксплуатации, против «отвлечения от всего человеческого, даже от видимости человеческого» (с. 156) поднимает свой голос утопический социализм во имя вечной справедливости и интересов угнетенных трудящихся масс. «Бесчеловечной» действительности он противопоставляет утопию, идеал «человеческого». За это именно Маркс и восхваляет особенно Прудона, противопоставляя его буржуазным экономистам. «Политико-экономы то выдвигают значение человеческого элемента, хотя бы только одной видимости его, в экономических отношениях, — но делают это в исключительных случаях, там именно, где они нападают на какое-нибудь специальное злоупотребление, — то берут эти отношения (и это в большей части случаев) такими, какие они есть, с их явно выраженным отрицанием всего человеческого, в их строго экономическом смысле» (с. 151). «Все выводы политической экономии имеют своей предпосылкой частную собственность. Эта основная предпосылка составляет в ее глазах неопровержимый факт, не подлежащий дальнейшему исследованию... Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию» (с. 149). «Делая рабочее время, непосредственное бытие человеческой деятельности как таковой, мером заработной платы и ценности продукта, Прудон делает человеческий элемент решающим. Между тем как в старой политической экономии решающим моментом была вещественная сила капитала и земельной собственности» (с. 172).

Итак, в капиталистическом обществе господствует «вещественный» элемент, сила капитала. Это не иллюзорное, ошибочное представление в уме человеческом общественных отношений между людьми,

отношений господства и подчинения; это реальный общественный факт. «Собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочего» (с. 176—7). Этому «вещественному» элементу, фактически господствующему в экономической жизни, противопоставляется элемент «человеческий», как идеал, как норма, как должное. Человеческие отношения и их «отчужденная» форма, — это два мира, мир должного и мир сущего, это осуждение капиталистической действительности во имя социалистического идеала. Не столько Фейербах, сколько утопический социализм продиктовал Марксу это противопоставление, которое по временам напоминает Марксову теорию товарного фетишизма, но по существу вращается в другом мире идей. Для того, чтобы эта теория «отчуждения» человеческих отношений превратилась в теорию «овеществления» общественных отношений (т. е. товарного фетишизма), Маркс должен был проделать путь от утопического социализма к научному, от восхваления Прудона к жесткой критике его идей, от отрицания действительности во имя идеала к исканию в самой действительности сил дальнейшего развития и движения. От «Святого семейства» Маркс должен был прийти к «Ницете философии». Если в первом из этих сочинений Прудон восхваляется за то, что исходит в своих рассуждениях из отрицания частной собственности, то впоследствии Маркс строит свою экономическую систему именно на анализе товарного хозяйства, основанного на частной собственности. Если в «Святом семействе» Прудону вменяется в заслугу то, что он конституирует стоимость продукта на основе рабочего времени (как «непосредственного бытия человеческой деятельности»), то в «Ницете философии» он подвергается за это критике. Формула «определения стоимости рабочим временем» превращается в глазах Маркса из нормы должного в «научное выражение экономических отношений современного общества» (Ницета философ. 35). От Прудона Маркс отчасти возвращается к Рикардо, от утопии переходит к изучению реальной действительности капиталистического хозяйства.

Переход Маркса от утопического социализма к научному внес коренное изменение в изложенную выше теорию «отчуждения». Если раньше противопоставление человеческих отношений и их «вещной» формы означало противопоставление должного и сущего, то теперь оба противоположаемых члена переносятся в мир сущего, в общественное бытие, — сама хозяйственная жизнь современного общества представляет, с одной стороны, совокупность общественных производственных отношений, а с другой — ряд «вещных» категорий, в которых указанные отношения проявляются. Производственные отношения между людьми и их «вещная» форма, — такова новая противоположность, которая родилась из прежнего противопоставления «человеческого» элемента в хозяйстве его «отчужденной» форме. Этим была найдена формула товарного фетишизма. Но потребовался еще

ряд этапов для того, чтобы эта теория получила у Маркса свою окончательную формулировку.

Как видно из приведенных выше цитат из «Ницеты философии», Маркс в этом сочинении неоднократно говорит, что деньги, капитал и прочие экономические категории суть не вещи, а производственные отношения. Маркс дает общую формулировку этой мысли в следующих словах: «Экономические отношения являются лишь теоретическими выражениями, абстракциями общественных отношений производства» («Ниц. фил.», с. 72). Под вещными категориями хозяйства Маркс уже разглядел общественные производственные отношения. Но он еще не ставит вопроса о том, почему в товарном хозяйстве производственные отношения людей необходимо принимают эту вещную форму. Этот шаг сделан Марксом в «Критике меновой ценности», характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется, наоборот, как общественное отношение вещей» (Критика полит. экономии, рус. пер. Румянцев, изд. 1922 г., стр. 40). Здесь дана правильная формулировка товарного фетишизма, отмечается вещный характер, присущий производственным отношениям в товарном хозяйстве, но еще не указана причина этого «овеществления» и его неизбежность в неурегулированном народном хозяйстве.

В этом «овеществлении» Маркс, повидимому, видит прежде всего «мистификацию», более прозрачную в товаре, более запутанную в деньгах и капитале. Возможность этой мистификации он объясняет «привычкою повседневной жизни». «Только благодаря привычке повседневной жизни кажется совершенно [обычным и само собою понятным, что общественные отношения производства принимают форму вещей и что отношение лиц в их труде является скорее как отношение, в которое вещи вступают друг к другу и к людям» (стр. 41). Гаммахер вполне справедливо находит это объяснение товарного фетишизма привычкою очень слабым; но он глубоко неправ, утверждая, что это единственное объяснение, даваемое Марксом. «Прямо поразительно», — говорит он, — «что Маркс пренебрег обоснованием этого существенного пункта; в Капитале он совсем не упоминается» (Hammacher, цит. соч., стр. 235). Если в «Капитале» не упоминается о «привычке», то потому, что весь раздел первой главы о товарном фетишизме содержит полное и глубокое объяснение этого явления: отсутствие непосредственного регулирования общественного процесса производства необходимо приводит к косвенному регулированию его через рынок, через продукты труда, через вещи. Отсюда «овеществление» производственных отношений не «мистификация» только, не иллюзия, а одна из особенностей экономической структуры современного общества. «Чисто-атомистические отношения между людьми в их общественно-производственном процессе приводят прежде всего к тому, что их собственные производственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают вещный характер, вследствие чего

все продукты их труда принимают форму товаров» (К. I, стр. 61). Не из «привычки», а из внутреннего строения товарного хозяйства вытекает овеществление производственных отношений. Фетишизм явление не только общественного сознания, но и общественного бытия. Утверждать, как то делает Гаммахер, что Маркс видел единственное объяснение фетишизма в «привычке», значит совершенно не считаться с той окончательной формулировкой теории товарного фетишизма, которую мы находим в I томе Капитала и в главе о «триединой формуле» в III томе.

Итак, в «Святом Семействе» «человеческий» элемент хозяйства противопоставляется «вещному», «отчужденному», как идеал — действительности. В «Нищете философии» Маркс вскрывает под вещью общественное производственное отношение. В «Критике политической экономии» отмечена особенность товарного хозяйства, заключающаяся в том, что общественные производственные отношения «овеществляются». Подробное описание этого явления и объяснение его объективной необходимости в товарном хозяйстве мы находим в I-м томе «Капитала», преимущественно в применении к понятиям стоимости (товара), денег и капитала. В III томе «Капитала», в главе о «триединой формуле», Маркс дает дальнейшее, хотя фрагментарное, развитие тех же мыслей в применении к основным понятиям капиталистического хозяйства и, в частности, отмечает своеобразное «сращение» общественных производственных отношений с процессом материального производства.

II. ТЕОРИЯ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ МАРКСА

Критики Маркса нередко бросают ему упрек в том, что он совершенно не доказал своей теории трудовой стоимости, а только декретировал ее, как нечто, само собою разумеющееся. Другие критики готовы видеть некоторое подобие доказательства в первых страницах «Капитала» и свою тяжелую артиллерию направляют против соображений, которыми Маркс начинает свой труд. Так поступает Бем-Баверк в своей критике («Теория Маркса и ее критика»; «Капитал и прибыль»); аргументы Бем-Баверка на первый взгляд кажутся столь убедительными, что, можно смело сказать, ни одна критика теории стоимости Маркса не обходится с тех пор без их повторения. А между тем, вся критика Бем-Баверка держится и падает вместе с предположением, на котором она построена: а именно, что первые страницы «Капитала» представляют единственное обоснование, которое Маркс дал своей теории стоимости. Нет ничего ошибочнее этой мысли: она отождествляет ход изложения Маркса с ходом его доказательств. Но ведь сам Маркс указывал в предисловии ко второму изданию «Капитала», что «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования». Бем-Баверк ограничивается первым, упуская из виду, что он может быть объяснен и даже правильно понят только из второго. Надо вскрыть обоснование теории стоимости у Маркса и лишь после этого нам станет понятным изложение Маркса в знаменитой первой главе «Капитала» и выступят в надлежащем свете как сама теория стоимости Маркса, так и направленные против нее многочисленные критические возражения. Только после работ Гильфердинга («Бем-Баверк, как критик Маркса» и упомянутая выше статья «Zur Problemstellung der theoretischen Oekonomie bei Marx»), стало намечаться правильное понимание социологического характера теории стоимости Маркса. Последняя берет своим исходным пунктом определенную социальную среду, общество с определенной производственной структурой. Это положение неоднократно повторялось марксистами; но до Гильфердинга никто не делал его краеугольным камнем всего здания Марксовой теории стоимости. Гильфердингу принадлежит большая заслуга в этом отношении, но он, к сожалению, ограничился общей постановкою проблем теории стоимости, не дав ей систематического обоснования.

Как было указано в главе о товарном фетишизме, центр тяжести теории фетишизма заключается не в том, что под вещными категориями политической экономии она вскрывает производственные отношения людей, а в том, что эти производственные отношения людей в товарно-капиталистическом хозяйстве неизбежно принимают вещную форму и только в этой форме могут осуществляться. Аналогично этому надо понимать и теорию стоимости Маркса. Обычная краткая формулировка этой теории гласит, что стоимости товаров зависят от количества труда, общественно-необходимого для их производства; или, в обобщенной формулировке, что под стоимостью скрыт или содержится труд, стоимость — «овеществленный» труд. Правильнее выражать теорию стоимости в обратном виде: в товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться; труд может найти свое выражение только в стоимости. Здесь исходным пунктом исследования берется не стоимость, а труд — не акты рыночного обмена, как таковые, а производственная структура товарного общества, совокупность производственных отношений людей. Акты рыночного обмена выступают, как необходимое следствие внутренней структуры общества, как один из моментов общественного производственного процесса. Теория трудовой стоимости находит свое обоснование не в анализе акта обмена, как такового, в его вещной форме, а в исследовании тех общественных производственных отношений, выражением которых он является.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ.

Прежде чем приступить к подробному изложению Марксовой теории стоимости, мы считаем необходимым дать общую ее характеристику. В противном случае мы рискуем, что изложение отдельных сторон и частных проблем теории стоимости, очень сложных и интересных, заслонит от внимания читателя те основные идеи, на которых построена вся теория и которые проникают каждую ее часть. Разумеется, та общая характеристика Марксовой теории, которую мы дадим в настоящей главе, сможет быть полностью развита и обоснована только в последующих главах. С другой стороны, в последних неизбежно будут иногда встречаться, в более подробном изложении, повторения мыслей, намеченных в настоящей главе.

Все основные понятия политической экономии выражают, как мы видели, *овеществленные производственные отношения людей*. Если мы с этой же точки зрения подойдем к теории стоимости, то перед

нами встает задача доказать, что стоимость есть: 1) общественное отношение *людей*, 2) принявшее *вещную* форму и 3) связанное с процессом *производства*.

На первый взгляд стоимость, как и другие понятия политической экономии, кажется нам свойством вещи. Наблюдая явления обмена, мы видим, что каждая вещь на рынке обменивается на определенное количество любой другой вещи или — в условиях развитого обмена — на известную сумму денег (золота), за которую можно купить любую другую вещь на рынке (конечно, в пределах этой суммы). Эта сумма денег или цена вещи почти ежедневно изменяется, в зависимости от конъюнктуры рынка. Сегодня на рынке ощущался недостаток в сукне, и цена его вздорожала до 3 р. 20 к. за аршин. Через неделю количество предлагаемого сукна на рынке превышает обычные размеры предложения, и цена падает до 2 р. 75 к. за аршин. Эти повседневные колебания и отклонения цен, если взять более или менее продолжительный период времени, вращаются вокруг некоторого среднего уровня, вокруг средней цены, которая равна, например, 3 рублям за аршин. В капиталистическом обществе эта средняя цена пропорциональна не трудовой стоимости продукта, т. е. количеству труда, необходимого для его производства, но так называемой «цене производства», которая равна издержкам производства на данный продукт плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Однако, для упрощения анализа мы сейчас отвлекаемся от того факта, что сукно изготовлено капиталистом при помощи наемных рабочих. Ведь метод Маркса, как мы видели выше, заключается в выделении и изучении отдельных типов производственных отношений, которые только в своей совокупности дают картину капиталистического хозяйства. Пока мы изучаем только один, основной тип производственных отношений между людьми в товарном обществе, а именно отношения между ними, как *отдельными, друг от друга формально независимыми товаропроизводителями*. Мы знаем только, что сукно изготавливается товаропроизводителем и выносится на рынок для обмена или продажи другим товаропроизводителям. Перед нами общество товаропроизводителей, так называемое «простое товарное хозяйство», в отличие от более сложного, капиталистического. В условиях простого товарного хозяйства средние цены продуктов труда пропорциональны их трудовой стоимости, или стоимость представляет тот средний уровень, вокруг которого колеблются рыночные цены и с которым они совпадали бы в том случае, если бы общественный труд был пропорционально распределен между различными отраслями производства, и тем самым между ними установилось бы состояние равновесия.

Каждое общество, основанное на разделении труда, необходимо предполагает известное распределение общественного труда между различными отраслями производства. *Каждая система разделенного труда есть вместе с тем система распределенного труда*. В первобытной коммунистической общине, в патриархальной крестьянской семье или в социалистическом обществе труд всех членов данной

хозяйственной единицы заранее сознательно распределяется между отдельными работами, в зависимости от характера потребностей членов группы и от уровня производительности труда. В товарном обществе никто не регулирует распределения труда между отдельными отраслями производства и отдельными предприятиями. Ни один суконщик не знает, сколько сукна требуется в данный момент обществу и сколько сукна изготавливается в данный момент во всех предприятиях суконного производства. Производство сукна поэтому то обгоняет спрос (перепроизводство), то отстает от него (недопроизводство). Иначе говоря, количество общественного труда, затрачиваемое на суконное производство, оказывается то чрезмерно большим, то недостаточным. Равновесие между суконной промышленностью и другими отраслями производства постоянно нарушается. Товарное хозяйство есть система постоянно нарушаемого равновесия.

Но если так, каким же образом оно продолжает существовать, как совокупность разных отраслей производства, друг друга дополняющих? Товарное хозяйство может существовать только благодаря тому, что каждое нарушение равновесия вызывает тенденцию к его восстановлению. Эта тенденция к восстановлению равновесия свойственна самому механизму рынка и рыночных цен. В товарном обществе ни один товаропроизводитель не приказывает другому расширять или сокращать производство, но своими действиями по отношению к вещам одни люди воздействуют на трудовую деятельность других людей и — сами того не сознавая — побуждают их расширять или сокращать производство. Перепроизводство сукна и вызываемое им падение цен ниже стоимости побуждают суконщиков сократить производство, обратное происходит в случае недопроизводства. Отклонения рыночных цен от стоимости представляют тот механизм, при помощи которого устраняются перепроизводство и недопроизводство и создается тенденция к восстановлению равновесия между данной отраслью производства и другими отраслями народного хозяйства.

Обмен двух различных товаров по их стоимости соответствует состоянию равновесия между данными двумя отраслями производства, при котором всякие перемены труда из одной отрасли в другую прекращаются. Но если так, то, очевидно, обмен двух товаров по их стоимости уравнивает для товаропроизводителей выгодность производства в обеих данных отраслях и устраняет мотивы к переходу из одной отрасли в другую. В простом товарном хозяйстве такое уравнивание условий производства в различных его отраслях означает, что определенное количество труда, затрачиваемое товаропроизводителями в разных сферах народного хозяйства, доставляет им продукт одинаковой стоимости. *Стоимости товаров на рынке прямо пропорциональны количествам труда, необходимого для их производства.* Если при данном состоянии техники на производство аршина сукна требуются в среднем 3 часа труда (считая также труд, потраченный на сырье, орудия производства и т. п.), а на производство пары ботинок 9 часов труда, то — предполагая

равную квалификацию труда суконщиков и сапожников — обмен трех аршин сукна на одну пару ботинок соответствует состоянию равновесия между суконным и сапожным производствами.

Но если стоимость определяется количеством труда, общественно-необходимого для производства единицы товара, то это количество труда в свою очередь зависит от *производительности труда*. Развитие производительности труда сокращает общественно-необходимое рабочее время и понижает стоимость единицы товара. Введение машин, например, позволяет производить пару ботинок в 6 часов вместо прежних 9 часов и, таким образом, понижает стоимость их с 9 руб. до 6 руб. (считая, что час сапожного труда, принимаемого нами здесь за средний труд, создает стоимость в 1 рубль). Удешевленная обувь начнет проникать в деревню, вытесняя лапти и самодельную обувь. Спрос на обувь увеличится, и обувное производство расширится. В народном хозяйстве произойдет некоторое перераспределение производительных сил. Таким образом, развитие производительности труда вызывает изменения стоимости продуктов труда, а изменения стоимости последних в свою очередь воздействуют на распределение общественного труда между разными отраслями производства. *Производительность труда — трудовая стоимость — распределение общественного труда*; такова схема товарного хозяйства, в котором стоимость играет роль регулятора, устанавливающего — среди постоянных отклонений и нарушений — равновесие в распределении общественного труда между различными отраслями народного хозяйства. *Закон стоимости есть закон равновесия товарного общества.*

Теория стоимости изучает законы обмена, приравнивания вещей на рынке лишь постольку, поскольку они связаны с законами производства, распределения труда в товарном хозяйстве. Каждая пропорция обмена двух товаров, — речь идет о средних пропорциях, а не о случайных рыночных ценах, — соответствует данному состоянию производительности труда и данному распределению труда между отраслями, изготавливающими эти товары. Через уравнивание вещей, продуктов труда на рынке, происходит уравнивание разных конкретных видов труда, как частей совокупного общественного труда, распределенного между разными отраслями. Поэтому ошибочным является ходячее представление о теории стоимости, как теории, ограничивающейся изучением меновых *соотношений вещей*. Через закономерность приравнивания вещей она ставит себе целью открыть законы равновесия труда. Однако, неправильно также мнение, согласно которому Марксова теория изучает *отношение труда к вещи*, как к продукту труда. Отношение труда к вещи имеет в виду данный, конкретный вид труда и данную, конкретную вещь; это — отношение техническое, которое само по себе теории стоимости не интересует. Предмет изучения последней — *соотношение разных видов труда* в процессе его распределения, устанавливающееся через меновое *соотношение вещей*, продуктов труда. Таким образом, Марксова теория стоимости вполне удовлетворяет изложенным выше общим методологическим требованиям Марксовой эконо-

мической теории, которая изучает не отношения между вещами и не отношения людей к вещам, но отношения между людьми, связывающие их через посредство вещей.

Мы изложили общий ход идей, который ведет к теории стоимости Маркса. По мнению критиков, Маркс на первых страницах «Капитала» берет за исходный пункт своих рассуждений факт равенства двух товаров в обмене и утверждает, что приравнивание вещей на рынке невозможно без равенства трудовых затрат, необходимых для их производства. Такое представление о Марксовой теории в корне ошибочно. За исходный пункт Маркс берет товарное общество со свойственными ему производственными отношениями отдельных товаропроизводителей. Благодаря анархии производства, изменения в производительности и распределении разных видов труда не могут проявляться ни в чем ином, как в изменении меновых пропорций товаров на рынке. Изменения в трудовой деятельности людей необходимо принимают форму изменений в стоимости товаров. Этот закон «трудовой стоимости» составляет отличительную особенность товарного хозяйства. Вообразим себе общество с регулируемым уравниванием и распределением труда, причем отдельные его члены имеют право обмениваться продуктами и по тем или иным причинам практикуют такой обмен. Этот обмен представляет социальное явление совершенно другого порядка, чем обмен, происходящий в товарном хозяйстве. В последнем обмен входит в самый процесс воспроизводства, в первом обмен происходит рядом с производством, находится вне его. Он не регулирует распределения труда и в свою очередь не регулируется законом «трудовой стоимости». Если в этом обществе и будет наблюдаться какая-нибудь закономерность обмена, то, во всяком случае, это не будет закономерность, связанная с закономерностью распределения общественного труда. Как видим, закон трудовой стоимости вытекает не из самого факта обмена и приравнивания вещей, но из особой социальной функции этого обмена в товарном производстве, из особой социальной формы хозяйства. Мы переходим, таким образом, к форме стоимости.

В товарном хозяйстве стоимость выполняет роль регулятора распределения труда. Вытекает ли эта роль стоимости из технических или социальных особенностей товарного хозяйства, т. е. из состояния его производительных сил или из формы свойственных ему производственных отношений людей? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него в последнем смысле. Не всякое распределение общественного труда придает продукту труда форму стоимости, но лишь такое распределение труда, которое не направляется непосредственно обществом, а регулируется косвенно, через рынок и обмен вещей. В первобытной коммунистической общине или в феодальной деревне продукт труда имеет «ценность» в смысле полезности, потребительной стоимости, но не имеет «стоимости». Последнюю он приобретает только при том условии, если он производится специально для продажи и на рынке получает объективно и точно определенную расценку, которая приравнивает его (через

деньги) всем другим товарам и дает ему способность быть обмененным на любой другой товар. Иначе говоря, предполагается определенная форма хозяйства (товарное хозяйство), определенная форма организации труда в виде отдельных частно-владельческих предприятий. Не труд, как таковой, но только *труд, организованный в определенной социальной форме* (в форме товарного хозяйства), придает продукту труда «стоимость». Если производители относятся друг к другу, как формально независимые автономные товаропроизводители, то продукты их труда противостоят друг другу на рынке, как «стоимости». Формальное равенство товаропроизводителей, как субъектов хозяйства и контрагентов производственного отношения купли-продажи, находит свое выражение в равенстве продуктов труда, как стоимостей. Стоимость вещей отражает определенный тип производственных отношений между людьми.

Если продукт труда приобретает стоимость только при определенной социальной форме организации труда, то, следовательно, стоимость представляет собою не «свойство» продукта труда, а определенную *«социальную форму» или «социальную функцию», которую продукт труда выполняет, как связующее звено между разобщенными товаропроизводителями*, как «посредник» или «носитель» производственного отношения между ними. Конечно, на первый взгляд стоимость кажется просто одним из свойств вещи. Когда мы говорим: «стол дубовый, круглый, крашенный, стоит или имеет стоимость в 25 рублей», то может показаться, что эта фраза сообщает сведения о четырех свойствах стола. Но, поразмысливши, мы убедимся, что первые три свойства стола резко отличаются от четвертого. Они характеризуют стол, как материальную вещь, и сообщают нам определенные сведения о технической стороне столярного труда. Человек опытный по этим свойствам стола восстановит картину технической стороны производства, получит представление о сырье, вспомогательных веществах, технических приемах и даже технической умелости столяра. Но, сколько бы он ни разглядывал стол, он ничего не узнает о социальных, производственных отношениях между производителем стола и другими людьми. Он не узнает, является ли производителем самостоятельный ремесленник, кустарь, наемный рабочий или, может быть, член социалистической общины или столяр-любитель, изготовивший стол для личного употребления. Совсем иным характером отличается свойство продукта труда, выражаемое словами: «стол имеет стоимость в 25 рублей». Эти слова показывают, что стол есть товар, что он произведен для рынка, что производитель его связан с другими членами общества производственными отношениями товаровладельцев, что хозяйство имеет определенную социальную форму, а именно форму товарного хозяйства. Мы ничего не узнали о технической стороне производства или о самой вещи, зато узнали кое-что о социальной форме производства и о людях, участвующих в нем. Значит, «стоимость» характеризует не вещь, а человеческое общество, в котором она производится. Это — не свойство вещи, а «социальная форма», приобретаемая вещь вследствие того, что через ее посредство люди

вступают в определенные производственные отношения между собою. Стоимость есть «социальное отношение, взятое как вещь», производственное отношение между людьми, принявшее форму свойства вещи. Трудовые отношения товаропроизводителей или общественный труд «овеществляется» или «кристаллизуется» в стоимости продуктов труда. Это значит, что *определенная социальная форма организации труда придает особую социальную форму продуктам труда*. Марксова теория стоимости изучает не отношение между трудом, как технической деятельностью, и продуктом труда, как материальной вещью, но отношение между социальной формой труда и социальной формой продуктов труда. «Труд, создающий (или точнее: определяющий, *seztende*) меновую стоимость, есть специфическая общественная форма труда». Он «создает определенную общественную форму богатства, меновую стоимость»¹⁾ (курсив наш).

Учение Маркса о «*форме стоимости*» (т. е. о социальной форме, принимаемой продуктом труда), являющейся результатом определенной социальной формы самого труда, и есть то новое и своеобразное, что было внесено Марксом в теорию трудовой стоимости. Положение, что труд создает стоимость, было известно задолго до Маркса, но в теории Маркса оно приобрело совсем другой смысл. Маркс провел точное различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой, между трудом, как совокупностью *технических приемов (конкретный труд)*, и трудом, рассматриваемым со стороны его *социальной формы* в товарно-капиталистическом обществе (*абстрактный или всеобщий труд*). Особенность товарного хозяйства состоит в том, что материально-технический процесс производства обществом не организован и ведется отдельными товаропроизводителями, конкретный труд является одновременно частным трудом отдельных лиц. Частный труд отдельного товаропроизводителя связывается с трудом всех других товаропроизводителей и становится трудом *общественным* лишь постольку, поскольку продукт его труда приравнивается на рынке всем другим товарам. Это рыночное уравнение всех товаров, выражающееся в расценке их в одном и том же товаре, золоте (деньгах), одновременно, как мы видели, означает уравнение всех конкретных видов труда, затраченных в разных сферах народного хозяйства. Значит, частный труд отдельного лица приобретает характер труда общественного не в самом процессе производства, но в акте обмена, представляющем отвлечение (абстрагирование) от конкретных особенностей отдельных вещей и отдельных видов труда. Уравнение всех видов труда через рыночное уравнение всех продуктов труда, как стоимостей, — вот что выражается Марксом в понятии абстрактного труда. А так как уравнение труда через уравнение вещей вытекает из общественной формы товарного хозяйства в котором отсутствуют непосредственная общественная организация и уравнение труда, то, следовательно, абстрактный труд есть понятие социальное и историческое. *Абстрактный труд выражает не физио-*

логическое равенство разных видов труда, но социальное уравнение разных видов труда, происходящее в специфической форме рыночного уравнения продуктов труда, как стоимостей.

Своеобразие Марксовой теории стоимости заключается в том, что она выяснила, какой именно труд создает стоимость. «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого рода*»¹⁾ (курсив Энгельса). Именно в выяснении «двойственного характера труда» Маркс усматривал центральную часть своей теории стоимости²⁾.

Итак, двойственный характер труда отражает различие между *материально-техническим* процессом производства и его *общественной формой*. Это различие, выясненное нами в главе о товарном фетишизме, составляет основу всей Марксовой экономической теории, в том числе и теории стоимости. Из этого основного различия вытекает различие между трудом *конкретным* и *абстрактным*, которое в свою очередь отражается в противоположности *потребительной* стоимости и *менов*ой стоимости. В первой главе «Капитала» изложение Маркса идет в обратном порядке. Он начинает анализ с рыночных явлений, доступных наблюдению, с противоположности потребительной и меновой стоимости. От этой противоположности, заметной на поверхности явлений, он как бы спускается вниз, к двойственному характеру труда, как конкретного и абстрактного, чтобы в конце первой главы, в разделе о «товарном фетишизме» вскрыть социальные формы, принимаемые материально-техническим процессом производства. От вещей через труд Маркс приходит к человеческому обществу, от явлений, бросающихся в глаза, к явлениям, которые должны быть еще вскрыты научным анализом. Но ход доказательств Маркса обратный, чем ход его изложения в первой главе «Капитала». От различия между процессом производства и его общественной формой, от социальной структуры товарного хозяйства он переходит к двойственному характеру труда, рассматриваемого с технической и социальной сторон, и к двойственной природе товара, как потребительной стоимости и меновой стоимости. При поверхностном чтении «Капитала» может показаться, что в противоположности потребительной и меновой стоимости Маркс усматривает различные свойства вещи как таковой (так понимали Маркса Бем-Баверк и ряд других критиков). На самом же деле речь идет о различии между «материальным» и «функциональным» существованием вещи, между продуктом труда и его социальной формой, между вещью и производственным отношением людей, «сращенным» с вещью, т. е. проявляющимся через посредство вещи. Таким образом, перед нами обнаруживается глубокая, неразрывная связь Марксовой теории стоимости с общими

¹⁾ Энгельс. Предисловие ко II тому «Капитала», стр. XXV.

²⁾ Капитал, I, с. 8; «Письма Маркса и Энгельса», перевод В. Адоратского 1923 г., стр. 168.

¹⁾ Kritik, S. 13, русск. перев. ПБ., изд. 1922 г., стр. 42.

методологическими основами, изложенными в его теории товарного фетишизма. Стоимость есть производственное отношение между автономными товаропроизводителями, принявшее форму свойства вещи и связанное с распределением общественного труда. Или, — рассматривая то же явление с другой стороны, — стоимость есть способность продуктов труда каждого товаропроизводителя обмениваться на продукты труда любого другого товаропроизводителя в определенной пропорции, соответствующей уровню производительности и пропорциональному распределению общественного труда. Перед нами отношение *людей*, принявшее форму свойства *вещи* и связанное с процессом распределения труда в *производстве*, иначе говоря *овеществленное производственное отношение людей*. Овеществление труда в стоимости представляет важнейший вывод из теории фетишизма, доказывающей неизбежность «овеществления» производственных отношений людей в товарном хозяйстве. Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда как фактора производства в вещах как продуктах труда, — явление, имевшее место во всех исторических формациях и представляющее техническую предпосылку стоимости, но не ее источник, — а фетишизированный, овеществленный выражение трудовых отношений людей в стоимости вещей. Труд «кристаллизуется» или оформляется в стоимости в том смысле, что принимает социальную «форму стоимости», в ней выражается или «представляется» (*sich darstellt*). Последнее выражение употребляется Марксом наиболее часто для характеристики отношения между абстрактным трудом и стоимостью. Можно только удивляться, что критики Маркса не замечали этой неразрывной связи его теории трудовой стоимости с учением об овеществлении или фетишизации производственных отношений людей и понимали Марксову теорию стоимости в механическо-натуралистическом, а не социологическом смысле.

Итак, Марксова теория стоимости построена на двух основных устоях: 1) на учении о *форме стоимости*, как вещном выражении общественных производственных отношений между автономными товаропроизводителями и 2) на учении о *распределении общественного труда* и о зависимости величины стоимости от развития *производительности труда*. Это две стороны одного и того же процесса: теория стоимости изучает социальную форму стоимости, принимаемую процессом распределения труда в товарно-капиталистическом хозяйстве. «Форма, в которой проявляется это *пропорциональное распределение труда* при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов»¹⁾ (курсив наш). Стоимость, таким образом, связана одновременно и с социальной *формой* общественного процесса производства и с его материально-техническим *содержанием*. Это и понятно, если вспомнить, что стоимость, как и прочие экономические категории,

¹⁾ „Письма Маркса к Кугельману“, перев. под. ред. Н. Ленина, 1907 г., стр. 44 или „Письма Маркса и Энгельса“, пер. В. Адоратского, 1923 г., стр. 177.

выражает не вообще *отношения людей*, но именно *производственные* отношения людей. Труд составляет «содержание» или «субстанцию» стоимости, — эти выражения Маркса означают, что процесс распределения и развития производительности труда принимает в товарном обществе социальную форму стоимости. Таинственная «субстанция» стоимости, за которую Маркс подвергался стольким нападкам, означает не более и не менее, как материально-технический трудовой процесс, происходящий в данной социальной форме. Труд, как «субстанция» стоимости, отвлеченная от ее формы, представляет просто трудовую затрату, безразлично к социальной форме организации труда; труд в таком смысле представляет только предпосылку теории стоимости, предметом же изучения последней является трудовая затрата, выраженная не непосредственно в единицах общественного труда, а в количестве продуктов, даваемых в обмен за данный товар, т. е. трудовая затрата, принявшая форму стоимости товара. Но, с другой стороны, социальная «форма стоимости» должна быть наполнена определенным материально-техническим содержанием; форма стоимости, как и другие «экономические формы» или «определенности формы» (*Formbestimmtheiten*), изучается политической экономией именно как организующая социальная форма материально-технического процесса производства. Поскольку Маркс изучает стоимость, как социальную форму продуктов труда, обусловленную определенной социальной формой организации труда, на первый план выдвигается *качественная, социологическая* сторона стоимости (абстрактный труд). Поскольку в данной социальной форме происходит процесс распределения и развития производительности труда, движение «количественно-определенных масс общественного совокупного труда»¹⁾, подчиненное «железному закону строго определенных пропорций и отношений» (К. I, с. 334), постольку огромное значение приобретает *количественная*, если можно так выразиться, *математическая* сторона явлений стоимости (общественно-необходимый труд). Основная ошибка большинства критиков Маркса заключается в том, что 1) они совершенно не поняли качественной, социологической стороны Марксовой теории стоимости и 2) ограничивали количественную сторону исследованием меновых пропорций, т. е. количественных соотношений стоимости вещей, игнорируя лежащие в их основе количественные соотношения масс общественного труда, распределенного между отдельными отраслями производства и отдельными предприятиями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

СТОИМОСТЬ, КАК РЕГУЛЯТОР ПРОИЗВОДСТВА.

После выхода в свет первого тома «Капитала» Кугельман сообщил Марксу, что, по мнению многих читателей его книги, им не

¹⁾ Цитированное письмо Маркса к Кугельману.

доказано понятие стоимости. В цитированном уже письме от 11 июля 1868 года Маркс в довольно сердитом тоне отвечал на эти упреки, прибавив: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно также известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... Форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»¹⁾.

Здесь Марксом намечен один из основных устоев его теории стоимости. В товарном хозяйстве распределение общественного труда между различными отраслями промышленности, соответствующее данному состоянию производительных сил, никем сознательно не поддерживается и не регулируется. При автономности отдельных товаропроизводителей в ведении производства, точное повторение и воспроизведение раз данного процесса общественного производства совершенно невозможно, а тем более невозможно пропорциональное его расширение. При несвязанности действий отдельных товаропроизводителей, неизбежны постоянные, повседневные отклонения в сторону чрезмерного расширения или сокращения производства. Если бы каждое отклонение имело тенденцию к дальнейшему, безостановочному развитию, продолжение производства стало бы невозможным; народное хозяйство, построенное на разделении труда, распалось бы. Но в действительности каждое отклонение производства вверх или вниз вызывает силы, которые останавливают отклонение в данном направлении и рождают движение в противоположном направлении. Чрезмерное расширение производства приводит к падению цен на рынке, следствием чего является сокращение производства, большую частью даже ниже необходимого уровня. Дальнейшее сокращение производства задерживается повышением цен. Хозяйственная жизнь представляет море колебательных движений. Ни в один момент нельзя наблюдать состояние равновесия в распределении труда между различными отраслями производства. Но без такого теоретически мыслимого состояния равновесия нельзя объяснить себе характер и направление колебательных движений. Этому состоянию равновесия соответствует среднее состояние цен, тоже теоретически мыслимое, с действительным движением конкретных цен не совпадающее, но их объясняющее. Эта теоретическая, абстрактная формула движения цен и есть «закон стоимости». Отсюда понятно, что всякие

¹⁾ Письма к Кугельману; перев. под ред. Н. Ленина, 1907 г., стр. 43—44 или „Письма Маркса и Энгельса“, 1923 г., стр. 177.

возражения против теории стоимости, основанные на факте несовпадения конкретных цен с теоретической «стоимостью», представляют не более, как недоразумение. Именно отклонение цен от стоимости и есть тот механизм, при помощи которого устраняются нарушения в распределении труда между различными отраслями производства и создается движение в том направлении, где лежит теоретически мыслимое равновесие общественного производства. Полное совпадение цены с стоимостью обозначало бы устранение того единственного регулятора, который не дает различным частям народного хозяйства двигаться в противоположном направлении, что привело бы к хозяйственному развалу. «Возможность количественного несовпадения между ценою и величиною стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И здесь нельзя видеть недостатка этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к современному способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос явлений только как слепо действующий закон средних чисел» (К. I, стр. 70).

Каждое изменение цен, регулируемое законом стоимости, представляет следствие данного распределения общественного труда между отдельными отраслями производства и в свою очередь видоизменяет в определенном направлении это распределение. В одном месте Маркс говорит о «барометрических колебаниях рыночных цен» (К. I, стр. 334). Это выражение надо дополнить. Действительно, колебания рыночных цен есть барометр, — показатель процессов распределения общественного труда, происходящих в глубине народного хозяйства. Но это барометр совершенно необычный; барометр, который не только показывает погоду, но и исправляет ее. Одна погода сменяется другою и без показаний барометра. *Но одна фаза распределения труда сменяется другою только через посредство колебаний рыночных цен и под их давлением.* Если движение рыночных цен связывает две фазы распределения труда в общественном хозяйстве, мы в праве предполагать тесную, внутреннюю связь между трудовой деятельностью хозяйствующих субъектов и стоимостью. Объяснение последней мы будем искать в процессе общественного производства, т. е. в трудовой деятельности людей, а не в явлениях, лежащих вне сферы производства или не связанных с ним постоянною функциональною связью; например, не в субъективных оценках отдельных лиц или в математическом соотношении цен и количества благ, поскольку последнее берется, как данное, вне связи с процессом производства. Явления стоимости могут быть поняты только в тесной связи с трудовой деятельностью общества; объяснение стоимости надо искать в общественном «труде». Таков наш первый, наиболее общий вывод.

Роль стоимости, как регулятора распределения труда в обществе, указана Марксом не только в письме к Кугельману, но и в целом ряде мест «Капитала». Едва ли не в наиболее развитом виде изложены эти соображения в главе 12 разд. 4 первого тома «Капитала»

(Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе). «В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны, и различные потребности внутренне связаны собою в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако эта *постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию* обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской с самого начала и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь впоследствии, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен» (К. I, с. 334).

Ту же мысль выражает Маркс и в третьем томе: «Распределение этого общественного труда и его взаимное довершение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение ходу общественного механизма и включение в этот последний, — все это предоставлено случайным взаимно уничтожающимся стремлениям единичных капиталистических производителей... Лишь как внутренний закон, как слепой закон природы выступает в глазах отдельных деятелей производства закон стоимости и осуществляет *общественное равновесие производства* среди случайных колебаний» (К. III², 410).

Итак, без пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства товарное общество существовать не может. Но осуществление его возможно только путем преодоления глубокого внутреннего противоречия, лежащего в самой основе товарного общества. С одной стороны, оно разделением труда объединяется в единое народное хозяйство, отдельные части которого тесно связаны между собой и взаимно обусловлены. С другой стороны, частная собственность и автономное хозяйствование отдельных товаропроизводителей разбивают общество на ряд единичных независимых хозяйств. Акты обмена — это единственные узловые пункты, где скрещиваются линии, исходящие от отдельных частных хозяйств. Пока товаропроизводитель работает у себя в хозяйстве, он автономен, он действует по своему одностороннему усмотрению, руководясь своею выгодною, как он ее понимает. Но в момент, когда он выносит продукт своего труда на рынок, он связывается с своим контрагентом, а через него, — при конкуренции, стремящейся свести условия

рыночного торга к одному уровню, — со всем рынком, т. е. со всей совокупностью продавцов и покупателей. Через обмен, через стоимость продуктов труда, создается производственная связь между отдельными товаропроизводителями одной отрасли производства, между различными отраслями производства, между отдельными местностями страны и между отдельными странами. Связь создается не только в том смысле, что товаропроизводители вступают друг с другом в обмен, в общение, и тем связываются. Связавшись в обмене продуктов труда, они связываются в своих производственных процессах, в своей трудовой деятельности. Через обмен и стоимость товаров трудовая деятельность одних товаропроизводителей воздействует на трудовую деятельность других и вызывает в ней определенные видоизменения, сама в свою очередь подвергаясь их воздействию. Отдельные части народного хозяйства взаимно приспособляются одна к другой. Но это приспособление возможно лишь постольку, поскольку одна часть влияет на другую через движение цен на рынке, подчиненное «закону стоимости». Иначе говоря, только через «стоимость» товаров может трудовая деятельность отдельных независимых производителей привести к производственному единству, именуемому народным хозяйством, к взаимосвязанности и взаимообусловленности труда отдельных членов общества. Стоимость есть тот передаточный ремень, который, передавая движение трудовых процессов от одной части общества к другой, осуществляет трудовое единство этого общества.

Мы стоим, следовательно, перед следующей дилеммой: в товарном обществе, где трудовая деятельность отдельных лиц не регулируется и не подвергается непосредственному взаимному приспособлению, производственно-трудовая связь между отдельными товаропроизводителями может реализоваться либо через акты обмена, через стоимости продуктов труда, — либо она вовсе не может реализоваться. Но взаимосвязанность отдельных частей народного хозяйства есть факт несомненный. Значит, объяснения этого несомненного факта мы должны искать в движении стоимости товаров. За движением стоимости мы должны вскрыть взаимосвязанность трудовых деятельностей отдельных лиц. Мы утверждаем, таким образом, зависимость явлений стоимости от трудовой деятельности людей, мы утверждаем принципиальную связь «стоимости» с «трудом». При этом нашим исходным пунктом является не стоимость, а труд. Ошибочно представлять себе дело таким образом, будто Маркс исходит из явлений стоимости в их вещном выражении и, анализируя их, приходит к выводу, что общим в обмениваемых и оцениваемых вещах может быть только труд. Ход мысли Маркса по существу обратный. В товарном обществе *частный* труд отдельных товаропроизводителей может превратиться в *общественный*, т. е. может подвергнуться процессу *взаимного связывания и согласования*, только через «стоимость» *продуктов труда*. Труд может найти свое выражение, как явление общественное, только в «стоимости». Своеобразие теории трудовой стоимости Маркса в том, что он обосновывает ее не свойствами

«стоимости», т. е. акта приравнивания и оценки вещей, а свойствами «труда» в товарном обществе, т. е. на анализе *трудовой структуры и производственных отношений* последнего. Маркс сам отметил эту особенность своей теории в словах: «Правда, политическая экономия исследовала — хотя и недостаточно — стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающееся в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, *почему труд выражается в стоимости*, а продолжительность труда, как его мера, в величине стоимости продукта труда» (К. I, с. 47—48, курсив наш). Беря за исходный пункт трудовую деятельность людей, Маркс показывает, что в товарном обществе она необходимо принимает форму стоимости продуктов труда.

Противники Марксовой теории стоимости особенно возражают против «привилегированного» положения, которое отводится этой теорией труду. Они приводят длинный ряд факторов и условий, изменение которых сопровождается изменением в движении цен товаров на рынке, и спрашивают, на каком основании труд выделяется из этого ряда и ставится на особое место. На это приходится ответить, что в теории стоимости речь идет не о труде, как факторе производства, а о трудовой деятельности людей, как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован. Без анализа производственно-трудовых отношений общества нет политической экономии; а анализ этот показывает, что в товарном хозяйстве производственно-трудовая связь между товаропроизводителями не может выражаться ни в чем другом, как в акте рыночного обмена, в вещной форме стоимости продуктов труда.

Нам могут возразить, что утверждение внутренней причинной связи между стоимостью и трудом — связи, necessarily вытекающей из самой структуры товарного хозяйства — носит слишком общий характер и вряд ли будет оспариваться и противниками Марксовой теории стоимости. Ниже мы увидим, что формулировка теории трудовой стоимости, которую мы даем пока в самом общем виде, впоследствии приобретет более конкретные черты. Но и в этой общей формулировке постановка проблемы стоимости заранее исключает целый ряд теорий и обрекает на неудачу целый ряд поисков. А именно, заранее исключаются теории, которые ищут причин, определяющих стоимость и ее изменения, в явлениях, не находящихся в непосредственной связи с трудовой деятельностью людей, с процессом производства (напр., теория австрийской школы, исходящая из субъективных оценок отдельных субъектов, взятых вне производственного процесса и конкретных общественных форм, в которых он протекает). Какие бы отдельные остроумные объяснения ни давала такая теория, как бы удачно ни вскрывала она отдельные явления изменения цен, — она страдает основным пороком, заранее обесценивающим все ее частные успехи: она не объясняет самого производственного механизма современного общества, возможности его нормального функционирования и развития. Вырвав из производственного механизма товарного

хозяйства его передаточный ремень, стоимость, она лишает себя всякой возможности понять строение и ход этого механизма. Мы должны утверждать связь между стоимостью и трудом не для того только, чтобы понять явления «стоимости», но и для того, чтобы уразуметь явления «труда» в современном обществе, т. е. совокупность производственных отношений, которые определяют самый тип данного общества.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАВЕНСТВО ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И РАВЕНСТВО ТОВАРОВ.

Товарно-капиталистическое хозяйство, как и всякое хозяйство, основанное на разделении труда, не может существовать без *пропорционального распределения труда* между отдельными отраслями производства. Такое распределение осуществляется только при *связанности и взаимообусловленности* трудовых деятельностей отдельных лиц, а эта производственно-трудовая связь при неурегулированном товарном производстве осуществляется только через акты рыночного обмена, через *стоимость товаров*. Исследование акта обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества, составляет по существу предмет Марксовой теории стоимости¹⁾.

В первой главе «Капитала» Маркс, молчаливо предполагая изложенные социологические предпосылки теории стоимости, начинает прямо с анализа акта обмена, как выражения *равенства обмениваемых товаров*. Для большинства критиков Маркса эти социологические предпосылки остались книгой за семью печатями. Они не видят того, что теория стоимости Маркса представляет вывод из исследования общественно-экономических отношений, характеризующих товарное хозяйство. Для них она не более, как «чисто логическое доказательство, диалектическая дедукция из существа обмена»²⁾.

Мы знаем, что на самом деле Маркс исследует не акт обмена, как таковой, вне связи с определенным экономическим строем общества. Он исследует производственные отношения определенного общества, именно товарно-капиталистического, и роль обмена в этом обществе. Если кто-нибудь строит теорию стоимости на анализе акта обмена как такового, вне определенной общественно-экономической среды, то это, конечно, Бем-Баверк, а не Маркс.

Но если Бем-Баверк не прав, говоря, что Маркс выводит равенство обмениваемых товаров из чисто логического анализа акта

¹⁾ Зиммель понимает, что экономическое исследование берет за исходный пункт не обмениваемые вещи, а социально-экономическую роль обмена: «Обмен есть социологическое явление *sui generis*, первоначальная форма и функция между индивидуальной жизни; он отнюдь не есть логическое следствие тех качественных и количественных особенностей вещей, которые называются полезностью и редкостью» (G. Simmel. Philosophie des Geldes, 1907, S. 59).

²⁾ Бем-Баверк. Теория Маркса и ее критика. Русск. пер. изд. 1897 г., с. 68.

обмена, то он прав в том, что при исследовании акта обмена в товарном хозяйстве Маркс, действительно, усиленно выдвигает момент равенства. «Возьмем далее два товара, напр., пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, напр., 1 квартал пшеницы = 2 центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы и в 2 центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первой, ни второй из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, может быть сведена к этому третьему» (К. I, с. 3). На это место, в котором критики Маркса усматривают центральный пункт и единственное обоснование его теории стоимости, они и направляют свои главные удары. «Я мог бы, между прочим, заметить», говорит Бем-Баверк, «что мне уже первое предположение, по которому в обмене двух предметов должно проявляться их равенство, кажется очень старо — это еще неважно, — но и несогласно с действительностью или, лучше сказать, неверно задумано. Где царит равенство и полное равновесие, там не происходит обыкновенно никакой перемены в бывшем до того состоянии покоя. Если поэтому, в случае обмена, дело кончается тем, что товары меняют своих владельцев, то это скорее признак того, что тут замешалось какое-либо неравенство или перевес, под влиянием которого и совершилась перемена»¹⁾.

Излишне говорить, что возражения Бем-Баверка бьют мимо цели. Маркс никогда не утверждал, что обмен происходит при условиях «полного равновесия»; он неоднократно подчеркивал, что «как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно» (К. I, с. 4). Это качественное «неравенство» товаров, неизбежный результат разделения труда, представляет вместе с тем необходимый стимул обмена. Внимание Бем-Баверка обращено на обмен товаров, как потребительных стоимостей, и на стимулирующие обмен субъективные оценки полезности товаров участвующими в обмене лицами. Поэтому он вполне правильно выдвигает момент «неравенства». Маркса же интересует акт обмена, как объективно-общественный факт, и подчеркивая момент равенства, он оттеняет существенные особенности этого факта, отнюдь, однако, не имея в виду какого-то фантастического состояния «полного равновесия»²⁾.

Обычно критики Марксовой теории стоимости видят ее центр тяжести в том, что она утверждает количественное равенство трудовых затрат, которые требуются для производства товаров, при-

¹⁾ Бем-Баверк, цит. соч., стр. 68.

²⁾ „Самый меновой акт и возникающая при этом цена влияет... на поведение всех позднейших покупателей и продавцов, и притом влияет не в качестве неравенства, а в качестве равенства, как выражение эквивалентности“ (Zwiedineck, Ueber den Subjektivismus in der Preislehre. Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. 1914. B. 38, H. 1. S. 22 — 23).

равниваемых друг другу в акте обмена. Но Маркс неоднократно подчеркивал другую сторону своей теории стоимости, так сказать *качественную*, в отличие от указанной *количественной*. Маркса не интересуют качественные особенности товаров, как потребительных стоимостей. Но его внимание обращено на качественную характеристику акта обмена, как социально-экономического явления. И только на основе этой качественной, по существу социологической, характеристики можно понять и количественную сторону акта обмена. Полным игнорированием этой качественной стороны теории стоимости Маркса страдают почти все ее критики. Их взгляды столь же односторонни, как и противоположное мнение, утверждающее, что понятие стоимости у Маркса не имеет никакого отношения к меновым пропорциям, т. е. количественной стороне явлений стоимости¹⁾.

Оставляя сейчас в стороне вопрос о количественном равенстве обмениваемых стоимостей, мы должны сказать, что в товарном обществе сношения между отдельными частными хозяйствами происходят в форме купли-продажи, в форме приравнивания стоимостей, отдаваемых и получаемых частным хозяйством в акте обмена. Акт обмена есть акт приравнивания. И это *приравнивание обмениваемых товаров* отражает основную социальную особенность товарного хозяйства: *равенство товаропроизводителей*. Речь идет не о равенстве их в смысле обладания равными материальными средствами производства, а о равенстве их в качестве автономных, друг от друга независимых товаропроизводителей, из которых ни один не может воздействовать на другого односторонне, без соглашения с ним, иначе, как на началах договора с ним, как с самостоятельным субъектом хозяйства. Отсутствие вне-экономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на основах права частного и так называемого свободного договора, — есть характернейшая черта экономической структуры современного общества. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами — форма обмена, приравнивания обмениваемых стоимостей. Равенство товаров в обмене является вещным выражением основного производственного отношения современного общества: связи в обмене между товаропроизводителями, как между равноправными, автономными и друг от друга независимыми субъектами хозяйства.

Для понимания изложенных идей Маркса мы считаем крайне важным следующее место из «Капитала»: «Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются чело-

¹⁾ См., например, Petry. Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie. 1916, S. 27 — 28.

веческим трудом вообще,—эта тайна выражения стоимости может быть разгадана лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда и, следовательно, отношение людей друг к другу как товарладельцев является господствующим общественным отношением» (К. I, с. 27) ¹⁾. В основе равенства обмениваемых товаров лежит равенство автономных и друг от друга независимых товаропроизводителей,—основная черта товарного хозяйства, его, так сказать, клеточной структуры. Теория стоимости исследует процесс образования из отдельных, казалось бы самостоятельных, клеток производственного единства народного хозяйства. Недаром Маркс в предисловии к первому изданию I-го тома «Капитала» писал, что «товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клетки буржуазного общества». Эта клеточная структура товарного общества представляет собою совокупность равноправных, друг от друга формально независимых, частных хозяйств.

В приведенных словах об Аристотеле Маркс подчеркивает, что понимание явлений стоимости не может быть вычитано из «самой формы стоимости», т. е. из вещного выражения равенства обмениваемых товаров. Тайна стоимости может быть понята только из особенностей товарного общества. Не удивительно, что критики, от которых ускользнул социологический характер теории стоимости Маркса, вкривь и вкось толковали приведенные его слова. По мнению Дитцеля, Маркс «руководствуется этической аксиомой равенства». Этот «этический фундамент обнаруживается в том месте, где Маркс объясняет недостатки теории стоимости Аристотеля тем, что греческое общество имело своею естественною основой неравенство людей и их рабочей силы» ²⁾. Дитцель не понимает, что Маркс говорит не об этическом постулате равенства, а о равенстве товаропроизводителей, как основном социальном факте товарного хозяйства,—равенстве, повторяем, не в смысле материальных средств, а в смысле независимости и автономности в качестве субъектов хозяйства, организаторов производства.

Если Дитцель превращает общество равных товаропроизводителей из действительного факта в этический постулат, то Кроче видит в нем некий теоретически-мыслимый тип общества, «придуманый» Марксом из соображений теоретических, для контраста и сравнения с капиталистическим обществом, основанным на неравенстве. Это сравнение имеет целью выяснить специфические особенности капиталистического общества. Равенство товаропроизводителей—не-

¹⁾ Разумеется, нас не интересует здесь вопрос о том, правильно ли Маркс понимал Аристотеля, или же его понимание Аристотеля представляет образец „научного субъективизма“, как утверждает В. Железнов (Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1916 г., стр. 244), без достаточных, по нашему мнению, оснований.

²⁾ Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, 1895, S. 273.

этический идеал, а теоретически придуманный масштаб, мерило, которым мы измеряем общество капиталистическое. «Вспомните то место, где Маркс говорит, что природа ценности может выясниться лишь в обществе, в котором убеждение в равенстве людей получило силу народного предрассудка» ¹⁾. Кроче полагает, что Маркс для понимания явлений стоимости в капиталистическом обществе принял за тип, так сказать за теоретический масштаб, другую стоимость (конкретную), а именно ту, «которую имели бы блага, умножаемые трудом, в обществе, в котором не существовало бы несовершенств капиталистического общества и рабочая сила не была бы товаром». Отсюда Кроче делает следующий вывод о логических особенностях теории стоимости Маркса: «Трудовая ценность Маркса не логическое обобщение, а факт, мыслимый как тип и принимаемый за тип, т. е. нечто совершенно отличное от логического понятия» ²⁾.

Дитцель превращает общество равных товаропроизводителей в этический постулат, а Кроче делает из него «придуманное» конкретное представление, противопоставляемое капиталистическому обществу с целью лучшего уяснения характерных черт последнего. В действительности же оно представляет не что иное, как отвлечение и обобщение основной особенности товарного хозяйства вообще и капиталистического в частности. Теория стоимости и ее предпосылка—общество равных товаропроизводителей—дает нам анализ одной из сторон капиталистического хозяйства, а именно *основного производственного отношения, соединяющего автономных товаропроизводителей*. Это отношение есть основное, ибо только оно и создает объект изучения политической экономии—народное хозяйство, как известное, хотя и относительное, единство. Маркс отлично выразил логический характер своей теории стоимости в словах: «До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми—отношение товарладельцев, которое сводится лишь к присвоению чужого продукта труда путем отчуждения своего собственного» (К. I, с. 76). Теория стоимости дает нам не описание явлений, происходящих в каком-то мысленно представляемом обществе, противопоставляемом капиталистическому, а обобщение одной из сторон последнего.

Конечно, в капиталистическом обществе производственные отношения между людьми, как членами различных социальных групп, не исчерпываются актом обмена, т. е. отношением между ними, как между независимыми товаропроизводителями. Но эти отношения между членами разных социальных групп капиталистического общества происходят в форме и на основе отношения между ними, как между равноправными, автономными товаропроизводителями. Капиталист и рабочие связаны между собою производственным отношением, вещным выражением которого служит капитал. Но они связываются и всту-

¹⁾ Кроче. Исторический материализм и марксистская экономия. Русск. перев. II. 1902 г., с. 62.

²⁾ Там же. стр. 106.

пают в соглашение, как равноправные товаропроизводители; и выражением этого производственного отношения, точнее, этой стороны связывающего их производственного отношения, служит категория стоимости. Промышленные капиталисты и землевладельцы, промышленники и финансовые капиталисты тоже вступают в соглашение в качестве равноправных, автономных товаропроизводителей; эта сторона производственных отношений между различными социальными группами находит свое выражение в теории стоимости. Этим именно объясняется одна особенность политической экономии, как науки. Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и на первый взгляд даже представляют как бы логическую эманацию этой последней. Знакомясь впервые с теоретической системой Маркса, можно, казалось бы, согласиться с мнением Бем-Баверка, что она представляет логически-дедуктивное развертывание абстрактных понятий, их имманентное чисто-логическое развитие по методу Гегеля. Стоимость, путем волшебных, чисто логических модификаций, превращается в деньги, деньги в капитал, капитал в приращенный капитал, т. е. капитал плюс прибавочная стоимость, прибавочная стоимость в предпринимательскую прибыль, процент и ренту и т. д. Бем-Баверк, не оставляющий камня на камне от теории стоимости Маркса, отмечает, что дальнейшие части Марксовой системы представляют стройное логическое целое, последовательно вытекающее из ошибочного исходного пункта. «На этом среднем протяжении системы Маркса логическое развитие и выяснение причинной связи совершается действительно с импонирующей законченностью и внутренней последовательностью... Эти средние части его системы, при всей ложности ее исходного пункта, навсегда обеспечивают за Марксом, благодаря выходящей из ряда вон внутренней последовательности, славу первоклассного мыслителя»¹⁾. В устах Бем-Баверка, мыслителя, склонного именно к логическому развертыванию понятий, это высшая похвала. В действительности, однако, сила Марксовой системы покоится не только и даже не столько на ее внутренней логической последовательности, сколько на том, что она во всех своих частях насыщена многообразным, богатым социально-экономическим содержанием, взятым из действительности и освещенным силою абстрактной мысли. Одно понятие превращается у Маркса в другое не в силу имманентного логического развития, а при наличии целого ряда приводящих социально-экономических условий. Для превращения денег в капитал необходим был огромный исторический переворот, описанный Марксом в главе о первоначальном капиталистическом накоплении.

Но нас интересует сейчас не эта сторона вопроса. Одно понятие вырастает у Маркса из другого лишь при наличии определенных социально-экономических условий. Но факт тот, что каждое последующее понятие носит на себе печать предшествующего, и все основные понятия экономической системы представляют как бы логические разновидности понятия стоимости. Деньги — это стоимость,

¹⁾ Бем-Баверк, цит. соч. стр. 91—92.

служащая всеобщим эквивалентом. Капитал — стоимость, создающая прибавочную стоимость. Заработная плата — стоимость рабочей силы. Прибыль, процент, рента суть части прибавочной стоимости. На первый взгляд эта логическая эманация основных экономических понятий из понятия стоимости кажется необъяснимой. Но она объясняется тем, что производственные отношения капиталистического общества, выражением которых служат указанные понятия (капитал, заработная плата, прибыль, процент, рента и т. п.), происходят в форме отношения между независимыми товаропроизводителями, выражаемого понятием стоимости. Капитал представляет разновидность стоимости потому, что производственное отношение между капиталистом и рабочими происходит в форме отношения между равноправными товаропроизводителями, автономными субъектами хозяйства.

Система экономических понятий вытекает из системы производственных отношений. Логическая структура политической экономии, как науки, отражает социальную структуру капиталистического общества¹⁾.

Теория трудовой стоимости дает теоретическую формулировку основного производственного отношения товарного общества, отношения между равными товаропроизводителями. Этим объясняется живучесть этой теории, которая в бурном потоке сменяющихся одна другую экономических идей, при всех наносимых ей ударах, каждый раз в обновленном виде и в новой формулировке появляется на авансцене экономической науки. Маркс отметил эту особенность теории трудовой стоимости в письме к Кугельману от 11 июля 1868 года: «История теории, конечно, доказывает, как Вы верно указали, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только ясным или туманным, спутанным иллюзиями или научно определенным». О том же говорит Гильфердинг в одной из своих статей: «Экономическая теория — в том объеме, в каком Маркс рассматривает ее в своих «Теориях прибавочной стоимости» —

¹⁾ Ф. Оппенгеймер видит «методологическое грехопадение» Маркса, основную его ошибку в том, что «предположение социального равенства участников менового акта» берется им в теории стоимости за исходный пункт исследования капиталистического общества с его классовым неравенством. Он сочувственно цитирует Туган-Барановского, который говорит, что «предполагая социальное равенство участников менового акта, мы отвлекаемся от внутренней структуры общества, в котором акт совершается» (F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1916, S. 176). Оппенгеймер упрекает Маркса за теорию стоимости в игнорировании классового неравенства капиталистического общества.

Лифман бросает Марксовой экономической теории противоположный упрек, что она «заранее предполагает существование определенных классов» (Liefmann, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1920, S. 34). Но существу прав Лифман: Марксова экономическая теория заранее предполагает классовое неравенство капиталистического общества. Но так как отношения между классами в капиталистическом обществе происходят в форме отношений между независимыми товаропроизводителями, то исходным пунктом исследования берется стоимость, предполагающая социальное равенство участников менового акта. Марксова теория стоимости одинаково преодолевает односторонность и Оппенгеймера и Лифмана.

представляет собою объяснение капиталистического общества, основу которого составляет товарное производство. Но эта основа хозяйственной жизни, остающаяся неизменной при всем колоссальном и бурном развитии последней, объясняет нам тот факт, что экономическая теория отражает это развитие, сохраняя уже ранее открытые основные законы и дальше развивая их, но не устранив их совершенно. Таким образом, реальному развитию капитализма соответствует логическое развитие теории. Начиная с первых формулировок закона трудовой стоимости у Петти и Франклина и кончая наиболее тонкими рассуждениями второго и третьего томов «Капитала», обнаруживается, таким образом, логически развертывающийся процесс развития»¹⁾. Этой непрерывности исторического развития теории стоимости соответствует ее центральное логическое место в экономической науке. Это логическое место может быть понято только из той особой роли, которую в системе производственных отношений капиталистического общества играет основное отношение между отдельными товаропроизводителями, как между равноправными, автономными субъектами хозяйства.

Отсюда видна неправильность попыток признать теорию трудовой стоимости совершенно неприменимо к объяснению капиталистического хозяйства и ограничить ее мысленно представляемым обществом или простым товарным обществом, предшествующим капиталистическому. Кроче удивляется, «почему Маркс при анализе экономических явлений второй или третьей сферы (т. е. явлений прибыли и ренты — И. Р.) пользуется понятиями, находящимися в первой сфере» (т. е. в сфере трудовой стоимости — И. Р.). «Если соответствие между ценностью и трудом существует только в упрощенном экономическом обществе первой сферы, зачем обозначать постоянно явления второй сферы терминами первой»²⁾. Подобные возражения основаны на одностороннем представлении о теории стоимости, как объясняющей исключительно количественные пропорции обмена в простом товарном хозяйстве, на полном пренебрежении к ее качественной стороне. Если при капитализме закон количественных пропорций обмена видоизменяется по сравнению с простым товарным обращением, то качественная сторона обмена одна и та же, и только ее анализ дает возможность прийти и к пониманию количественных пропорций. «Экспроприация одной части общества и монополия на средства производства другой части, разумеется, модифицируют обмен, потому что только в нем и может проявиться это неравенство членов общества. Но так как меновой акт есть отношение равенства, то неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства»³⁾. Гильфердинг должен был бы продолжить свою мысль дальше и перевести ее на язык производ-

¹⁾ Aus der Vorgeschichte der Marxchen Oekonomie. N. Z. 1910/11, гг. Том II. Русск. перевод в сборнике «Основные проблемы политической экономии», стр. 244.

²⁾ Кроче, цит. соч. стр. 230.

³⁾ Гильфердинг. Финансовый капитал, перевод И. Степанова. СПб. 1918 г., стр. 23.

ственных отношений. Теория стоимости, исходящая из равенства обмениваемых товаров, необходима для объяснения капиталистического общества с его неравенством, ибо производственные отношения между капиталистами и рабочими происходят в форме отношений между равноправными, независимыми товаропроизводителями. Всякие попытки оторвать теорию стоимости от теории капиталистического хозяйства неправильны; безразлично, состоят ли они в ограничении теории стоимости мысленно представляемым обществом (Кроче) или простым товарным хозяйством, или же в превращении трудовой стоимости в чисто логическую категорию (Туган-Барановский), или, наконец, в резком отделении категорий междухозяйственных, т. е. стоимости, от категорий социальных, т. е. капитала (Струве, см. о нем выше, в главе «Струве о теории товарного фетишизма»).

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

РАВЕНСТВО ТОВАРОВ И РАВЕНСТВО ТРУДА.

Равенство товаропроизводителей, как автономных субъектов хозяйства, находит свое выражение в форме обмена: последний представляет собой обмен эквивалентов, приравнивание обмениваемых товаров. Но эту общественную форму обмена не исчерпывает его роль в народном хозяйстве. В товарном обществе обмен — один из необходимых этапов процесса воспроизводства, делающий возможным правильное распределение труда и дальнейшее продолжение производства. В своей форме обмен отражает социальную структуру товарного общества. По своему содержанию обмен представляет один из моментов трудового процесса, процесса воспроизводства. По форме акт обмена означает *приравнивание товаров*. С точки зрения процесса производства, он приводит к *приравниванию труда*.

В каждой общественной группе, основанной на разделении труда между различными индивидуумами (хотя бы и не на товарной основе), необходим процесс приравнивания труда этих индивидуумов. Без такого приравнивания невозможно правильное распределение труда между различными работами, необходимыми обществу. А такое распределение труда, как отмечает Маркс в цитированном выше письме к Кугельману, необходимо во всяком обществе, независимо от общественной формы хозяйства. «Железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями» (К. I. с. 334). На фабрике или в социалистическом обществе этот железный закон осуществляется заранее и преднамеренно. Перед нами сознательный процесс приравнивания труда, предшествующий производству. В товарном обществе этот «железный закон», не осознанный участниками производства, действует стихийно, путем постоянных нарушений и их последующего исправления. Он осуществляется не как самостоятельный процесс

приравнивания труда, а через посредство приравнивания вещей, продуктов труда, товаров.

В социалистическом обществе возможен и процесс приравнивания труда и процесс приравнивания вещей, продуктов труда, но оба они друг от друга отделены. При установлении плана производства и распределении разных видов труда между различными его отраслями, социалистическое общество производит известное приравнивание разных видов труда и параллельно с этим приравнивание вещей, продуктов труда, с точки зрения их полезности для общества. «Конечно, и тогда (при социализме) общество должно будет знать, какое количество труда требуется для производства каждого предмета потребления. Ему придется план производства приравнить к средствам производства, к числу которых прежде всего относятся рабочие силы. Степень полезности различных предметов потребления, сравненных между собою и в отношении к потребным для их производства количествам труда, определит окончательно этот план» (Энгельс, Анти-Дюринг, пер. Н. Брука, стр. 420—421). По окончании процесса производства, при распределении произведенных вещей между отдельными членами общества, окажется, вероятно, необходимым известное приравнивание вещей для целей распределения, их сознательная расценка обществом. Само собою понятно, что в приравнивании вещей, в акте их расценки, социалистическое общество не обязано расценивать их в точной пропорции к труду, затраченному на их производство. Общество, руководясь требованиями социальной политики, может, например, сознательно ввести пониженную расценку на предметы, удовлетворяющие культурные потребности широких народных масс, и повышенную расценку на предметы роскоши. Но, если даже социалистическое общество будет расценивать вещи в точном соответствии с потраченным на них трудом, акт приравнивания вещей останется раздельным от акта приравнивания труда.

Иначе в товарном обществе. Здесь самостоятельного общественного акта приравнивания и распределения труда вовсе не существует. Приравнивание разных видов труда происходит только через посредство и в форме приравнивания вещей, продуктов труда. Приравнивание вещей в виде стоимостей на рынке влияет на распределение труда в обществе, на трудовую деятельность участников производства. Приравнивание и распределение товаров на рынке тесно связываются с актом приравнивания и распределения труда в общественном производстве.

Эту особенность товарного хозяйства, осуществляющего приравнивание труда только в вещной форме, через приравнивание товаров, Маркс неоднократно отмечал: «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда, как стоимости, не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене различные продукты, как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще.

Они не сознают этого, но они это делают» (К. I, стр. 41). Акт приравнивания труда не существует в отдельности и происходит только в форме приравнивания товаров. Это значит, что равенство труда осуществляется только через равенство товаров. «Обмен продуктов, как товаров, представляет определенный метод обмена труда, зависимости труда одного от труда другого» (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 153). «Равенство различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию стоимости» (К. I, стр. 39). «Общественный характер равенства разнородных работ отражается в форме присущего этим материально различным вещам — продуктам труда — общего свойства быть стоимостью» (К. I, с. 41). Нет ничего ошибочнее, как понимать эти слова в том смысле, что вещи приравняются, как стоимости, потому, что в них заключается физиологически равный человеческий труд (См. ниже, главу об «Абстрактном труде»). Это механическо-материалистическое понимание чуждо Марксу. Он говорит об общественном характере равенства разнородных работ, о социальном акте приравнивания труда, обязательном для всякого хозяйства. В товарном обществе этот акт осуществляется только через приравнивание продуктов труда, как стоимостей. Это «овеществление» общественного акта приравнивания труда в форме приравнивания вещей не означает материального овеществления труда, как фактора производства, материального накопления его в вещах — продуктах труда.

«Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он выражается в меновых стоимостях, и выражается в меновых стоимостях постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов, как к одинаковому» («К критике полит. эконом.» с. 38—39). В этих словах Маркса ясно выражена взаимосвязанность и взаимообусловленность актов приравнивания труда и приравнивания товаров, как стоимостей, в товарном обществе. Этим объясняется та специфическая роль, которую в механизме товарного хозяйства играет акт обмена, приравнивание продуктов труда, как стоимостей. С приравниванием товаров сливается акт приравнивания и распределения труда. Величина стоимости товаров изменяется в зависимости от потраченного на их производство общественно-необходимого труда не потому, что приравнивание вещей невозможно без равенства потраченного на них труда (так, по мнению Бем-Баверка, обосновывает свою теорию Маркс), а потому, что *приравнивание труда* происходит в товарном обществе только в форме *приравнивания товаров*. Ключ к теории стоимости мы найдем не в акте обмена, как таковом, не в вещном приравнивании товаров, как стоимостей, а в том, как приравнивается и распределяется *труд* в товарном хозяйстве. Мы опять приходим к выводу, что свойства «стоимости» Маркс открыл из анализа «труда» в товарном хозяйстве.

Отсюда понятно, что Маркс изучает акт обмена лишь постольку, поскольку он играет специфическую роль в процессе воспроизводства.

и тесно с ним связан. Маркс изучает «стоимость» товаров в ее связи с «трудом», с приравниванием и распределением труда в производстве. Теория стоимости Маркса изучает не всякий обмен вещей, а только такой обмен, который происходит: 1) в товарном обществе, 2) между автономными *товаропроизводителями* и 3) определенным образом связан с *процессом воспроизводства*, представляя собою один из его необходимых моментов. Взаимосвязанность актов обмена и распределения труда в производстве приводит к тому, что в целях теоретического анализа мы выделяем стоимость продуктов труда (в отличие от даровых благ природы, могущих иметь цену; см. выше, главу о «производственных отношениях и вещных категориях») и при том только воспроизводимых. Если обмен даровых благ природы (например, земли) представляет нормальное явление товарного хозяйства, связанное с процессом производства, мы должны включить его в область исследований политической экономии, но изучать его отдельно от явлений стоимости продуктов труда. Ибо, как бы сильно цена земли ни влияла на процесс производства, связь между ними будет иная, чем функциональная связь между стоимостью продуктов труда и процессом распределения труда в общественном производстве. Цена земли и вообще невоспроизводимых благ представляет не исключение из теории трудовой стоимости, а пределы этой теории, ее границы, которые она сама себе начертила, как теория социологическая, изучающая законы изменения стоимости и роль ее в производственном процессе товарного общества.

Итак, Маркс изучает не всякий обмен вещей, а лишь уравнивание товаров, через посредство которого осуществляется уравнивание труда в общественном хозяйстве. Стоимость товаров изучается нами, как проявление «общественного равенства труда». Понять это «общественное равенство труда» мы можем, исходя из идеи *равновесия между отдельными видами труда*, или между отдельными отраслями народного хозяйства. «Равенство труда» соответствует определенному состоянию распределения труда в производстве, а именно теоретически мыслимому состоянию равновесия, при котором прекращается переход труда из одной отрасли производства в другую. Разумеется, при постоянных нарушениях в стихийном хозяйстве пропорциональности в распределении труда, такие переходы труда всегда имеют место и необходимы. Но они служат именно устранению указанных нарушений и отклонений от среднего теоретически мыслимого состояния равновесия между отдельными отраслями производства. Это состояние равновесия наступает (теоретически) тогда, когда для товаропроизводителей исчезают побудительные мотивы для перехода из одной отрасли в другую, когда создается равная выгодность для них производства в различных отраслях. Состоянию общественного равновесия производства соответствует обмен продуктов труда различных отраслей по их стоимости, общественное равенство разнородных видов труда. Равенство двух разнородных видов труда означает, что обмен их продуктов в определенной пропорции,

как эквивалентов, соответствует состоянию равновесия между двумя данными отраслями производства.

Законы этого равновесия, взятые с количественной стороны, различны для простого товарного хозяйства и капиталистического. Объясняется это различие тем, что объективное равновесие в распределении общественного труда создается путем конкуренции, через посредство перехода труда из одной отрасли в другую, связанного с субъективными мотивами товаропроизводителей¹⁾. Различная роль товаропроизводителей в общественном процессе производства создает поэтому иные законы равновесия в распределении труда. При простом товарном хозяйстве равная выгодность производства для товаропроизводителей, занятых в различных отраслях, создается при обмене товаров в соответствии с количеством общественно-необходимого труда, потраченного на их производство. С. Франк сомневается в этом положении и пишет: «Одинаковая доходность различных отраслей производства требует только, чтобы цена продукта была пропорциональна издержкам со стороны производителя, так чтобы на известную сумму издержек производства приходилась известная сумма дохода. Эта пропорциональность однако отнюдь не требует равенства между затраченным со стороны производителя общественным трудом и тем количеством последнего, которое он получает в обмен за свой продукт»²⁾.

Но С. Франк не ставит вопроса о том, в чем же заключаются для простого товаропроизводителя издержки производства, как не в труде, затрачиваемом им на производство. Для простого товаропроизводителя различия в условиях производства двух разных отраслей выступают, как различные условия приложения в них труда. В простом товарном хозяйстве обмен продукта 10 часов труда одной отрасли производства, например, сапожной на продукт 8 часов труда другой отрасли, например, портняжной, неизбежно приведет к различной выгодности производства в обеих отраслях и к переходу труда.

¹⁾ Правильно замечание Борткевича: «Закон стоимости остается висеть в воздухе, если не предполагается, что работающие для обмена производители стремятся подучить при помощи наименьших усилий возможно большую выгоду и что они одновременно в состоянии менять свои занятия» (Bortkiewicz, Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System. Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1906, B. 23, H. 1, S. 39). Напрасно только Борткевич думает, что это положение в корне противоречит истолкованию Марксовой теории, данному Гильфердингом. Последний также не игнорирует ни конкуренции, ни соотношения спроса и предложения, но это соотношение «выступает, как подчиненное цене производства» (Бем-Баверк, как критик Маркса, с. 71). Гильфердинг понимает, что экономические действия происходят через посредство мотивов хозяйствующих субъектов, но прилагает природой хозяйственных отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большего, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений (Финансовый капитал, с. 264). Эта тенденция составляет предпосылку объяснения явлений товарно-капиталистического хозяйства, но не самое это объяснение. «Мотивация агентов капиталистического производства надо вывести из общественных функций экономических действий в данном способе производства» (там же, с. 241).

из сапожной отрасли в портняжную. При предположении полной подвижности труда в товарном хозяйстве, всякая более или менее значительная разница в выгодности производства породит тенденцию к переходу труда из менее выгодной отрасли производства в более выгодную. Эта тенденция проявится еще задолго до того момента, когда менее выгодной отрасли будет угрожать непосредственная опасность хозяйственного разорения и невозможности продолжать производство в результате невыгодных для нее условий реализации ее продуктов на рынке.

В виду этого мы не можем согласиться с тем обоснованием, которое дает теории стоимости А. Богданов. «В однородном обществе с разделенным трудом для полного поддержания производственной жизни в прежнем виде необходимо, чтобы каждое хозяйство при обмене получало за свои товары равное им по стоимости количество этих продуктов для своего потребления». «Если отдельные хозяйства получают меньше этого, они начнут слабеть и разрушаться, не будут в силах выполнять прежней общественной роли»¹⁾. Обмен продуктов не пропорционально трудовым затратам на них означает, что определенные хозяйства получают от общества менее трудовой энергии, чем отдают ему. Это приводит к разорению их и прекращению производства. Значит, нормальный ход производства возможен только при обмене продуктов пропорционально трудовым затратам²⁾.

Как ни оригинально и соблазнительно такое «энергетическое» обоснование теории трудовой стоимости, оно не удовлетворяет нас по следующим причинам: 1) Оно имеет свою предпосылку для анализа отсутствия прибавочного продукта, а такая предпосылка для анализа товарного хозяйства излишня и не соответствует действительности. 2) Если принять такую предпосылку, закон обмена продуктов пропорционально трудовым затратам окажется имеющим силу для всех случаев взаимодействия между различными хозяйствами, хотя бы и не на основах товарного хозяйства. Получается формула, обязательная для всех исторических эпох и отвлеченная от особенностей товарного хозяйства. 3) Аргументация А. Богданова предполагает, что данное хозяйство должно получить в результате обмена определенное количество продуктов в натуре, необходимое для продолжения производства, т. е. принимается во внимание обмен продуктов, а не стоимостей. А. Богданов указывает ту абсолютную границу, за которую обмен веществ между данным хозяйством и другими становится для первого разорительным

¹⁾ Краткий курс эконом. науки, изд. 1920 г., с. 63. То же рассуждение в Курсе политич. экономии. Т. II, в. 4-й, с. 22—24.

²⁾ В зачаточной форме такая аргументация встречается уже у Н. Зибер. «Обмен, в основании которого не лежало бы равных количеств труда, вел бы к такому поглощению одних хозяйственных сил другими, которое ни в каком случае не могло бы длиться в течение продолжительного времени, а между тем только такое время годно для научного исследования» (Н. Зибер. Теория ценности и капитала Рикардо; 1871 г., с. 88).

и лишает его возможности дальнейшего производства. Между тем при анализе товарного хозяйства решающую роль играет относительная выгодность производства для товаропроизводителей в различных отраслях производства и переход труда из менее выгодных отраслей в более выгодные. В условиях простого товарного хозяйства одинаковая выгодность производства в различных отраслях предполагает обмен товаров пропорционально затраченным на их производство *количествам труда*.

В капиталистическом обществе, где товаропроизводитель затрачивает не труд свой, а капитал, тот же принцип равной выгодности производства находит свое выражение в другой формуле: равная прибыль на *равные капиталы*. Норма прибыли регулирует распределение капиталов между различными отраслями производства, а оно в свою очередь направляет распределение труда между ними же. Движение цен на рынке связывается с распределением труда через распределение капиталов, оно определяется трудовой стоимостью через цены производства. Многие критики Марксизма склонны были видеть в этом банкротство Марксовой теории стоимости¹⁾. Они упустили из виду, что теория эта изучает не только количественную, но прежде всего качественную (социальную) сторону явлений стоимости. «*Овеществление*» или *фетишизация* трудовых отношений, *производственная связь*, проявляющаяся в *стоимости* товаров, равенство *товаропроизводителей*, как субъектов хозяйства; роль стоимости в *распределении труда* между различными отраслями производства, — весь этот круг явлений, оставленных без внимания критиками Маркса и освещенных его теорией стоимости, относится одинаково к простому товарному и капиталистическому хозяйству. Но и количественная сторона стоимости тоже интересует Маркса, поскольку она связана с ее социальной функцией регулятора распределения труда. Количественные пропорции обмена вещей суть выражение «железного закона» количественных пропорций в распределении общественного труда. Тру-

¹⁾ Так, например, Ганиш пишет: «Чем же является трудовая стоимость после этих разъяснений? (III-го тома Капитала. И. Р.). Это произвольно сконструированное понятие, а не меновая стоимость экономической действительности, не реальный факт, из которого исхледили и который хотели объяснить» (Hansisch, Marxsche Die Mehrwerttheorie, 1915, S. 22). Эти слова Ганиша типичны для целой полосы критики марксизма, вызванной появлением в свет III-го тома Капитала. Более принципиальные критики не придают пресловутому «противоречию» между I и III томами Капитала никакого или, во всяком случае, существенного значения (см. Schumpeter, Epochen der Dogmen und Methodengeschichte in Grundriss der Sozialökonomik, B. I, 1914, S. 82 и F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1916, S. 172—173) и острие критики направляют на исходные положения Марксовой теории стоимости. С другой стороны, критики, настаивающие на противоречии между теорией стоимости Маркса и его же теорией цен, признают логическую безупречность теории стоимости как таковой. «Правда, можно привести и действительно приводили формальные возражения против дедукции (Марксовой теории стоимости), но нет сомнения, что эти возражения не достигли цели» (Heimann, Methodologisches zu den Problemen des Wertes. Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1913, B. 37, H. 3, S. 775). Невозможность «опровергнуть» Маркса исходя из теории стоимости признана и Дитцелем, усматривающим ахиллесову пяту Марксовой системы в теории кризисов (Dietzel Vom Lehrwert der Wertlehre. 1921, S. 31).

довая стоимость и цены производства — только различные проявления того же закона распределения труда в условиях простого товарного хозяйства и общества капиталистического¹⁾. Равновесие и распределение труда составляют основу стоимости и ее изменений как в простом товарном, так и в капиталистическом хозяйстве. В этом смысл теории «трудовой» стоимости Маркса.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

СТОИМОСТЬ И МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ (СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА СТОИМОСТИ).

Как мы видели, стоимость, по Марксу, представляет собою производственное отношение между автономными товаропроизводителями, выраженное в вещной форме приравнивания товаров и в своем движении тесно связанное с равновесием и распределением труда в материальном процессе производства. Маркс уделяет внимание и движению материального процесса производства и его общественной, товарной форме. Первое объясняет нам содержание стоимости, ее зависимость от развития производительности труда, последняя определяет форму стоимости, как вещного выражения производственных отношений. К сожалению, вопрос о соотношении в Марксовой системе содержания и формы стоимости затемнен отчасти совпадающим с ним вопросом о соотношении стоимости и меновой стоимости. С последнего мы поэтому и начнем.

В «Критике политической экономии» Маркс не делает еще различия между стоимостью и меновой стоимостью. В «Капитале» он проводит между ними различие, рассматривая последнюю, как форму проявления первой. Свой анализ он начинает с меновой стоимости, от нее быстро переходит к скрытой за нею стоимости, а потом возвращается обратно к форме ее проявления, подвергая подробному разбору меновую стоимость или формы стоимости. «Мы исходим из меновой стоимости или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости» (К. I, с. 14). Хотя стоимость и форма ее проявления, меновая стоимость, неразрывно между собою связаны, но Маркс предпочитает анализировать их отдельно. «Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости, как необходимому способу выражения, или необходимой форме проявления товарной стоимости; тем не менее эта последняя должна быть сначала рассмотрена как таковая, независимо от этой ее формы» (К. I, с. 5).

Следуя за Марксом, его комментаторы проводят различие между *стоимостью* и *меновою стоимостью*: первая определяется *количеством труда*, общественно-необходимого для производства данного товара; вторая выражается *количеством других товаров*, которые дают в обмен

на данный товар. «Товар обладает стоимостью только потому, что в нем овеществлен абстрактный человеческий труд»¹⁾. Но эта «стоимость товара не обнаруживается, пока я не сравню ее с стоимостью другого товара, на который я хочу обменять первый. Величина стоимости товара определяется, правда, количеством требующегося для его изготовления общественно-необходимого рабочего времени, но выражается она своим отношением к стоимости одного или нескольких других товаров, своим меновым отношением»²⁾.

Таково наиболее распространенное в марксистской литературе определение стоимости и меновой стоимости. Это определение, на первый взгляд вполне точно формулирующее ход мыслей «Капитала», страдает следующими двумя существенными недостатками:

1) Стоимость ставится в зависимость исключительно от количества трудовых затрат, причем не указана точно определенная общественная форма труда. Можно подумать, что трудовые затраты людей в любой общественной форме создают стоимость, даже в таком обществе, где продукты труда не обмениваются в качестве товаров и потому не обладают меновою стоимостью. Стоимость превращается в *логическую категорию*, в отличие от меновой стоимости.

2) С другой стороны, меновая стоимость определяется, как меновое отношение обмениваемых товаров, как количественная пропорция обмена. Между тем, Маркс постоянно подчеркивал, что количественной пропорцией меновая стоимость не исчерпывается. Меновая стоимость выражает также тот факт, что в товарном хозяйстве количество потраченного на производство продукта общественно-необходимого труда может найти свое выражение только в вещной форме, в обмене, в виде других товаров, которые дают в обмен на данный продукт. Эта особенность товарного хозяйства, заключающаяся в том, что потраченный на производство продукта труд принимает форму свойства, на первый взгляд присущего самой вещи и как-бы «объективного», носит у Маркса название «формы стоимости». Термин «меновая стоимость» употребляется Марксом в двух смыслах: как *количественное* отношение, т.-е. меновая пропорция, и как «*форма стоимости*», т.-е. *качественная* характеристика стоимости, как вещного выражения общественно-необходимого труда.

В начале «Капитала» Маркс замечает, что «меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода» (К. I, стр. 2—3). Но для Маркса меновая стоимость этою количественною стороною не исчерпывается. Он считает необходимым исследовать отношение стоимости двух товаров «независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз обратно и видят в соотношении стоимостей только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара» (К. I, с. 16).

¹⁾ См. ниже, главу «Стоимость и цены производства».

¹⁾ Каутский. Эконом. уч. Маркса, стр. 11.
²⁾ Там же, стр. 16.

В этом Маркс усматривает ошибку многих экономистов; он упрекает Бейли за то, что он видел «в выражении стоимости только количественное отношение» (стр. 23) и обращал внимание «исключительно на количественную определенность менового отношения» (стр. 17)¹⁾.

Упрекая Бейли за то, что он ограничился исследованием количественной стороны меновой стоимости, Маркс, с другой стороны, отмечал, что и классическая школа тоже игнорировала «форму стоимости», хотя и подвергла исследованию самую стоимость, так сказать, содержание стоимости, зависимость ее от труда. «Политическая экономия исследовала — хотя и недостаточно — стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающееся в этих формах содержание. Но она ни разу не поставила даже вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера в величине стоимости продукта труда?» (К. I, 47—48. Курсив наш). Классики-экономисты вскрыли под стоимостью труд; Маркс же показал, что трудовые отношения людей в товарном обществе неизбежно принимают вещную форму стоимости продуктов труда. Классики обратили внимание на содержание стоимости, потраченный на производство продукта труд; Маркс же исследовал прежде всего «форму стоимости», т. е. ту общественную форму производства (товарную), которая только и создает стоимость, как вещное выражение трудовых отношений людей²⁾.

«Форма стоимости» играет в Марксовой теории стоимости существенную роль, а между тем она не обращала на себя достаточного внимания исследователей (кроме Гильфердинга)³⁾. Сам Маркс упоминает о ней во многих местах мимоходом. Третий раздел первой главы 1-го тома Капитала носит заглавие «Форма стоимости или меновая стоимость». Но Маркс не останавливается в ней на выяснении формы стоимости, а быстро переходит к ее различным модификациям, к отдельным «формам стоимости»: простой, развернутой, всеобщей и денежной. Эти различные «формы стоимости», фигурирующие в каждом популярном изложении Марксовой теории, заслонили собою «форму стоимости», как таковую. О последней Маркс более подробно высказывается в примечании к цитированному выше месту: «Один из основных недостатков классической политической экономии состоит

¹⁾ Подробную критику взглядов Бейли Маркс дает в посвященном ему разделе Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 146—201.

²⁾ Мы оставляем в стороне спорный вопрос о том, правильно ли Маркс интерпретировал классиков. Мы полагаем, что по отношению к Рикардо Маркс был в праве сказать, что он исследовал величину и отчасти содержание стоимости, игнорируя форму стоимости (см. Theorien über den Mehrwert, B. II, T. I, S. 12 и B. III, S. 163, 164). Подробнее об этом см. в нашей статье «Основные черты теории стоимости Маркса и отличие ее от теории Рикардо», приложенной к книге Розенберга о теории стоимости Рикардо и Маркса, изд. «Московский Рабочий».

³⁾ Большое значение «формы стоимости» для понимания Марксовой теории отметил в своих старых, крайне интересных статьях С. Булгаков. (Статья: «Что такое трудовая ценность» в Сборнике правоведения и общественных знаний, 1896 г., т. VI, с. 234 и «О некоторых основных понятиях политической экономии» в Научном Обзоре, 1898 г., № 2, с. 337).

в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает ей¹⁾ характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Рикардо, она рассматривает форму стоимости, как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется, как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства, как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования — денежной формы, формы капитала и т. д.» (К. I, стр. 48—49. Курсив наш).

Итак, «форма стоимости» есть наиболее всеобщая форма товарного хозяйства; она характеризует ту общественную форму, которую процесс производства принимает на определенной ступени исторического развития. А так как политическая экономия изучает как раз исторически-преходящую общественную форму производства, товарно-капиталистическую, то «форма стоимости» представляет один из краеугольных камней Марксовой теории стоимости. Как видно из последней цитированной фразы, «форма стоимости» совпадает с «товарною формою», т. е. с основной особенностью современного хозяйства, заключающейся в том, что продукты труда производятся автономными частными производителями, трудовая связь которых осуществляется только на рынке в обмене товаров. При такой «товарной» форме хозяйства общественно-необходимый для производства данного продукта труд находит свое выражение не непосредственно в трудовых единицах, а косвенно, в «форме стоимости», в виде других продуктов, которые дают в обмен на данный; продукт труда превращается в товар, обладающий и потребительною стоимостью и общественною «формою стоимости». О совпадении формы стоимости

¹⁾ У Маркса сказано: «придает ей (ihm, что может относиться только к Werth, а никак не к Waage) характер меновой стоимости» (Kapital, I, 1921, S. 47). Переводчики (как В. Базаров и И. Степанов, так и П. Струве) допустили здесь вольность и поставили вместо «ей», т. е. «стоимости» слово «товару». Им казалось странным, как это форма стоимости придает ей характер меновой стоимости. При достаточном внимании к проводимому Марксом различию «формы» и «содержания» стоимости (о чем ниже), его мысль становится понятной: только «форма стоимости» создает из «стоимости» (которая понимается, как содержание стоимости) подлинную меновую стоимость. В новом издании «Капитала» 1923 г. эта неточность исправлена. Вообще в переводе сочинений такого мыслителя, как Маркс, неточности всегда неизбежны и отмечаются нами исключительно для выявления некоторых оттенков мысли Маркса, а отнюдь не для умаления достоинств превосходного перевода В. Базарова и И. Степанова.

с товарною формой Маркс говорит неоднократно. «Товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества» (предисловие к первому изданию «Капитала», рус. пер., XXXVI). «Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости» (К. I, с. 29).

Раз общественный труд принимает вещную «форму стоимости», стоимость одного товара находит свое выражение в определенном количестве других товаров, которые дают за него в обмен. «Форма стоимости должна выражать собою не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость или величину стоимости» (К. I, с. 20). *Меновая стоимость* включает в себя и момент *качественный*, «форму стоимости», и момент *количественный*, *меновую пропорцию*. «Стоимость товара А качественно выражается в способности товара В непосредственно обмениваться на товар А. Количественно она выражается в способности определенного количества товара В обмениваться на данное количество товара А» (стр. 27). Меновая стоимость товара должна представлять «его качественное равенство и количественную пропорциональность со всеми другими товарами» (стр. 29). Количественная сторона стоимости составляет ее существенное свойство, состоящее в том, что трудовые затраты на данный продукт выражаются в определенном количестве других товаров, даваемых за него в обмен. Но эта количественная пропорция может быть изучена только на основе качественной стороны меновой стоимости, вещной «формы стоимости», которую принимает общественный труд.

«Форма стоимости» характеризует общественную форму процесса производства в товарном хозяйстве. «Содержание» же этого процесса составляет трудовая деятельность людей, направленная на добывание необходимых благ. Это «содержание» есть процесс производства потребительных благ, как таковой, вне той исторически-общественной формы, которую он принимает. Только «форма стоимости» придает этому «содержанию», этому трудовому процессу, социальную определенность, превращает его в определенный способ производства, в товарное хозяйство. Последнее представляет единство содержания и формы, т. е. технико-трудового процесса и производственных отношений людей, в которых он протекает¹⁾. Без этой формы нет самого объекта политической экономии, а именно определенной общественной формы производства. С другой стороны, эти общественные формы, т. е. производственные отношения людей, без «содержания», без заполняющего их процесса производства, как совокупности технических процессов, становятся пустыми и бессодержательными. Политическая экономия изучает определенную си-

¹⁾ „Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, процесс производства есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства“ (К. I, с. 29).

стему общественных производственных отношений, связанную с технико-трудовым процессом производства, т. е. общественную «форму», заполненную технико-трудовым «содержанием». Маркс в целях анализа отделил «содержание» стоимости, труд, от общественной «формы» стоимости. Но прежде чем приступить к анализу труда (или «стоимости» как таковой, под которой понимается содержание стоимости), он берет его в определенной общественной «форме стоимости», в виде меновой стоимости. Последняя всегда предполагается, ибо без нее исчезает общественная определенность производства. Она «необходимая форма проявления стоимости», и лишь в целях анализа Маркс подвергает исследованию отдельно «стоимость», точнее, ее «содержание», труд, а потом опять переходит к «форме стоимости или меновой стоимости».

Итак, «стоимость» и «меновая стоимость» у Маркса не два разных объекта; это разные стороны стоимости, ее содержание и форма. Мы сейчас оставляем в стороне меновую стоимость, как количественную пропорцию, а берем ее только с качественной стороны, как «форму стоимости». Ошибочно мнение, что стоимость по Марксу есть какая-то скрытая сущность, а меновая стоимость — внешняя форма ее проявления. «Стоимость» у Маркса означает «содержание» стоимости, зависимость ее от процесса *материального производства* и развития *производительности труда*. «Форма стоимости» (или «меновая стоимость» с качественной стороны) характеризует *социальную форму* этого процесса производства, вещное выражение трудовых отношений автономных товаропроизводителей в стоимости их товаров. Форма стоимости противопоставляется не сущности стоимости, а ее содержанию. Меновая стоимость есть «форма, в которой проявляется пропорциональное распределение труда» в товарном хозяйстве (Письма Маркса к Кугельману, рус. пер. 1907 г. стр. 43—44. См. выше, главу «Стоимость, как регулятор производства»). А это пропорциональное распределение труда составляет содержание общественного процесса производства. Только в совокупности это содержание и форма составляют объект политической экономии и ее основную категорию, «стоимость» в полном смысле этого слова. Без «формы стоимости» не существует и «стоимость» в подлинном смысле слова, а остается только «стоимость» в условном смысле трудовой затраты, лишенной всякой общественной формы и свойственной всем историческим эпохам.

Несомненно, сам Маркс подал повод к недоразумениям, как своим резким отделением анализа труда, как содержания стоимости, от ее формы, так особенно тем, что он придает иногда содержанию стоимости название «стоимость» вообще¹⁾. Отсюда получилось

¹⁾ В первом издании Капитала Маркс впервые употребляет термин «стоимость», без прилагательного «меновая», в следующей фразе: „Независимо от меновых стоимостей, товары обладают стоимостью“ (К. I, с. 29).

у Маркса следующее кажущееся противоречие: с одной стороны, «стоимость» вообще существует — логически — как бы отдельно от «формы стоимости» и до нее, а с другой стороны, «форма стоимости» объявляется основным, так сказать, конститутивным признаком товарного хозяйства. Без «формы стоимости» сама «стоимость» превращается просто в трудовую затрату, в логическую категорию. А между тем Маркс постоянно напоминает, что стоимость — категория историческая, и трудовая затрата вне определенной общественной «товарной формы» или — что, как мы видели, то же — «формы стоимости» никакой стоимости не создает. Все эти противоречия исчезают, если мы признаем, что по Марксу стоимость создается только единством ее содержания и формы, т. е. трудовых затрат и товарной формы хозяйства, что и при анализе труда он постоянно предполагает определенную общественную форму труда.

Сам Маркс, при всей неясности своей терминологии в данном вопросе, указывал, что «содержание» стоимости, труд, без ее «формы» не создает стоимости, как общественного явления. Различение между содержанием и формой он проводит в цитированной выше характеристике классической политической экономии, которая «исследовала стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающееся в этих формах содержание», но «ни разу не поставила даже вопроса: почему это содержание принимает такую форму», т. е. форму стоимости. В начале главы о товарном фетишизме Маркс отмечает, что происхождение фетишизма не может быть объяснено содержанием¹⁾ стоимости, а именно: физиологическим единством различных видов труда и продолжительностью или количеством труда. Эти моменты содержания стоимости: и тру-

делает примечание, на первый взгляд противоречащее ее тексту: «Употребляя в дальнейшем слово стоимость без ближайшего определения, мы имеем в виду всегда меновую стоимость» (курсив Маркса). Очевидно, термином стоимость Маркс обозначает здесь содержание стоимости, в отличие от ее формы, но при этом, как видно из примечания, форма стоимости предполагается заранее данною.

Что стоимость обозначает у Маркса содержание стоимости, видно также из следующего примера. В первом издании Капитала Маркс писал: «Так же мало порождается он (мистический характер товара) определениями стоимости (Werthbestimmungen), рассматриваемыми сами по себе» (Kapital I, 1867, S. 36). Во втором издании Маркс для ясности заменил Werthbestimmungen словами: Inhalt der Werthbestimmungen (содержание определений стоимости). Вставив в этом месте слово Inhalt, Маркс в другом месте того же текста, в описании хозяйства Робинзона, оставил прежний термин Werthbestimmungen («И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости». К. I, с. 44). Ясно, что стоимость обозначает здесь содержание стоимости в отличие от ее формы. (См. следующее примечание).

¹⁾ У Маркса сказано: «Столь же мало порождается он (мистический характер товара) содержанием определений стоимости» (Inhalt der Werthbestimmungen. Kapital I, 1921, S. 38). В. Базаров и И. Степанов переводят «содержанием определенной стоимости» (с. 39). Струве прибегает к описательному выражению: «содержания определяющих ценность моментов» (с. 28). В первом переводе совсем исчезло различие формы и содержания стоимости, во втором оно нашло выражение, но более слабое, чем у Маркса.

Игнорированием этого же различия объясняются многие другие неточности переводов. Так, Маркс пишет: «Меновая стоимость может вообще быть лишь спо-

довые затраты, и их продолжительность, — существовали, как подчеркивает Маркс, и при прежних способах производства. Содержание стоимости не характеризует исторических особенностей товарно-капиталистического хозяйства. «Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы» (К. I, с. 39). Фетишизм, эта характерная особенность современного общества, вытекает из «товарной формы», или, что одно и то же, из «формы стоимости». Только форма стоимости придает ее содержанию, трудовым затратам, «общественную определенность», создает стоимость, как основную категорию товарно-капиталистического хозяйства.

Для понимания социологического характера марксовой теории стоимости в высшей степени важно уяснить себе значение этой «формы стоимости». Именно учение Маркса о «форме стоимости» составляет своеобразную черту его теории стоимости. До Маркса внимание экономистов-классиков и их эпигонов было обращено либо на содержание стоимости, притом преимущественно на количественную сторону (количество труда), либо на относительную меновую стоимость, т. е. на количественные пропорции обмена. Исследованию подвергались два крайних звена теории стоимости: факт развития производительности труда и техники, как внутренняя причина изменений стоимости, и факт относительных изменений стоимости товаров на рынке. Но недоставало посредствующего звена: «формы стоимости», как общественной формы труда, характеризующейся овеществлением производственных отношений, превращением общественно-необходимого труда в свойство товара, в стоимость. Этим объясняются упреки Маркса его предшественникам, на первый взгляд, казалось бы, разноречивые. Бейли он упрекает за то, что он изучает пропорции обмена, т. е. меновую стоимость, игнорируя стоимость. Недостаток классиков он видит в том, что они изучали стоимость и величину стоимости, содержание, а не «форму стоимости». Это кажущееся противоречие исчезает, если различать в меновой стоимости качественную и количественную стороны. Предшественники Маркса, как указано, уделяли свое внимание содержанию стоимости с качественной и количественной стороны (труд и величина труда), а равно количественной стороне меновой стоимости. Они упустили из виду качественную сторону последней, «форму стоимости», эту характерную особенность товарного хозяйства. Исследование «формы стоимости»

сособом выражения, «формой проявления» какого-то содержания, отличного от нее самой» (Kapital, S. 3), т. е. от меновой стоимости, как формы. В. Базаров и И. Степанов переводят: «какого-то содержания, отличного от этих предметов» (изд. 1920, с. 3). Струве переводит: «формой проявления чего-то другого, отличного от нее по содержанию» (с. 2). В «Критике» Маркс пишет: «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, как-бы безразличное к этой форме» (S. 2). П. Румянцев пе-

и придает теории Маркса ее социологический характер и своеобразные черты. Эта «форма стоимости» соединяет крайние звенья: развитие производительности труда и явления рыночного торга. Без нее эти звенья распадаются, и каждое из них превращается в одностороннюю теорию. Мы получаем, с одной стороны, трудовые затраты с технической стороны, независимо от общественной формы этого материального процесса производства (трудовая стоимость, как логическая категория), а с другой — относительные изменения цен на рынке, теорию цен, ищущую объяснения их колебаний вне сферы трудового процесса и оторванную от основного факта народного хозяйства, от развития производительных сил.

Указывая, что без формы стоимости нет стоимости, как общественного явления, Маркс отлично понимал, что сама эта общественная форма труда без конкретного материального процесса производства становится пустою. Отметив пренебрежение классической школы к форме стоимости, Маркс предостерегает и против другой опасности, — переоценки общественной формы стоимости в ущерб ее технико-трудовому содержанию. «В противовес этому появилась реставрированная меркантильная система (Ganilh и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, скорее, лишь ее отблеск, лишенный всякой самостоятельной субстанции» (К. I, стр. 49, примеч.)¹⁾. В другом месте Маркс говорит о том же Ганиле: «Ганиль совершенно правильно замечает о Рикардо и о первых экономистах, что они рассматривают труд, оставляя без внимания обмен, хотя их система, как и вся вообще буржуазная система, основана на меновой стоимости». Ганиль прав, выдвигая значение обмена, т. е. определенной общественной формы трудовой деятельности людей, «формы стоимости». Но он преувеличивает значение обмена за счет производственно-трудового процесса: «Ганиль, как и меркантилисты, воображает, что величина стоимости сама является продуктом обмена, между тем как обмен дает продуктам только форму стоимости или форму товара». (Теории прибавочной стоимости, том I-й, русск. пер. под редакц. Г. Плеханова, 1906 г., с. 244). Величина стоимости определяется трудом, процессом производства, развитием производительных сил. Для понимания явлений стоимости недостаточно одной только общественной «формы стоимости». Она должна быть наполнена технико-производственным, трудовым содержанием.

Как мы видели, Маркс рассматривает меновую стоимость с двух сторон — качественной («форма стоимости») и количественной (меновые пропорции или относительная стоимость). То же различие качества и количества проводит он при исследовании содержания стои-

¹⁾ У Маркса в подлиннике сказано просто: *substanzlosen Schein* (S. 47). Переводчики, не обратив достаточного внимания на различие формы и содержания (субстанции), сочли нужным вставить слово «самостоятельной», которого нет у Маркса. Струве переводит *substanzlosen* словами «лишенный содержания», что очень хорошо передает мысль Маркса, который в «субстанции» стоимости видел ее содержание, в отличие от формы (или сchein).

мости, т. е. труда, необходимого для производства продукта. Маркс отличает субстанцию стоимости от величины стоимости, труд от количества труда. В 1-м разделе первой главы «Капитала» Маркс рассматривает «содержание», «субстанцию» стоимости, технико-производственный, трудовой процесс, отдельно от его общественной формы (товарной формы или формы стоимости). Противопоставление «субстанции» стоимости (т. е. труда) ее «форме» означает противопоставление технико-производственного процесса его общественной форме¹⁾, вернее, логическое отвлечение их друг от друга. Изменения в технико-производственном процессе, в производительной силе труда, находят свое выражение в изменении меновой стоимости товаров. Общественное явление, развитие и распределение общественного труда, принимает вещную форму стоимости. В этом смысле стоимость есть «овеществленный», «материализованный», «застывший» труд. Эти выражения означают только, что в товарном обществе трудовые процессы находят фетишизированное, овеществленное выражение в форме стоимости продуктов труда. Живой, полный динамики трудовой процесс «кристаллизуется» в вещной форме, в общественном свойстве продукта выступать в форме товара или в «форме стоимости». Последняя представляет специфическую общественную форму (товарную) технико-производственного трудового процесса. Движение последнего, изменение производительных сил и общественно-необходимого для производства продукта труда составляет «содержание» стоимости, ее «субстанцию», не в смысле скрытой сущности, а в смысле содержания, логически отвлекаемого от формы, но нераздельно с нею слитного. Только в таком смысле и следует понимать выражение Маркса, что труд составляет «субстанцию» стоимости. Утверждение Маркса, что в «форме стоимости» проявляется труд, как ее «субстанция», означает, что процесс материального производства протекает в определенной общественной, а именно товарной форме, что процесс распределения труда регулируется косвенным образом, через изменения стоимости товаров. Труд, как субстанция стоимости, рассматривается Марксом, не как определенное количество труда, взятое само по себе, как нечто *самостоятельное и абсолютное*, накопленное и материально овещест-

¹⁾ В таком именно смысле противопоставление субстанции форме встречается у Маркса неоднократно. «Труд, как таковой, в его простом определении целесообразной производительной деятельности, ставится в отношение к средствам производства, взятым не в их определенной общественной форме, а в их материальной субстанции, к средствам производства, как материалу и средству труда» (К. III, с. 354. Курсив наш). В подлиннике у Маркса противопоставляются *gesellschaftliche Formbestimmtheit* и *stoffliche Substanz* (Kapital, III, 1894, S. 360). В других местах Маркс противопоставляет в том же смысле «вещественное содержание», *stofflicher Inhalt*, «общественной форме», *gesellschaftliche Form* (Kapital, I, S. 2, Cp. Kritik, S. 2), или «вещественные отношения производства», *stoffliche Produktionsverhältnisse*, их историческо-социальной определенности, *geschichtlich-soziale Bestimmtheit* (Kapital, III, 1894, S. 366). Уже эта терминология показывает, что часто «субстанция» означает у Маркса материальное содержание.

вленное в продукте. Этот труд рассматривается с точки зрения процесса *распределения общественного труда* между различными отраслями производства, он берется, как часть *совокупного* общественного труда, в его отношении к последнему, как к целому. Этим объясняется и то, что Маркс неохотно употребляет термин «абсолютная стоимость», и то, что он постоянно подчеркивает относительный характер этой абсолютной стоимости, т.-е. отношение труда, потраченного на производство данного продукта, к совокупному общественному труду в процессе распределения последнего. С точки зрения *распределения* общественного труда различные количества *труда* выступают, как различные количества *рабочего времени*. Маркс поэтому нередко заменяет труд рабочим временем, которое также рассматривается, как субстанция, овеществляющаяся в продукте (Kritik, S. 5, 8). Это доказывает, что Маркса интересовало в конечном счете не абсолютное количество труда, затраченное на производство продукта, а «истинная относительность» разных количеств общественного труда (распределенного между разными сферами), скрытая за «кажущейся относительностью» меновых стоимостей (К. I, с. 51).

В целом ряде мест Маркс решительно отмежевывается от взглядов, приписывающих стоимости и труду «абсолютный» характер. Отметив у Рикардо зачатки учения об абсолютной стоимости, Маркс цитирует возражения, которые Бейли делает школе Рикардо: «Вместо того, — говорит Бейли, — чтобы рассматривать стоимость, как отношение между двумя вещами, они (Рикардо и его последователи) усматривают в ней, повидимому, положительный результат, произведенный определенным количеством труда. Они видят в стоимости нечто действительно и абсолютное». К этим словам Бейли Маркс добавляет: «Последний упрек основан на недостатках изложения Рикардо, так как он совершенно не исследует стоимости со стороны ее формы — определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости, но исследует только величину стоимости, количества этого абстрактно-всеобщего и в этой форме общественного труда, которые создают различия в величине стоимости товаров. В противном случае Бейли увидел бы, что относительность понятия стоимости никоим образом не уничтожается тем, что все товары, поскольку они суть меновые стоимости, представляют только «относительные» выражения общественного рабочего времени, и что их относительность состоит не только в том отношении, в котором они взаимно обмениваются, но и в отношении их всех к этому общественному труду, как к их субстанции» (Theorien über den Mehrwert, B. II, T. 1, S. 12, Ср. К. I, с. 51). «Неправильно сказать, что стоимость товара превращается из чего-то относительного в нечто абсолютное. Наоборот. Как потребительная стоимость, товар есть нечто самостоятельное. Напротив, как стоимость он — только нечто относительное (Gesetztes), определяемое своим отношением к общественно необходимому, равному, простому рабочему времени. Это настолько относительно, что с изменением

необходимого для его воспроизводства рабочего времени стоимость его изменяется, хотя действительно заключенное в нем рабочее время осталось неизменным» (там же, B. III, S. 151 — 152). Фетишист «превращает стоимость в нечто абсолютное, в «свойство вещи», вместо того, чтобы видеть в ней лишь нечто относительное, отношение вещей к общественному труду» (там же, S. 153). Отсюда видно, что нельзя понимать Марксово учение о «субстанции» стоимости в том смысле, что труд, как нечто абсолютное, материально овеществлен и заключен в его продуктах. Вопреки распространенному мнению, не учение о «субстанции», а учение о «форме стоимости» есть то новое, что внес Маркс в теорию стоимости по сравнению с классиками. Если, как мы видели при разборе товарного фетишизма, своеобразие Маркса заключается в понимании вещных экономических категорий, как социальной формы вещей, то и в стоимости Маркс открыл *социальную форму продуктов труда*, являющуюся результатом особой *социальной формы организации труда*.

Итак, соотношение стоимости и меновой стоимости в системе Маркса сложнее, чем то обыкновенно излагается его комментаторами. Оно сводится прежде всего к различению техническо-трудового содержания и общественной формы стоимости. В содержании стоимости Маркс рассматривает качественную сторону (труд, как *субстанция* стоимости) и количественную (*количество* труда). В форме стоимости Маркс также отмечает и качественную характеристику (меновая стоимость как «*форма стоимости*») и количественное выражение (*меновые пропорции* или относительная меновая стоимость). Можно быть разного мнения о том, правильно ли поступал Маркс, проводя резкое различие между содержанием и формой стоимости, «субстанцией» стоимости и меновой стоимостью. Можно указать, что этим он подал повод к различным недоразумениям, усугубленным тем, что к содержанию стоимости он применял термин «стоимость», относящийся ко всему целому, т.-е. к единству содержания и формы, техническо-производственного процесса и его общественной товарной или «стоимостной» формы. Но, если оставить в стороне вопрос о целесообразности того или иного способа изложения и выдержанности терминологии, то основной ход идей Маркса представится в следующем виде. Со стороны *качественной*, соотношение между трудом, как «субстанцией» стоимости, и «формой стоимости» означает соотношение между *процессом распределения труда* и его специфической *социальной*, а именно — *товарной формой*. Здесь теория стоимости Маркса непосредственно примыкает к его теории товарного фетишизма. Со стороны *количественной*, соотношение между количеством труда и меновыми пропорциями сводится к причинному соотношению между развитием *производительности труда* и закономерной *динамической рыночных цен*. Нигде, как подробнее будет развито в 14-й главе, не найдем мы никаких следов «метафизических», «субстанциональных», «материалистических» теорий о том, что труд как таковой «создает» стоимость, застывает в ней и тем превращает стоимость в нечто материальное, вещественное и т. п.

Качественная сторона явлений стоимости, развитая Марксом в учении о «форме стоимости» и основанная на его теории товарного фетишизма, оставалась в пренебрежении не только до Маркса, но и после него.

Комментаторы и критики Маркса, хотя подчас достаточно последовательно проводили различие между стоимостью и меновой стоимостью или между абсолютной и относительной стоимостью, все же не исчерпывали учения Маркса, игнорируя качественную сторону явлений стоимости, «форму стоимости». И стоимость (абсолютная) и меновая стоимость рассматриваются ими только с количественной стороны. Так, один из новейших критиков Марксовой экономической теории, Кюне, определяет абсолютную стоимость, как «количество труда, потраченного на производство данного товара», а меновую стоимость — как «индекс менового отношения» ¹⁾. Для С. Франка меновая стоимость также вполне совпадает с относительной. Даже в учении Маркса о формах стоимости он видит только «изложение различных меновых отношений, в которых проявляется или может проявляться абсолютная ценность товара» ²⁾. Противопоставление стоимости (абсолютной) и меновой стоимости (относительной) не раскрывает нам всего богатого содержания Марксовой теории. Это противопоставление займет надлежащее место только на фоне более широкого противопоставления между содержанием и формой стоимости. Отличительную особенность Марксовой теории стоимости составляет его учение о «форме стоимости», как *социальной форме продукта труда*, являющейся выражением *социальной формы организации труда*. От формы стоимости мы должны теперь перейти к социальной форме труда, выражающейся в стоимости его продукта.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД.

Мы пришли к выводу, что в товарном хозяйстве уравнивание труда происходит через посредство уравнивания продуктов труда, как стоимостей на рынке. Самостоятельного общественного акта уравнивания труда в товарном обществе не существует. Поэтому ошибочно представлять себе дело таким образом, будто кто-то заранее уравнивает разные виды труда, сравнивая их при помощи определенной единицы меры, после чего продукты труда обмениваются пропорционально уже измеренным и сравненным количествам труда, содержащегося в них. Исходя из такого взгляда, игнорирующего анархический, стихийный характер товарно-капиталистического хозяйства, экономисты нередко усматривали задачу экономической теории в том, чтобы найти

¹⁾ Kühne, Untersuchungen über die Wert und Preisrechnung des Marx'schen Systems. 1922, S. 23, 22.

²⁾ С. Франк, Теория ценности Маркса и ее значение. 1900, стр. 184.

такое *мерило* стоимости, которое сделало бы *практически возможным* сравнение и соизмерение качественно различных продуктов в акте рыночного обмена. Им казалось, что теория трудовой стоимости выдвигает труд именно в качестве такого практического мерила стоимости. Поэтому их критика была направлена на доказательство того, что труд не может быть признан пригодным мерилом стоимости, в виду отсутствия точно установленной единицы труда, при помощи которой можно было бы измерять различные виды труда, отличающиеся друг от друга по своему качеству, интенсивности, сложности, вредности для здоровья и т. п.

Указанные экономисты не могли освободиться от ошибочного представления, давно свившего себе гнездо в политической экономии и приписывавшего теории стоимости совершенно несвойственную ей задачу нахождения практического мерила стоимости. В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам не зачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы *возможным* сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение *реально* происходит повседневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило стоимости, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами, не нуждается. Задача теории стоимости совсем иная, а именно *теоретически* понять и объяснить реально происходящий на рынке процесс уравнивания товаров в тесной связи его с процессом уравнивания и распределения общественного труда, т. е. открыть *причинную* связь между обоими этими процессами и законы их изменений. *Причинное* изучение *реально* происходящих процессов уравнивания *разных* товаров и *разных* видов *труда*, а не нахождение практического мерила в целях их сравнения, — такова задача теории стоимости.

Господствовавшее у Смита смешение мерила стоимости и законов изменения стоимости, сказавшееся в его постоянных колебаниях между субъективным и объективным понятиями стоимости, принесло огромный вред политической экономии и дает себя чувствовать еще в настоящее время.

Великая заслуга Рикардо заключается в том, что он отстранил проблему нахождения практического мерила стоимости и поставил теорию стоимости на строго-научную почву *причинного* изучения изменений рыночных цен в зависимости от изменений в производительности труда. Продолжателем его в этом отношении является Маркс, резко критиковавший взгляды на труд, как на «неизменяющееся мерило стоимости». «Проблема неизменяющегося мерила стоимости представляла собою в действительности только неправильное выражение поисков понятия и природы самой стоимости» (Theorien, III, S. 159). «Заслуга Бейли в том, что он своими возражениями вскрыл смешение «мерила стоимости», как оно представлено в деньгах, — товаре, существующем на ряду с другими товарами, — с имманентным мерилом и субстанцией стоимости» (там же, S. 163). Теория стоимости ищет не «внешнее мерило» стоимости, а ее «причину», «гене-

зис и имманентную природу стоимости» (там же, S. 186, 195). Причинное изучение изменений стоимости товаров, происходящих в зависимости от изменений в производительности труда,—изучение этих реальных явлений с *качественной* и *количественной* стороны и есть то, что Маркс называет учением о «*сущности*» и «*имманентном мериле*» стоимости. «Имманентное мерило» означает здесь не количество, принимаемое за единицу измерения, а «количество, с которым связано какое-нибудь существование или какое-нибудь качество»¹⁾. Утверждение Маркса, что труд есть имманентное мерило стоимости, следует понимать только в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обусловливают количественные изменения стоимости последнего. Конечно, этот термин «имманентное мерило», перенесенный Марксом, как и множество других терминов, из философии в политическую экономию, не может быть признан удачным, так как при поверхностном чтении он заставляет читателя думать скорее о мериле сравнения, чем о причинном изучении количественных изменений явления. Эта неудачная терминология, в связи с неправильным истолкованием рассуждений Маркса, изложенных на первых страницах «Капитала», давала повод иногда даже марксистам вносить в теорию стоимости чуждую ей проблему нахождения практического мерил стоимости.

Таким образом, в товарном хозяйстве уравнивание труда не устанавливается кем-то заранее при помощи определенной единицы измерения, а происходит через посредство уравнивания товаров в обмене. В акте рыночного обмена подвергаются существенному изменению как товар, так и труд товаропроизводителя. Разумеется, здесь не может быть речи о натуральном, естественном изменении. Продажа сюртука не может произвести никаких перемен ни в натуральном виде самого сюртука, ни в труде портного, как совокупности уже закончившихся конкретных трудовых процессов. Но продажа товара изменяет его форму стоимости, его социальную функцию или форму и косвенным путем воздействует на трудовую деятельность товаропроизводителя, ставит его труд в определенное отношение к труду других товаропроизводителей той же и других профессий, т. е. изменяет социальную функцию труда. Изменения, которым товар или продукт труда подвергается в акте рыночного обмена, могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) продукт приобретает способность непосредственно обмениваться на любой другой продукт общественного труда, т. е. становится продуктом единого *общественного* производства; 2) этот общественный характер приобретает продукт в такой форме, что он приравнивается определенному продукту (золоту), обладающему способностью непосредственной обмениваемости на *все другие* продукты. Уравнивание всех продуктов друг с другом, происходящее через приравнивание их золоту (деньгам),

включает в себя также: 3) уравнивание продуктов разных видов труда, отличающихся различной *квалификацией*, т. е. продолжительностью подготовки, и 4) уравнивание продуктов данного рода и качества, произведенных при различных технических условиях, т. е. с затратой различных *индивидуальных* количеств труда.

Соответственно перечисленным изменениям, которым товар подвергается в акте рыночного обмена, последний производит аналогичные изменения и в труде товаропроизводителей: 1) труд отдельного *частного* товаропроизводителя включается в единую систему *общественного* производства; 2) данный *конкретный* вид труда уравнивается со *всеми* другими конкретными видами труда. Это всестороннее уравнивание труда включает в себя также: 3) уравнивание разных видов труда, отличающихся различной *квалификацией*, и 4) уравнивание различных *индивидуальных* трудовых затрат, израсходованных на производство экземпляра продукта данного рода и качества. Таким образом, благодаря акту рыночного обмена *частный* труд превращается в *общественный*, *конкретный* труд в *абстрактный*, *сложный* труд сводится к *простому*, а *индивидуальный* труд — к *общественно-необходимому*. Иначе говоря, труд товаропроизводителя, который в непосредственном процессе производства является трудом частным, конкретным, сложным (т. е. отличающимся определенной степенью сложности, которая в некоторых случаях может быть признана равною нулю) и индивидуальным, благодаря акту рыночного обмена приобретает социальные свойства, характеризующие его, как труд общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый. Здесь перед нами не четыре отдельных процесса превращения труда, как представляют себе некоторые исследователи, а разные стороны единого процесса уравнивания труда, происходящего через посредство уравнивания продуктов труда, как стоимостей. Единый акт рыночного уравнивания товаров устраняет и погашает особенности труда, как частного, конкретного, сложного и индивидуального. Все эти моменты так тесно связаны между собою, что в «Критике политической экономии» Маркс еще не проводит между ними достаточно ясного различия и стирает границы между трудом абстрактным, простым и общественно-необходимым (стр. 36—38). В «Капитале», напротив, эти определения развиты Марксом с такой ясностью и строгостью, что от внимания читателя может ускользнуть тесная связь между ними, как выражающими различные стороны уравнивания труда в процессе его распределения. Этот процесс предполагает: 1) взаимосвязанность всех трудовых процессов (общественный труд); 2) уравнивание отдельных сфер производства или видов труда (абстрактный труд); 3) уравнивание видов труда различной квалификации (простой труд) и 4) уравнивание труда, применяемого в отдельных предприятиях данной сферы производства (общественно-необходимый труд).

Из перечисленных нами четырех определений труда, создающего стоимость, первые два могут быть признаны основными, так как без них невозможно самое понятие товарного хозяйства. Вообразим себе товарное хозяйство, в котором все виды труда отличаются

¹⁾ О. Бауэр. История «Капитала». Сборник «Основные проблемы полит. экон.», 1922 г., стр. 47. Это — известное определение меры, принадлежащее Гегелю. Ср. Куно Фишер. История новой философии т. 8-ой гл. 1-я 1902 г.

одинаковой степени квалификации; в таком случае исчезнет противоположность между трудом сложным и простым и сведение первого к последнему. Вообразим себе товарное хозяйство, в котором отдельные предприятия каждой сферы производства работают в одинаковых технических условиях, т. е. с одинаковыми материальными и личными факторами производства; в таком случае исчезнет противоположность между трудом индивидуальным и общественно-необходимым и превращение первого в последний. Таким образом, понятие простого труда вытекает из различия квалификаций разных видов труда, а понятие общественно-необходимого труда — из различия технических условий в отдельных предприятиях данной сферы производства. Но мы не можем даже представить себе такое товарное хозяйство, в котором не было бы превращения труда частного в общественный и конкретного — в абстрактный. Эти определения труда вытекают необходимо из самой природы товарного хозяйства, как совокупности отдельных хозяйств; по своей форме частно-владельческих и независимых друг от друга, а по содержанию трудовой деятельности взаимно дополняющих и довершающих друг друга. Этим объясняется, почему в теории товарного хозяйства, данной Марксом, анализ труда, как общественного и абстрактного, занимает такое центральное место.

Как мы уже неоднократно указывали, товарное хозяйство характеризуется формальной независимостью отдельных товаропроизводителей, с одной стороны, и материальной связанностью их трудовых деятельностей, с другой. Каким же образом частный труд отдельного товаропроизводителя включается в общественный трудовой механизм и подчиняется его ходу? Каким образом *частный* труд становится трудом *общественным*, и совокупность отдельных, раздробленных частных хозяйств превращается в относительно единое народное хозяйство, с закономерно повторяющимися массовыми явлениями, изучаемыми политической экономией? Это — основной вопрос политической экономии, вопрос о самой возможности и условиях существования товарно-капиталистического хозяйства.

В обществах с организованным хозяйством труд отдельного лица с самого начала организуется и направляется общественным органом, выступает, как часть совокупного общественного труда, как труд общественный. В товарном хозяйстве труд автономного товаропроизводителя, основанный на праве частной собственности, первоначально выступает как частный труд. «Мы не исходим из труда индивидуумов, как общественного труда, но, наоборот, отправляемся от особенного, индивидуального труда, который только в меновом процессе, через уничтожение его первоначального характера, обнаруживается, как всеобщий общественный труд. Следовательно, всеобщий, общественный труд не есть заранее данное условие, но результат, который только получается» (Критика полит. эк., стр. 49). Труд товаропроизводителей приобретает общественный характер не с самого начала, в самом процессе производства, но лишь «post factum», после его завершения, в акте рыночного обмена. «Специфически обще-

ственный характер из частных работ проявляется только в рамках этого обмена» (К. I, с. 40).

Каким же образом может обмен сообщить труду общественный характер? Если шюртук является продуктом частного труда портного, то, казалось бы, продажа шюртука или обмен его на золото приравнивает частный труд портного другому виду частного труда, а именно труду золотопромышленника. Каким же образом уравнение одного *частного* труда с другим *частным* трудом может сообщить первому *общественный* характер? Это возможно только в том случае, если частный труд золотопромышленника в свою очередь уже уравнен со всеми другими конкретными видами труда, т. е. если продукт его, золото, может непосредственно обмениваться на любой другой продукт и, следовательно, играет роль всеобщего эквивалента или денег. Труд портного, будучи уравнен с трудом золотопромышленника, тем самым уравнивается и связывается со *всеми* конкретными видами труда. *Уравниваясь* с ними, как равнозначный им вид труда, труд портного из конкретного становится всеобщим или *абстрактным*; *связываясь* с ними в единую систему разделенного и распределенного труда, он из труда частного становится *общественным*. Всестороннее уравнивание (через деньги) всех конкретных видов труда и превращение их в абстрактный труд одновременно создает между ними общественную связь, превращая частный труд в общественный. «В меновой ценности рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно, как *всеобщее рабочее время*, и этот *всеобщий характер* отдельного труда — как его *общественный характер*» (Критика полит. эк., с. 39. Курсив Маркса) ¹⁾. Только как «*всеобщая величина*», труд становится «*общественною величиною*» (там же). «Труд *всеобщий* и в этой форме *общественный*», часто повторяет Маркс. В первой главе «Капитала» Маркс перечисляет три особенности эквивалентной формы стоимости: 1) потребительная стоимость становится формой проявления меновой стоимости; 2) конкретный труд становится формой проявления абстрактного труда, и 3) частный труд принимает форму непосредственно общественного труда (К. I, с. 23—27). Маркс начинает свой анализ с явлений, происходящих на поверхности рынка, в вещной форме: с противоположности потребительной стоимости и меновой. Объяснения ее он ищет в противоположности труда конкретного и абстрактного и, продолжая дальше свой анализ общественной формы организации труда, упирается в основной вопрос своей экономической теории, в противоположность частного и общественного труда. В товарном хозяйстве превращение *частного* труда в *общественный* совпадает с превращением *конкретного* труда в *абстрактный*. Общественная связь между трудовой деятельностью частных товаропроизводителей создается только через уравнивание всех конкретных видов труда, происходящее в форме уравнивания на рынке всех продуктов труда, как стоимостей. Обратно, уравнивание разных

¹⁾ «Всеобщим» Маркс в «Критике политической экономии» называет труд абстрактный.

видов труда и отвлечение (абстрагирование) от их конкретных особенностей представляют собою ту единственную общественную связь, которая превращает совокупность частных хозяйств в единое народное хозяйство. Этим объясняется то исключительное внимание, которое Маркс в своей теории уделял понятию абстрактного труда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД.

Учение об абстрактном труде представляет один из центральных пунктов Марксовой теории стоимости. По Марксу, абстрактный труд «создает» стоимость. Различию между трудом конкретным и абстрактным Маркс придавал решающее значение. «Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною. Так как этот пункт является центральным, так как от него зависит правильное понимание основных вопросов политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно» (К. I, стр. 8). После выхода в свет первого тома «Капитала», Маркс писал Энгельсу: «Самое лучшее в моей книге—это: 1) (на этом основано всякое понимание явлений) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, в зависимости от того, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости; 2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особенных форм, прибыли, процента, земельной ренты и т. п.»¹⁾

При таком решающем значении, которое Маркс придает своему учению об абстрактном труде, приходится удивляться, что ему уделялось так мало внимания в марксистской литературе. Одни авторы совершенно обходят молчанием этот вопрос. Так, А. Богданов превращает абстрактный труд в «абстрактно-простой труд» и, оставляя в стороне проблему конкретного и абстрактного труда, ограничивается вопросом о труде простом и квалифицированном²⁾. Многие критики марксизма также предпочитают подставлять вместо абстрактного труда труд простой; так делает, например, К. Диль³⁾. В популярных изложениях марксовой теории стоимости авторы пересказывают своими словами определения, данные Марксом в разделе второго первой главы «Капитала» о «двойном характере заключающегося в товарах труда». Каутский пишет: «С одной стороны, труд есть производительная трата человеческой рабочей силы вообще, с другой — определенная человеческая деятельность для достижения известной цели. Первая сторона труда есть нечто общее для всякой производительной деятельности человека; вторая различна для раз-

¹⁾ Briefwechsel von Marx und Engels, B. III, письмо от 24 августа 1867 года. См. «Письма Маркса и Энгельса». Русск. изд. 1923 г., стр. 168.

²⁾ Курс политическ. экономии, т. II, в. 4, стр. 18.

³⁾ Sozial-wissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo, B. I, 1921, S. 102—104.

личных деятельностей»¹⁾. Это общепринятое определение сводится к следующему, очень простому положению: конкретный труд есть затрата человеческой энергии в определенной форме (портняжество, ткачество и т. п.), абстрактный труд — это затрата человеческой энергии как таковой, независимо от ее данной формы. При таком определении, понятие абстрактного труда есть понятие *физиологическое*, лишенное всяких элементов социальных и исторических. Оно присуще всем историческим эпохам, независимо от той или иной общественной формы производства.

Действительно, в указанном выше месте «Капитала», Маркс дает повод к пониманию абстрактного труда именно в этом физиологическом смысле. «Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он является затратой человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом» (К. I, с. 10). И, подводя итоги, Маркс еще резче подчеркивает ту же мысль: «Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и, в качестве такого одинакового или абстрактно-человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные «стоимости» (К. I, с. 13). И сторонники и противники Маркса, ссылаясь на цитированные слова, понимают абстрактный труд в физиологическом смысле. Первые повторяют это определение, критически не анализируя его. Вторые выставляют против него целый ряд возражений и иногда делают из него исходный пункт опровержения теории трудовой стоимости. И те и другие не замечают, что изложенное понимание абстрактного труда, на первый взгляд опирающееся на буквальный смысл слов Маркса, находится в вопиющем противоречии как с теорией стоимости Маркса в целом, так и с рядом отдельных мест «Капитала».

Маркс не устал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werthgegenständlichkeit) имеет «чисто общественный характер» и не заключает в себе ни одного атома материи (К. I, с. 14). Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, создающий стоимость, должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то стоимость имеет вещественно-материальный характер. Или же стоимость есть явление общественное, — и тогда абстрактный труд тоже должен быть понимаем, как явление социальное, связанное с определенной общественной формой

¹⁾ Эконом. учение Маркса, русск. пер., ПБ. 1918 г., с. 12.

производства. Также невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером создаваемой им стоимости. Физиологическая затрата энергии одинакова во все исторические эпохи и, казалось бы, во все эпохи создавала она стоимость. Мы приходим к грубейшему пониманию теории стоимости, превращая ее в трудовую теорию богатства, от которой Маркс старательно отмежевывался.

Выход из указанных противоречий может быть только один: так как понятие стоимости носит у Маркса характер социальный и исторический, — и в этом именно все его своеобразие и заслуга, — то на той же основе должны мы строить и понятие абстрактного труда, как «созидателя» стоимости. Если мы не остановимся на предварительных определениях, даваемых Марксом на первых страницах его труда, а дадим себе труд проследить дальнейшее развитие его мыслей, мы найдем у самого Маркса достаточно элементов для социологической теории абстрактного труда.

Начнем с определения, которое Маркс дает труду конкретному: «Труд, как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, является независимым от всяких общественных форм условием существования людей, вечной естественной необходимостью: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т.-е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (К. I, с. 9. Курсив наш). Очевидно, этому конкретному труду противопоставляется абстрактный, как связанный с определенной «общественною формою», выражающий определенные отношения человека к человеку в процессе производства. Конкретный труд есть определение труда с точки зрения его *естественно-технических свойств*. Абстрактный труд дает определение *общественной формы* организации человеческого труда. Это не видовое и родовое понятие труда, а исследование труда с двух точек зрения: естественно-технической и социальной. Понятие абстрактного труда выражает особенности социальной организации труда в товарно-капиталистическом обществе ¹⁾.

Для правильного понимания противоположности конкретного и абстрактного труда, надо исходить из рассмотренного нами выше противопоставления, которое Маркс проводит между трудом частным и общественным. Частным является труд отдельного члена общества, поскольку он не связан с трудовой деятельностью других членов общества. Взаимосвязанность и взаимозависимость трудовых деятельностей отдельных членов общества превращают их частный труд в общественный. Особенность товарно-капиталистического общества состоит в том, что эта взаимосвязанность проявляется только в акте

¹⁾ „Итак, установленное уже раньше посредством анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между различными сторонами процесса производства“ (К. I, с. 168), т. е. между процессом производства с технической стороны и его общественной формой. Ср. Petry, Der soziale Gehalt der Marx'schen Werttheorie. 1916, S. 22.

рыночного обмена, этом пункте встречи отдельных независимых товаропроизводителей. Каждый из последних действует в своем предприятии автономно и самостоятельно. Только в тот момент, когда продукт его труда выносится на рынок и противопоставляется бесконечному ряду других фигурирующих на рынке продуктов, приравниваясь в определенной пропорции каждому из них, — товаропроизводитель испытывает на себе воздействие всего рынка, т.-е. трудовой деятельности остальных членов общества, и в свою очередь оказывает через продукт своего труда обратное воздействие на них. Труд отдельного товаропроизводителя включается в общий трудовой механизм общества благодаря тому, что продукт его, представляющий определенную потребительную стоимость, приравнивается на рынке всем другим потребительным стоимостям и через их посредство выявляет свою меновую стоимость; в этот момент рынок на деле сводит данный конкретный труд (портного, ткача и т. д.) к труду абстрактному, безразлично к его определенной форме. Иначе говоря, пока товаропроизводитель занят своим *конкретным*, специальным трудом, последний представляет труд *частный*; *общественным* он становится только через посредство акта рыночного обмена, т.-е. в виде приравнивания продуктов самых различных видов труда, в виде труда *абстрактного*. *Общественный характер труда проявляется в акте отвлечения (абстрагирования) на рынке от его конкретной технической определенности*.

Эта роль абстрактного труда, присущая ему именно в товарном обществе, особенно ярко проявляется при сравнении последнего с другими формами хозяйства. «Возьмем барщину и натуральные повинности средних веков. Определенный труд отдельных лиц в его натуральной форме, частный характер труда, а отнюдь не всеобщий¹⁾, составлял тогда общественную связь. Или же, наконец, возьмем общинный труд в его естественной форме, каким мы находим его на пороге истории у всех культурных народов. Здесь общественный характер труда, совершенно очевидно, является не от того, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщего труда и не от того, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента. Самая сущность общинного производства не позволяет труду отдельного лица являться частным трудом, или продукту его быть частным продуктом; напротив, она скорее непосредственно делает каждое отдельное проявление труда функцией одного из членов общественного организма. Труд, который проявляется в меновой стоимости, сразу выступает как труд частного обособленного лица. Общественным он становится только потому, что принимает форму непосредственной своей противоположности, форму абстрактной всеобщности» («К критике полит. экон.», стр. 40, курсив наш). Ту же мысль повторяет Маркс в «Капитале». О средневеко-

¹⁾ „Всеобщим“, как мы уже отмечали, Маркс называет в „Критике политической экономии“ труд абстрактный.

вом обществе он говорит: «Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в товарном обществе, покоящемся на основе товарного производства» (К. I, с. 45). Также и в деревенском патриархальном производстве крестьянской семьи «различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, пряденье, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме» (там же).

Итак, в отличие от патриархальной семьи или крепостного поместья, где труд в его конкретном виде имел общественный характер, в товарном обществе единственная общественная связь между самостоятельными частными хозяйствами создается через всесторонний обмен и приравнивание продуктов самых различных конкретных видов труда, т.-е. через отвлечение от их конкретных особенностей, через превращение труда конкретного в труд абстрактный. Затрата человеческой энергии как таковой, в физиологическом смысле, еще не составляет абстрактного труда, как создателя стоимости, хотя и является его предпосылкой. Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями, — вот что составляет абстрактный труд. Понятие абстрактного труда заключается в себе характеристику общественной формы организации труда в товарном обществе: связанность отдельных товаропроизводителей не в самом производственном процессе, представляющем совокупность конкретных трудовых деятельностей, а в акте обмена, т.-е. в отвлечении от этих конкретных особенностей. Это — категория не физиологическая, а социальная и, как таковая, историческая. От конкретного труда абстрактный труд отличается не только признаком отрицательным (отвлечение от конкретного вида труда), но и положительным (приравнивание всех видов труда во всестороннем обмене товаров на рынке). «Труд, реализованный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение, как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных работ, но, кроме того, отчетливо выступает вперед и его положительная природа. Последняя состоит в сведении всех действительных видов труда к их общему характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы» (К. I, с. 34). В других местах (см. ниже) Маркс подчеркивает, что это сведение конкретных видов труда к труду абстрактному совершается в акте рыночного обмена, связующем отдельных товаропроизводителей. В Марксовой теории стоимости превращение конкретного труда в абстрактный не есть мысленный акт абстрагирования, в целях нахождения общей единицы измерения; это превращение есть явление общественное, реально происходящее на рынке. Теоретическим выражением этого общественного явления, — а именно социального уравнивания разных видов труда, а не их физиологического равенства, служит категория абстрактного труда. Только игнорирование этой положительной, социальной природы абстрактного труда приводило к пониманию его, как трудовой затраты в физио-

логическом смысле, с чисто отрицательным признаком отвлечения от конкретных видовых особенностей труда.

Абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена. Физиологическое равенство различных видов человеческого труда существовало всегда, и само по себе представляет факт, безразличный для общественной формы производства. Но равенство различных видов труда, создаваемое в товарном хозяйстве процессом обмена, равновесие между трудом, затрачиваемым в различных отраслях производства, перелив труда из одной отрасли в другую, так сказать, стремление всех трудовых резервуаров общества к равному уровню, — это явление социальное, присущее товарному хозяйству и находящее свое выражение в понятии абстрактного труда.

Последний рождается только в обмене. «Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой, как меновая стоимость, постольку и труд различных лиц принимает, по отношению друг к другу, характер одинакового всеобщего труда» («Критика пол. экон.», стр. 40). «Приравнивая друг к другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они (люди) тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще» (К. I, с. 41). Без акта обмена и всестороннего приравнивания продуктов самых различных видов труда не существует абстрактного труда.

Абстрактный труд создается обменом. Поэтому по мере расширения рынка и сферы обмена, по мере втягивания в него отдельных хозяйств и превращения их в единое народное, а впоследствии и мировое хозяйство, происходит усиление тех характерных особенностей труда, которые мы обозначаем, как абстрактный труд. Поэтому Маркс пишет: «Только внешняя торговля, развитие рынка в мировой рынок превращает деньги в мировые деньги, а абстрактный труд — в общественный труд. Абстрактное богатство, стоимость, деньги — следовательно, абстрактный труд развивается по мере того, как конкретный труд развивается в совокупность различных видов труда, охватывающую мировой рынок» (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 301. Курсив Маркса). Пока обмен ограничен национальными рамками, нет еще абстрактного труда в его наиболее развитом виде. Абстрактный характер труда достигает своего завершения тогда, когда международная торговля связывает воедино все страны, и продукт национального труда теряет свои специфические конкретные черты благодаря тому, что он бросается на мировой рынок и приравнивается там продуктам труда самых различных национальных производств. Как далеко это понятие абстрактного труда от трудовой затраты в физиологическом смысле, безразличной не только к качественным особенностям трудовой деятельности, но и к общественным формам ее организации.

Благодаря обмену, производителя интересует не потребительная стоимость изготовленных им товаров, а исключительно их меновая стоимость. Они интересуют его не как результат конкретного труда, а как результат абстрактного, т.-е. поскольку они могут обменяться с аб-

свою прирожденную потребительную форму и превратиться в деньги, а через них в бесконечный ряд различных потребительных стоимостей. Если, с точки зрения меновой стоимости, данное занятие оказывается для производителя менее выгодным, чем другое, он — предполагая в товарном обществе полную подвижность труда — переходит от одной конкретной трудовой деятельности к другой. Обмен создает, — конечно, в виде тенденции, прерываемой и ослабляемой противодействующими причинами, — безразличие производителя к труду конкретному. «Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд вообще, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в современной из форм бытия буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда *sans phrase*, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм действующее отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современного общества... Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и внутри их»¹). Мы привели эту длинную выписку из Маркса потому, что она окончательно доказывает невозможность физиологического понимания «абстрактного труда» или «труда вообще», который на первый взгляд присущ всем формам общества, а на самом деле представляет продукт исторических условий товарного общества и «обладает полной значимостью» только в нем. Абстрактным труд является постольку, поскольку общественная связь между членами общества создается через обмен и приравнивание продуктов самых различных видов труда. Для появления абстрактного труда в Марксовом смысле недостаточно факта физиологического равенства различных видов труда. Необходимо: 1) чтобы равенство их составляло «специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ» (К. I, с. 42), т.-е. чтобы приравнивание различных видов труда составляло основную общественную связь между товаропроизводителями, превращающую их частный труд в общественный, и 2) чтобы это приравнивание происходило в *вещной* форме, т.-е. в «форме стоимости

¹) Маркс. *Einleitung zur Kritik der politischen Oekonomie*, русск. перевод в цитированном сборнике «Основные проблемы политической экономии», стр. 29.

продуктов труда» (там же). Без этих условий, представляющих историческую особенность товарного хозяйства, не может быть «абстрактного» труда, хотя мыслим труд в общезначимом смысле, как затрата мускулов, нервов и т. п., абстрагированная от ее конкретной формы. «В пределах этого (товарного) мира всеобщечеловеческий характер труда есть его специфически общественный характер» (К. I, с. 35), и только эта общественная роль труда, отвлеченного от конкретных качеств, делает его трудом абстрактным. В меновой стоимости «всеобщий характер отдельного труда» выступает «как его общественный характер», настойчиво и неоднократно повторяет ту же мысль Маркс в «Критике пол. экон.».

Нам остается объяснить, почему, несмотря на ясно выраженный социальный характер понятия «абстрактный труд», Маркс в начале «Капитала», в разделе о двойственном характере труда, дает физиологическое его определение, отвлекаясь от общественной формы организации труда в товарном хозяйстве. Эта загадка отчасти объясняется, если вспомнить, что в указанном месте Маркс занимается «стоимостью» в отличие от меновой стоимости, т.-е. как мы выяснили в 12-ой главе, «субстанцией» или содержанием стоимости, трудовыми затратами, в отличие от формы стоимости, как общественной формы организации труда. Последняя предполагается Марксом данною в начале его исследования, но, при анализе содержания стоимости, она на общественной форме труда не останавливается. С точки зрения содержания стоимости, отвлеченного от общественной формы, в понятии абстрактного труда на первый план выступает физиологическое равенство различных трудовых затрат¹).

Как было указано выше, даже у марксистов мы большею частью находим определение абстрактного труда, как трудовой затраты в физиологическом смысле. Тем менее приходится удивляться, встречая подобное понимание у критиков Маркса. Герлах, отметив, что по Марксу «стоимость, нечто общее всем товарам, условие их обмениваемости, представляет овеществление абстрактно-человеческого труда»²), направляет свои критические возражения именно против этого пункта теории стоимости Маркса: «Физиоло-

¹) В первом издании «Капитала» Маркс резко подчеркивал, что на первых страницах дается только анализ «субстанции» стоимости (т.-е., как мы выяснили в 12-ой главе, трудовых затрат, как таковых), чтобы потом перейти к ее общественной форме: «Мы знаем теперь субстанцию стоимости. Это труд. Мы знаем меру ее величины. Это рабочее время. Остается еще анализировать ее форму, которая превращает стоимость в меновую стоимость» (Kapital, I, 1867, S. 6. Курсив Маркса). «Так как до сих пор мы определили только субстанцию стоимости и величину стоимости, обратимся теперь к анализу формы стоимости» (там же, с. 13). Во втором издании эти фразы из текста исключены, но зато первая глава разделена на разделы, с особыми заголовками: в заголовке первого раздела указаны «субстанция и величина стоимости», третий раздел озаглавлен: «Форма стоимости или меновая стоимость». Второй раздел, о двойственном характере труда, содержащий анализ абстрактного труда, служит дополнением к первому, к учению о «субстанции» стоимости, т.-е. о труде, отвлеченном от его общественной формы.

²) Gerlach, Ueber die Bedingungen wirtschaftlicher Thätigkeit, 1890, S. 18.

гически сводить человеческий труд к простому совершенно невозможно... Ибо, так как человеческий труд сопровождается всегда сознанием и им обуславливается, то необходимо отказаться от сведения его к движению мускулов и нервов, потому что при этом всегда остается какой-то остаток, не поддающийся подобному анализу» (там же, с. 49—50). «Прежние попытки показать в опыте абстрактно-человеческий труд, то общее в человеческом труде, что служит его специфическим отличием, не удалось; сведение труда к нервной и мускульной энергии невозможно» (там же, с. 50). Указание Герлаха, что труд не может быть сведен к одной только затрате физиологической энергии, ибо в нем имеется всегда момент психический, — не имеет, конечно, никакого отношения к тому понятию «абстрактного труда», которое построено Марксом на основе анализа особенностей товарного хозяйства. А между тем эти аргументы Герлаха кажутся столь убедительными, что обычно повторяются критиками Марксовой теории стоимости¹⁾. В еще более яркой форме мы встречаем натуралистическое понимание абстрактного труда у Л. Буха: труд, как абстрактный, рассматривается «как процесс превращения потенциальной энергии в механическую работу»²⁾. Здесь внимание обращено не столько на количество затрачиваемой физиологической энергии, сколько на количество получаемой механической работы. Но принципиальная постановка вопроса та же чисто натуралистическая, оставляющая в полном пренебрежении общественную сторону трудового процесса, т.-е. именно ту, которая составляет непосредственный объект политической экономии.

Понятно само собою, что авторы, которые видят в абстрактном труде труд, сведенный к его физиологической основе, смешивают труд абстрактный с трудом простым, — понятия, которые у Маркса отнюдь не сливаются. Такое смешение мы встречаем у Диль³⁾, Эд. Бернштейна⁴⁾, того же Герлаха, а также, как указано было выше, у А. Богданова.

Только у отдельных исследователей мы встречаем понимание того, что характеристика труда, как абстрактного, никоим образом не совпадает с физиологическим равенством различных трудовых затрат. «Всеобщность труда — это не естественно-научное понятие, заключающее в себе только общее физиологическое содержание, но частные работы являются абстрактно-всеобщими и тем самым общественными, как выявление деятельности субъектов права»⁵⁾. Но общая концепция Петри, для которого Марксова теория стоимости представляет не Wertgesetz, а Wertbetrachtung, не объяснение «реального процесса в объекте», а «субъективное условие познания» (там же,

¹⁾ Напр., Диль, Sozial-wissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo. 1921, T. I, S. 104.

²⁾ Бух. Интенсивность труда, стоимость, ценность и цена товаров. 1896 г., стр. 149.

³⁾ Цит. соч., стр. 102—104.

⁴⁾ Социальные проблемы, русск. пер. Когана, 1901 г., стр. 67—68.

с. 50), лишает его всякой возможности правильной постановки вопроса об абстрактном труде¹⁾.

Другую попытку внести в понятие абстрактного труда момент социальный мы встречаем у А. Нежданова (Череванина). По его мнению, понятие абстрактного труда выражает не физиологическое равенство трудовых затрат, а общественный процесс приравнивания различных видов труда в производстве. Это «в высшей степени важный и необходимый общественный процесс, производимый всякою сознательною общественно-экономическою организацией». «Тот общественный процесс, который характеризуется сведением различных видов труда к абстрактному труду, производится товарным обществом бессознательно»²⁾. Принимая абстрактный труд за выражение процесса приравнивания труда, происходящего во всяком обществе, А. Нежданов упускает из виду ту особую форму, которую приравнивание труда принимает в товарном обществе, где оно происходит не непосредственно, а через приравнивание вещей, не в процессе производства, а через обмен (см. выше, главу «Равенство товаров и равенство труда»). Понятие абстрактного труда выражает эту специфическую историческую форму приравнивания труда. Это понятие не только социальное, но и историческое.

Мы установили, что в Марксовой теории стоимости понятие абстрактного труда выражает не физиологическое равенство различных конкретных видов труда, а приравнивание их в обмене, как основную общественную связь между независимыми товаропроизводителями. Это не физиологическое понятие, а социальное. Оно характеризует не особенности человеческого труда как такового, а общественную форму организации трудовой деятельности людей в товарном хозяйстве. Только твердо установив это понятие абстрактного труда, мы правильно поймем основное положение Марксовой теории стоимости, гласящее, что труд «создает» стоимость. На первый взгляд это положение вызывает целый ряд вопросов и сомнений. Труд, трудовая деятельность есть нечто физическое, принадлежащее к миру явлений природы. Если этот труд создает стоимость, очевидно, последняя представляет какое-то свойство самой вещи, как таковой, как предмета природы. Нисколько не поможет нам указание Маркса, что стоимость создается не трудом конкретным, а абстрактным, если мы будем понимать последний — как то делает большинство исследователей — в физиологическом смысле. Ведь и такой абстрактный труд принадлежит всецело к миру природы, отличаясь от конкретного труда только меньшим количеством признаков. При таком понимании, труд абстрактный относится к кон-

¹⁾ Превосходный разбор и критику книжки Петри читатель найдет в статье о ней Р. Гильфердинга, напечатанной в Grünberg's Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung за 1919 год, стр. 439—448. См. также наш отзыв о книге Петри в „Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса“. 1924 г. № 1, стр. 485 — 490.

²⁾ „Теория ценности и прибыли Маркса перед судом фетишиста“. Научное

кретному, как родовое понятие к видовому. При общепринятом понимании абстрактного труда, как трудовой затраты в физиологическом смысле слова, неизбежно натуралистическое толкование Марксовой теории стоимости.

В «натурализме» обвиняет теорию трудовой стоимости П. Струве. «От физиократов и их английских продолжателей Маркс усвоил себе ту механически-натуралистическую точку зрения, которая столь ярко обнаруживается в его учении о труде, как субстанции стоимости. Это учение — венец всех объективных учений о стоимости: оно прямо материализует последнюю, превращая ее в экономическую субстанцию хозяйственных благ, подобную физической материи, субстанции физических вещей. Эта экономическая субстанция есть нечто материальное, так как образующий стоимость труд Маркс понимает в чисто физическом смысле, как абстрактную затрату нервной и мышечной энергии, независимо от конкретного целесобразного содержания этой затраты, отличающегося бесконечным разнообразием. Абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, идеально, по крайней мере, подлежащее сведению к механической работе» (предисловие Струве к русскому переводу I-го тома «Капитала», изд. 1906 г., стр. XXVIII). По мнению Струве, для Маркса абстрактный труд есть понятие физиологическое; поэтому стоимость, создаваемая абстрактным трудом, есть нечто материальное.

Такой вывод, как было уже указано, прежде всего находится в вопиющем противоречии с многочисленными утверждениями Маркса о том, что стоимость не содержит в себе ничего «материального». «Тавтологией является утверждение, что материя, как таковая, не имеет стоимости, так как не включает труда, и обратно, что меновая стоимость, как таковая, не включает материи» (Крит. пол. эк., стр. 41). «Ни один атом природного вещества не входит в субстанцию их (товарных тел) стоимости» (К. I, с. 14). «Субстанция их (товаров) стоимости имеет поэтому чисто общественный характер» (там же). «В действительности стоимость представляет собой только вечно выраженное отношение производительных деятельностей людей» (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 218). Эти настойчивые указания Маркса, повторяемые всеми марксистами, не оставляют никаких сомнений в том, что «стоимость» вещи не имеет ничего общего с свойствами этой вещи, как таковой. Не для того Маркс так старательно отмежевывался от трудовой теории богатства, чтобы мы, следуя за Струве, приписали ему как раз эту наивную натуралистическую теорию. «Стоимость» вещи характеризует не эту вещь, а производственные отношения того общества, в котором она произведена. Стоимость есть социальная функция или форма вещи, т. е. особенность производственных отношений между людьми, принявшая вещную форму, выраженная в форме «стоимости» вещи ¹⁾.

¹⁾ Но, конечно, было бы грубою ошибкой из указания Маркса на «невещность самого явления ценности» сделать такой вывод: «Если же „ценность“

Но если так, то, спрашивается, что же означает положение Марксовой теории стоимости: стоимость создается трудом. Если стоимость есть свойство общественное, может ли она быть создана трудом, хотя бы и абстрактным. Пока мы видим в абстрактном труде понятие физиологическое, он не может, конечно, быть создателем стоимости, как общественного свойства. Но иное дело, если абстрактный труд есть понятие социальное, выражающее общественную форму организации труда в товарном хозяйстве, а именно организацию труда в виде совокупности независимых автономных товаропроизводителей, связанных разделением труда и осуществляющих эту связь в обмене. Этот абстрактный труд, иными словами, товарная форма хозяйства и создает стоимость продуктов труда, т. е. то свойство их, которое является следствием данной общественной (товарной) формы производства, но приписывается вещам. Вещь принимает форму стоимости потому, что общество организовано в виде совокупности автономных хозяйств частных товаропроизводителей. Не труд, как таковой, а лишь организованный в данной общественной форме (товарной), создает стоимость ¹⁾. Так, и только так, следует понимать положение, что абстрактный труд создает стоимость, положение, которое в краткой формулировке и при господствующем неправильном взгляде на абстрактный труд может, несомненно, дать повод к механически-натуралистическому пониманию Марксовой теории.

Итак, не труд, как таковой, а лишь организованный в данной общественной форме, создает стоимость. Определенное производственное отношение между людьми, как между товаропроизводите-

не существует в виде факта внешнего мира, то она, очевидно, должна быть рассматриваема как продукт нашего сознания, как явление психологического свойства» (В. Богров, Критико-исторический очерк теории ценности, 1911 г., с. 83—84).

¹⁾ Поэтому неправ Штольцманн, который пишет: «Если значение и характер всех других экономических явлений вытекают из их „общественной функции“, почему это не относится и к труду, почему и труд не находит своего характера в своей общественной функции, т. е. в функции, принадлежащей ему внутри подлежащего объяснению теперешнего хозяйственного строя» (Stolzmann. Der Zweck in der Volkswirtschaft, 1909, S. 533). На самом деле труд, создающий стоимость, рассматривается Марксом не как технический фактор производства, а с точки зрения общественной формы его организации. Но, по Марксу, эта общественная форма труда не висит в безвоздушном пространстве: она тесно связана с материальным процессом производства. Только при полном непонимании социальной формы труда в Марксовой системе можно утверждать, что «труд для Маркса — просто технический фактор производства» (С. Прокопович. К критике Маркса, 1901 г., стр. 16), или усматривать «фундаментальную ошибку» Маркса в том, что при объяснении стоимости трудом он игнорирует «различную оценку различных видов труда», как фактора производства (G. Cassel, Grundriss einer elementaren Preislehre, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1899, H. 3, S. 447). В игнорировании Марксом «качества труда» усматривает его ошибку и Маршалл (Marshall, Principles of economics, 1910, p. 503). Вопрос в том, интересуют ли нас социальные или технические качества труда. Маркса интересует социальная форма или социальное качество труда в товарном хозяйстве, выражающееся в акте отвлечения на рынке от технических качеств разных видов труда.

лями, находит свое вещное выражение в стоимости продуктов труда. Отношение между трудом и стоимостью не должно быть мыслимо, как отношение между физической причиной и физическим следствием. Труд — это абстрактный труд, производственное отношение между частными товаропроизводителями, связанными через обмен. Стоимость — вещное выражение этого производственного отношения. *Труд и стоимость* связаны между собою такою же связью, как *производственное отношение людей и его вещная форма* ¹⁾. Такой именно смысл, как было уже указано, имеют выражения Маркса, что стоимость есть «овеществленный», «материализованный», «застывший» труд. Стоимость есть вещное выражение специфических общественных свойств труда, а именно, организации его на основе самостоятельного ведения хозяйства частными товаропроизводителями и связанности их в обмене. Это и значит, что стоимость есть «застывший» труд, «простой сгусток безразличного человеческого труда», «кристаллы общественной субстанции» — труда (К. I, с. 4—5). Эти выражения, за которые Маркс подвергался стольким нападкам и обвинениям в «натуралистическом» построении теории стоимости, могут быть правильно поняты только при сопоставлении их с учением Маркса о товарном фетишизме и «овеществлении» общественных отношений. Вопреки мнению Струве, стоимость не есть нечто «материальное»; она — «материальная форма производственных отношений» (Капитал, т. I в пер. Струве, с. 44), «материальная форма, принимаемая общественными условиями труда» (с. 43). Общественные условия труда принимают вещную форму стоимости; это и есть «материализация», «кристаллизация» труда в стоимости.

Как чуждо Марксу материалистическое понимание этого «овеществления» труда в стоимости, видно из следующей его фразы: «В этом смысле каждый товар представлял бы только знак, потому что, как стоимость, он представляет лишь вещественную оболочку затраченного на него человеческого труда» (К. I, с. 59). Итак, «овеществление» труда в стоимости может дать повод считать эту стоимость только «знаком» общественного отношения. Ясно, что «овеществление» понимается в смысле социологическом (как фетишизация общественных отношений), а не натуралистическом (как

¹⁾ В первом издании „Капитала“ Маркс резюмирует разницу между трудом конкретным и абстрактным следующим образом: „Из изложенного следует, что в товаре имеются не два различных вида труда, но один и тот же труд определяется различным и даже противоположным образом, в зависимости от того, относится ли он к потребительной стоимости товара, как к своему продукту, или к товарной стоимости, как к своему вещному выражению“ (Kapital, I. 1867, S. 13. Курсив Маркса). Стоимость не продукт труда, а вещное, фетишизированное выражение трудовой деятельности людей. К сожалению, во втором издании Маркс заменил это резюме, подчеркивающее общественный характер абстрактного труда, известною заключительною фразою второго раздела первой главы, которая дает повод понимать абстрактный труд в смысле физиологическом. („Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова“ и т. д. (К. I, стр. 13).

накопление в товаре определенного количества человеческой трудовой энергии).

После сказанного мы, конечно, не найдем в системе Маркса того основного противоречия, которое усматривает в ней Струве. «В экономической системе Маркса переплетаются и сплетаются — как мы уже указали — два основных мотива: 1) механически-натуралистический, под влиянием которого Маркс создал свое «объективное» учение о трудовой затрате, как субстанции и мере ценности, и 2) социологический, за вещною оболочкою экономических явлений видящий — в качестве их основного содержания — исторически изменчивые отношения между людьми в процессе производства» (предисл. Струве к «Капиталу», стр. XXX). Струве видит противоречие между «натуралистическою» теорией стоимости Маркса и его «социологическою» теорией товарного фетишизма. На самом деле, первая теория основана на второй. Труд создает стоимость; это один из частных случаев общего положения, которое гласит, что производственные отношения между людьми составляют «основное содержание» (по выражению Струве) или «сущность» (по выражению Маркса) экономических явлений, выступающих на первый взгляд в вещной форме.

Таким образом, под трудом, как «созидателем» стоимости, надо понимать определенную общественную форму труда (товарную). Только с этой точки зрения нам выяснится то резкое различие, которое Маркс проводит между трудом, как созидателем стоимости, и рабочей силою. Было бы совершенно бесполезно конструировать эти два понятия, как два различных объекта, отличающихся своими естественными свойствами. Так именно поступает Бух. «Труд — это процесс превращения потенциальной энергии нашего тела в механическую работу. Товар — это потребительная стоимость, в которой овеществлен наш труд и, следовательно, он есть не что иное, как продукт человеческой энергии, превращенной в механическую работу. Рабочая сила — это запас потенциальной энергии нашего организма, еще не превращенной в механическую работу» (Бух, цит. соч., стр. 76). Такое механическое построение совершенно чуждо Марксу. «Труд» и «рабочая сила» — не разные объекты внешнего мира, а различные социальные характеристики труда, различные «Formbestimmtheiten» (определенности общественной формы). Абстрактный труд, создающий стоимость, — это выражение товарного общества, как совокупности автономных частных хозяйств, связанных производственными отношениями обмена. Наемный труд или рабочая сила — это выражение труда, обособленного от средств производства, противопоставленного им и соединяющегося с ними в форме наемного договора между капиталистом и рабочим ¹⁾. *Абстрактный*

¹⁾ „Вместо труда он (Рикардо) должен был бы говорить о рабочей силе. Тем самым капитал был бы представлен, как материальные условия труда, противостоящие рабочему в качестве самостоятельной силы“ (Theorien über den Mehrwert, В. II, Т. I, S. 119, изд. 1921 года).

труд выражает основное производственное отношение *товарного* хозяйства, *наемный труд* — основное производственное отношение в капиталистическом хозяйстве. Стоимость существует не только в капиталистическом хозяйстве, но и в простом товарном. Она вещное выражение производственного отношения между товаропроизводителями. Значит, «созидателем» стоимости является абстрактный труд, а не наемный труд (рабочая сила), характеризующий только хозяйство капиталистическое. Конечно, в капиталистическом обществе стоимость создается трудом рабочих, но не потому, что он — труд *наемный*, т. е. противопоставленный капиталу, а потому, что он прилагается в хозяйстве частного товаропроизводителя, противопоставленном другим частным хозяйствам. Характером труда, как наемного, объясняется не стоимость продукта труда, а стоимость его самого, т. е. стоимость рабочей силы. «Раз мы фиксируем то свойство труда, что он создает стоимость, мы рассматриваем его не в той конкретной форме, которую он принимает как условие производства, а в его общественной определенности, которая есть нечто иное, чем определенность наемного труда» (К. III, с. 352—353. Курсив наш). «Общественная определенность» труда, создающего стоимость, — это общественная организация труда в форме товарного хозяйства.

Отсюда же понятно, почему рабочая сила имеет стоимость, а «труд» — нет. Рабочая сила выражает производственное отношение между рабочим и капиталистом, связывающее их через обмен «вещей» (обмен денег на рабочую силу). Рабочая сила выступает, как товар, «вещь», распоряжение которою переходит от одного собственника, рабочего, к другому, капиталисту, и этим переходом создает между ними производственное отношение. Рабочая сила есть «вещное» или «овеществленное» (не в смысле физическом, а в смысле социологическом, т. е. фетишизированное) выражение производственного отношения между капиталистом и рабочим, как между двумя автономными товаропроизводителями; следовательно, она обладает «стоимостью», ибо последняя и есть не что иное, как вещное, «объективное» выражение отношения между товаропроизводителями. «Трудом» же, точнее абстрактным трудом, мы называем само производственное отношение между товаропроизводителями. Эта трудовая связь между ними — факт общественный, который находит свое выражение в вещной форме, «овеществляется» в стоимости товара, но сам выступает в общественной форме, а не «овеществленной», значит, не имеет стоимости, как общественно-«объективного», «овеществленного» свойства. «Труд» и «стоимость» — это общественно-производственное и вещное выражение одного и того же явления, трудовой деятельности общества товаропроизводителей. Труд, как общественно-производственная связь, находит свое выражение в вещной форме стоимости, но сам не есть «вещь», «стоимость». Отсюда понятно, что «труд» (точнее, общественная организация труда в товарной форме) *создает* стоимость, но сам *не имеет* стоимости. Наемный же труд, или рабочая сила (точнее, труд в его классовой противоположности капи-

талу) выступает в форме товара, *имеет* стоимость, но *не создает* ее ¹⁾.

Нам могут возразить, что изложенное понимание абстрактного труда, как связанного с определенной социальной (а именно товарною) формой труда, выясняет нам только социальную, качественную сторону стоимости, но не количественные ее изменения. Это возражение правильно. Понятие абстрактного труда относится к качественной стороне стоимости. Величина же стоимости находит свое выражение в понятии общественно-необходимого труда. Прежде, однако, чем перейти к анализу последнего, мы должны еще рассмотреть понятие квалифицированного труда, которое, подобно понятиям труда общественного и абстрактного, Маркс относит к качественной стороне труда. (Theorien, B. III, S. 160).

¹⁾ Для иллюстрации путаницы, господствующей в вопросе о различии между трудом и рабочей силой, приведем примеры Л. Будина (марксист) и Ф. Оппенгеймера (критик марксизма). Для Будина «абстрактный человеческий труд» представляет товар, «продаваемый и покупаемый на рынке независимо и безотносительно к каким-либо индивидуальным или личным отношениям» (Л. Будин. «Теоретическая система Маркса», русск. изд. 1908 г., стр. 70). Этот абстрактный труд, оказывается, имеет также стоимость (стр. 80). Излишне добавлять, что абстрактный труд смешивается здесь с рабочей силой.

Ф. Оппенгеймер пишет: «Теория стоимости Маркса может быть представлена в виде следующего уравнения: стоимость продукта равна овеществленному в нем рабочему времени. Но эту формулу можно читать и в обратном порядке. Простым перемещением получаем следующую формулу: стоимость рабочего времени равна его продукту... Получаем формулу полного продукта труда» (Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1922, S. 178—179. Курсив наш). Отсюда Оппенгеймер выводит мнимое противоречие между теорией стоимости Маркса и его же теорией заработной платы. Ошибка Оппенгеймера, как видно из подчеркнутых нами слов, заключается в непонимании того, что рабочее время или труд, овеществленный в товаре, не может иметь стоимость. Рабочее время, овеществленное в товаре, смешивается с рабочей силой, как товаром.

Мимоходом отметим элементарную ошибку, которую Оппенгеймер допускает в своем «перемещении уравнения». Перемещение уравнения означает полный перенос левой части уравнения в правую, и обратно. Правильное перемещение дало бы следующую формулу: овеществленное в продукте рабочее время равно стоимости продукта. Формула эта с количественной стороны нисколько не противоречит Марксовой теории. Оппенгеймер же получает свою формулу полного продукта труда при помощи явно неправильного перемещения: слово «стоимость» оставляется им в левой части уравнения, а «продукт» переносится в правую. Это все равно, как если бы математик переместил выражение $lg\ 100 = 2$ следующим образом: $lg\ 2 = 100$.

При указанной путанице, господствующей в вопросе о различии между трудом и рабочей силой, нет ничего удивительного в том, что некоторые авторы видят в этом различии, которому Маркс придавал такое большое значение, не более, как «терминологическое новшество» (Bortkiewicz, Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System. Archiv. für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1907, B. 25, S. 482—483).

После выхода в свет первого издания настоящей книги я ознакомился с содержанием книги Будге, который также отмечает формальную неправильность перемещения, сделанного Оппенгеймером. См. Budge, Kapitalprofit. 1920, S. 86—87.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД.

Акт обмена, приравнивая продукты различных конкретных видов труда, тем самым уравнивает и последние. При прочих равных условиях, различие конкретных видов труда не играет роли, и продукт часового труда сапожника обменивается на продукт часового труда суконщика. Но различные виды труда находятся в неравных условиях; они отличаются друг от друга по своей интенсивности, вредности для здоровья, риску, неприятному характеру, продолжительности обучения и т. п. Акт обмена, погашая различие видов труда, одновременно погашает и компенсирует различие условий, имеющее место в разных видах труда. Это различие условий приводит к тому, что продукт дневного труда сапожника обменивается, например, на продукт двухдневного труда землекопа или на продукт полудневного труда ювелира. На рынке приравниваются, как стоимости, продукты, произведенные в неравные количества времени. На первый взгляд это положение противоречит основному положению Марксовой теории, согласно которому стоимость продуктов труда пропорциональна рабочему времени, затраченному на их производство. Посмотрим, как разрешается это противоречие.

Из перечисленных выше различных условий труда наибольшее значение имеют интенсивность данного вида труда и продолжительность обучения и подготовки к данному виду труда или к данной профессии. Вопрос об интенсивности труда не представляет особых теоретических трудностей и будет нами рассмотрен мимоходом. Главное же внимание в настоящей главе мы уделим вопросу о квалифицированном труде.

Прежде всего дадим определение труда *квалифицированного* и *простого*. Простой труд «есть затрата простой рабочей силы, которой в среднем располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой *специальной подготовкой*» (К. I, с. 11. Курсив наш). В отличие от простого, квалифицированным называется труд, который требует специальной подготовки, т. е. «более продолжительной профессиональной подготовки или более значительного общего образования, чем в среднем имеют рабочие»¹⁾. Не надо думать, что простой средний труд есть величина одинаковая у различных народов и неизменяющаяся в ходе исторического развития. Простой средний труд носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, но для каждого определенного общества в данный момент его развития представляет величину данную (К. I, с. 11). Тот труд, который в Англии может быть выполнен каждым средним рабочим, в России может требовать неко-

¹⁾ Отто Бауэр, Квалифицированный труд и капитализм. Сборник „Основные проблемы политической экономии“. 1922, с. 127.

торой подготовки со стороны рабочего. Тот труд, к которому в настоящее время способен средний русский рабочий, мог сто лет тому назад считаться в России трудом; возвышающимся по своей сложности над средним уровнем.

Отличие квалифицированного труда от простого проявляется: 1) в повышенной *стоимости продуктов*, произведенных трудом квалифицированным, и 2) в повышенной *стоимости* квалифицированной *рабочей силы*, т. е. в повышенной заработной плате квалифицированного наемного рабочего. С одной стороны, продукт дневного труда ювелира имеет в два раза большую стоимость, чем продукт дневного труда сапожника. С другой стороны, ювелир-рабочий получает от ювелира-предпринимателя более высокую заработную плату, чем сапожник-рабочий от своего предпринимателя. Первое явление свойственно товарному хозяйству, как таковому, и характеризует отношения между людьми, как товаропроизводителями; второе явление свойственно только капиталистическому хозяйству и характеризует отношения между людьми, как капиталистами и наемными рабочими. Так как в теории стоимости, изучающей особенности товарного хозяйства, как такового, мы имеем дело только со стоимостью товаров, но не со стоимостью рабочей силы, то и в настоящей главе мы будем рассматривать только стоимость продуктов, произведенных квалифицированным трудом, оставляя в стороне вопрос о стоимости квалифицированной рабочей силы.

Понятие квалифицированного труда следует точно отличать от двух других понятий, которые нередко с ним смешиваются: от *качества* и *интенсивности* труда. Говоря о квалифицированном труде, мы имеем в виду степень *средней* квалификации (подготовки), требуемой для занятия данным *видом* труда, данную профессией или специальностью. Эту квалификацию необходимо отличать от *индивидуальной* квалификации отдельных производителей в пределах *одной и той же* профессии или специальности. Труд ювелира требует в среднем высокой квалификации, но различные ювелиры обнаруживают в своей работе различную «степень искусства, подготовки и быстроты», они отличаются друг от друга ловкостью, умелостью или качеством своего труда (К. I, с. 5, 167). Если сапожники в среднем вырабатывают по одной паре ботинок в день, а данный сапожник, более умелый и обученный, — две пары ботинок, то, естественно, продукт дневного труда последнего (две пары ботинок) будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт дневного труда сапожника средней умелости (одна пара ботинок). Это вполне понятно, так как стоимость определяется, как будет подробнее изложено в следующей главе, не индивидуальным, а общественно-необходимым для производства трудом. Различие умелости или качества труда двух данных сапожников вполне точно измеряется различными количествами продуктов, производимых ими в одинаковое время (при одинаковых орудиях труда и прочих равных условиях). Таким образом, понятие умелости или качества труда входит в учение об общественно-необходимом труде и не представляет особых теоретических трудностей.

Гораздо большие трудности представляет вопрос о квалифицированном труде, о различной стоимости продуктов, производимых в одинаковое время двумя производителями в различных профессиях, продукты которых между собою не сравнимы. Поэтому те исследователи, которые сводят квалифицированный труд к более умелому труду, просто обходят трудности вопроса. Так, Л. Будин утверждает, что высшая стоимость продуктов квалифицированного труда объясняется тем, что квалифицированный работник производит большее количество продуктов ¹⁾. Ф. Оппенгеймер говорит, что Маркс, сосредоточивши свое внимание на «приобретенной» квалификации, вытекающей из «более продолжительного и дорогого образования, подготовки», упустил из виду «прирожденную» квалификацию. Но, к нашему удивлению, оказывается, что в последнюю Оппенгеймер включает также индивидуальную умелость отдельных производителей, которая относится к проблеме общественно-необходимого, а не квалифицированного труда, куда поместил ее Оппенгеймер ²⁾.

Другие исследователи пытаются свести квалифицированный труд к труду более интенсивному. Интенсивность или напряженность труда определяется количеством труда, затрачиваемым в единицу времени. Мы наблюдаем как индивидуальные различия в интенсивности труда двух производителей одной и той же профессии, так и различную среднюю интенсивность труда в двух разных профессиях (К. I, с. 389, 504, 541). В обоих случаях продукты, произведенные трудом одинаковой продолжительности, но различной интенсивности, имеют различную стоимость. С точки зрения теории трудовой стоимости, это вполне понятно, так как часовой труд большей интенсивности означает затрату большего количества труда, чем часовой труд меньшей интенсивности.

Некоторые исследователи, как уже было сказано, пытаются разрешить проблему квалифицированного труда, усматривая в нем труд высшей интенсивности или напряженности. «Сложный труд может производить большую стоимость, чем труд простой, только при том условии, если он также интенсивнее последнего» ³⁾, говорит Либкнехт. Эта большая интенсивность квалифицированного труда выражается преимущественно в большей затрате умственной энергии, в повышенном «внимании, умственном напряжении, затрате мозга». Предположим, что сапожник на 1 единицу мускульного труда затрачивает $\frac{1}{4}$ единицы умственного труда, а ювелир целых $1\frac{1}{2}$ единицы. В таком случае часовой труд сапожника означает затрату $1\frac{1}{4}$ единиц энергии (мускульной и умственной вместе), а часовой труд ювелира $2\frac{1}{2}$ единицы энергии, т. е. труд последнего создает вдвое большую стоимость.

¹⁾ Л. Будин, Теоретическая система Маркса, русск. изд. 1908 г.

²⁾ F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit. 2 Aufl. 1922, S. 63, 65 — 66.

³⁾ Liebknecht, Zur Geschichte der Werttheorie in England, 1902, S. 102 (русск. пер. стр. 153). Автор этой книги — сын Вильгельма Либкнехта, брат Карла Либкнехта. Подробная критика взглядов Либкнехта дана нами во вступительной статье к русскому переводу: Либкнехт, История теории стоимости в Англии и теория Маркса. М. 1924 г.

Сам Либкнехт сознает, что такое предположение имеет «гипотетический характер» ¹⁾. Мы полагаем, что оно не только бездоказательно, но и опровергается фактами. Имеются виды квалифицированного труда, создающие в силу продолжительности подготовки к ним товары высокой стоимости, но по своей интенсивности не превосходящие менее квалифицированных видов труда. Мы должны объяснить, почему квалифицированный труд, независимо от степени его интенсивности, создает продукт более высокой стоимости ²⁾.

Мы стоим перед следующим вопросом: почему затрата одинакового рабочего времени в двух профессиях с различной средней квалификацией (продолжительностью подготовки) создает товары различной стоимости? В марксистской литературе можно отметить два различных подхода к разрешению этого вопроса. Один подход встречается у А. Богданова. Он отмечает, что квалифицированная рабочая сила «может нормально функционировать лишь при условии удовлетворения более значительных и более разнообразных потребностей самого работника, т. е. при условии потребления большего количества различных продуктов. Следовательно, сложная рабочая сила обладает *большой трудовой стоимостью* — стоит обществу большего количества его труда. Зато она и дает ему более сложный, т. е. «умноженный», живой труд» ³⁾. Если квалифицированный рабочий поглощает предметов потребления и, следовательно, общественной энергии в пять раз больше, чем простой рабочий, то часовой труд первого будет производить стоимость в пять раз большую, чем часовой труд последнего.

Изложенную аргументацию А. Богданова мы считаем неприемлемой, прежде всего, с точки зрения методологической. По существу А. Богданов выводит повышенную стоимость продуктов квалифицированного труда из повышенной стоимости квалифицированной рабочей силы. Стоимость товара он объясняет стоимостью *рабочей силы*, между тем как у Маркса путь исследования обратный. В теории стоимости, при объяснении стоимости товаров, произведенных квалифицированным трудом, Маркс изучает отношения между людьми, как товаропроизводителями, или простое товарное хозяйство; в этой стадии исследования стоимость рабочей силы вообще и квалифицированной в частности для него еще не существует (К. I, с. 11, примечание) ⁴⁾. У Маркса стоимость товара определяется трудом, который сам по себе представляет общественную величину, не имеющую

¹⁾ Там же, S. 103 (русск. пер. стр. 154).

²⁾ В переводе «Критики», сделанном П. Румянцевым, труд сложный называется «трудом высшей напряженности» (изд. 1922 г., стр. 38). Читателя не должен смущать этот термин, не принадлежащий Марксу. В подлиннике сказано: «труд высшей потенции» (S. 6).

³⁾ А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии. Т. II, в. 4, стр. 19. Курсив А. Богданова.

⁴⁾ Только в одном месте Маркс отступает от своего обычного метода и, повидимому, обнаруживает склонность поставить стоимость продукта квалифицированного труда в зависимость от стоимости квалифицированной рабочей силы.

стоимости. У А. Богданова же оказывается, что труд или рабочее время, определяющее стоимость, в свою очередь также имеет стоимость. Стоимость товара определяется воплощенным в нем рабочим временем, а стоимость этого рабочего времени определяется стоимостью жизненных средств, требующихся для содержания рабочего ¹⁾. Получается порочный круг, из которого А. Богданов пытается выйти доводами, по нашему мнению, не убедительными ²⁾.

Независимо от этих методологических дефектов, мы должны отметить, что А. Богданов указывает нам только тот минимальный абсолютный предел, ниже которого стоимость продукта квалифицированного труда не может опуститься. Она должна быть, при всяких обстоятельствах, достаточна для того, чтобы квалифицированная рабочая сила могла сохраняться в прежнем виде и не вынуждена была дисквалифицироваться (опуститься на низший уровень квалификации). Но, как мы уже отмечали, кроме этого минимального *абсолютного* предела, в товарном хозяйстве решающую роль играет *относительная* выгодность различных видов труда ³⁾. Предположим, что стоимость продуктов данного вида квалифицированного труда вполне достаточна для сохранения квалифицированной рабочей силы производителей, но не достаточна для того, чтобы сделать работу в данной профессии, требующей очень продолжительной подготовки, относительно столь же выгодною, как работу в других профессиях, требующих менее продолжительной подготовки. При таких условиях начнется отлив труда из данной профессии, который будет продолжаться до тех пор, пока стоимость продуктов данной профессии не поднимется до такого уровня, который устанавливает относительное равенство условий производства и состояние равновесия между различными видами труда. При изучении проблемы квалифицированного труда мы должны взять за исходный пункт исследования не равновесие между потреблением и производительностью данного вида труда, а *равновесие между различными видами труда*. Этим самым мы приходим к основной исходной точке Марксовой теории стоимости, к распределению общественного труда между различными отраслями народного хозяйства.

В предшествующих главах нами была развита та мысль, что обмен продуктов двух разнородных видов труда в соответствии с их стоимостью соответствует состоянию равновесия между двумя данными отраслями производства. Это общее положение в полной мере применимо к тем случаям, когда обмениваются продукты двух видов труда, отличающихся различной квалификацией. Стоимость продукта квалифицированного труда должна превышать стоимость продукта простого (или вообще менее квалифицированного) труда в такой степени, которая компенсировала бы различие условий производства и

¹⁾ Ср. Энгельс, Анти-Дюринг. Издание В. Яковенко, 1907 г., стр. 160.

²⁾ Цит. сочин., стр. 20.

³⁾ См. аналогичное наше возражение А. Богданову выше, в главе „Равенство товаров и равенство труда“.

установила равновесие между указанными видами труда. Продукт часового труда ювелира приравнивается на рынке как раз продукту двухчасового труда сапожника потому, что именно при данной меновой пропорции устанавливается равновесие в распределении труда между обеими этими отраслями производства, и прекращается перелив труда из одной в другую. Проблема квалифицированного труда сводится к изучению *условий равновесия между разнородными видами труда, отличающимися различной квалификацией*. Этим наша проблема еще не разрешена, но уже правильно поставлена. Мы еще не получили ответа на наш вопрос, но уже наметили тот метод, тот путь, который должен привести нас к цели.

По этому пути пошел целый ряд исследователей-марксистов ¹⁾. Они обратили главное свое внимание на то обстоятельство, что продукт квалифицированного труда является результатом не только того труда, который непосредственно затрачен на его изготовление, но и того труда, который необходим для *подготовки* производителя к данной профессии. Последний труд также входит в стоимость продукта и удорожает ее на соответствующую долю. «В продукте сложного труда общество оплачивает эквивалент той ценности, которую создали бы простые трудовые процессы, если бы они были непосредственно потреблены обществом» ²⁾, а не были затрачены на подготовку квалифицированной рабочей силы. Эти трудовые процессы слагаются из труда мастеров и учителей, затраченного на подготовку работника к данной профессии, и из труда самого ученика в период обучения. Разбирая вопрос о том, входит ли труд самого ученика в стоимость продуктов квалифицированного труда, О. Бауэр вполне правильно берет за исходный пункт своих рассуждений условия равновесия между различными отраслями производства ³⁾. Он приходит к следующему выводу: «Наряду со стоимостью, созданною трудом, затраченным непосредственно в процессе производства, и со стоимостью, перенесенною учителями на квалифицированную рабочую силу,—стоимость, созданная самим учеником в процессе обучения, также составляет один из определяющих моментов стоимости продукта, произведенного квалифицированным рабочим на ступени простого товарного производства».

Итак, в стоимость продукта квалифицированного труда входит труд, затраченный на подготовку производителя к данной профессии. Но в профессиях, отличающихся высокою квалификацией и большою сложностью труда, подготовка работников происходит обычно путем отбора наиболее способных учеников из большего числа их. Из трех лиц, обучающихся инженерному делу, кончает образование и достигает цели, быть может, только один. Таким образом, для подготовки одного инженера требуется затрата труда со стороны трех

¹⁾ Гильфердинг, Бем-Баверк, как критик Маркса, М. 1923. — Н. Deutsch, Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus. 1904. — О. Бауэр. Квалифицированный труд и капитализм. Сборник „Основные проблемы политической экономики“ М. 1929.

²⁾ Гильфердинг, указ. соч. стр. 27.

учащихся и соответственно увеличенная затрата труда учителей. Поэтому прилив в данную профессию учеников, из которых только одна третья часть имеет шансы достигнуть цели, будет происходить в достаточных размерах — только при том условии, если повышенная стоимость продуктов данной профессии компенсирует за неизбежную в известных размерах напрасную затрату труда. При прочих равных условиях, *средняя* стоимость продукта часового труда в профессиях, подготовка к которым требует затраты труда со стороны многочисленных соискателей, будет выше, чем средняя стоимость продукта часового труда в профессиях, не представляющих такой трудности ¹⁾. Это обстоятельство повышает стоимость продуктов высоко-квалифицированного труда ²⁾.

Как видим, сведение квалифицированного труда к простому является одним из результатов того объективного общественного процесса уравнивания разных видов труда, который в капиталистическом обществе происходит через уравнивание товаров на рынке. Мы не должны повторять ошибку Адама Смита, принимавшего «объективное уравнивание, которое общественный процесс насильственно устанавливает между неравными видами труда, за субъективное приравнивание индивидуальных работ» (Kritik, S. 42; русский перевод на стр. 59 не точный). Не потому продукт часового труда ювелира

¹⁾ Это положение особенно подробно развито Л. Любимовым (Курс политической экономии, 1923 г. стр. 72—78 и 87—93). К сожалению, Л. Любимов соединил вопрос о том, чем определяется *средняя* стоимость продуктов высоко-квалифицированной профессии, напр., профессии инженера, художника и т. п., с вопросом о том, чем определяется *индивидуальная* цена данного *невоспроизводимого* предмета (картина Рафаэля). Там, где речь идет о воспроизводимых продуктах массового производства (например, труд инженеров мы можем рассматривать, как производящий — за небольшими исключениями — продукты однородные и воспроизводимые), мы можем получить стоимость единичного продукта путем деления стоимости всего производства данной профессии на число изготовленных в ней однородных продуктов. Но это невозможно по отношению к предметам индивидуальным, невозпроизводимым. Из того, что *средняя* стоимость продукта часового труда художника равна стоимости продукта пятичасового простого труда (к часу труда прибавляется час труда, потраченный художником на подготовку, и три часа труда, потраченных на подготовку тремя художниками — неудачниками), несколько не вытекает то обстоятельство, что в цене картины Рафаэля компенсируется напрасная затрата труда тысячи художников — неудачников, а в картине Сальватора Розы только затрата труда ста неудачников. Если Л. Любимов вполне правильно подводит под закон стоимости среднюю стоимость продуктов высоко-квалифицированного труда, то по отношению к индивидуальной цене невозпроизводимых предметов нельзя отрицать момента монополии. Обратную ошибку делает П. Маслов, приписывающий монополичный характер также средней стоимости продуктов высоко-квалифицированного труда (см. „Капитализм“, 1914 г., стр. 191—2).

Маркс не ставит себе целью подводить цены *невоспроизводимых* предметов под закон трудовой стоимости по той простой причине, что последний должен объяснить нам именно законы *производственной* деятельности людей. «Цена предметов, которые „не могут быть воспроизведены трудом, как например, древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д.“ (К. III—2, с. 170), не рассматривается Марксом в его теории стоимости.

²⁾ В капиталистическом обществе сюда прибавляются еще проценты на издержки обучения, рассматриваемые, как затраченный капитал. См. Маслов, цит. соч., стр. 191 и Бауэр, цит. соч., стр. 142.

обменивается на продукт двухчасового труда сапожника, что ювелир субъективно расценивает труд свой в два раза выше труда сапожника. Но обратно: субъективные сознательные расценки производителей определяются объективным процессом уравнивания разных товаров и, через их посредство, разных видов труда на рынке. Конечно, в мотивах своих ювелир заранее рассчитывает на двойную расценку продуктов ювелирного труда по сравнению с продуктами сапожного труда, но своим сознанием он предваряет опыт только потому, что его сознание фиксирует и обобщает предшествующий опыт. Здесь происходит явление, описанное Марксом по аналогичному случаю, при объяснении повышенной нормы прибыли, получаемой теми отраслями капиталистического хозяйства, которые связаны с особым риском, трудностями и т. п. «После того, как за известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, отдельные капиталисты начинают *сознавать*, что в этом процессе уравнивания стираются *определенные различия*, причем эти последние они тотчас же включают в свои взаимные расчеты» (К. III¹, с. 184). Точно также ювелир в акте обмена заранее принимает свою высокую квалификацию «в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации» (там же, с. 184—185), но расчет этот является только следствием общественного процесса обмена, как результата сталкивающихся действий множества товаропроизводителей. Если мы примем труд землекопа за простой и час труда его за единицу, то час труда ювелира равен, скажем, 4 трудовым единицам не потому, что ювелир расценивает его или приписывает ему стоимость 4-х единиц, а потому, что он уравнивает на рынке 4 единицы простого труда. Редукция сложного труда к простому есть реальный процесс, происходящий на рынке и сводящийся в последнем счете к *уравниванию разных видов труда* в процессе распределения общественного труда, а не к различной расценке разных видов труда или к различной ценности *труда* ¹⁾. Так как уравнивание разных видов труда в товарном хозяйстве происходит не иначе, как через рыночное уравнивание их продуктов как стоимостей, то и редукция квалифицированного труда к простому невозможна иначе, как через уравнивание их продуктов. «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда» (К. I, с. 11. Курсив Маркса). «Повсюду стоимости разнообразнейших товаров одинаково выражаются в деньгах, т. е. в определенном количестве золота или серебра. И уже *тем самым* различные виды труда, представляемые этими стоимостями, в различных пропорциях сводятся к определенным количествам одного и того же вида обыкновенного труда, того труда, который производит золото и серебро» (К. I, с. 170. Курсив наш). Предполагать, что редукция квалифицированного труда к простому

¹⁾ Как утверждают Оппенгеймер и другие. См. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit. 2 Aufl 1922, S. 69—70.

должна быть кем-то произведена заранее и предшествовать обмену, чтобы сделать возможным акт приравнивания их продуктов, — значит не понимать самых основ Марксовой теории стоимости.

Как видим, для объяснения высокой стоимости продуктов квалифицированного труда нам не приходится отказываться от теории трудовой стоимости; надо только ясно понять основную идею этой теории, как изучающей законы распределения и равновесия общественного труда в товарно-капиталистическом хозяйстве. С этой точки зрения мы сможем оценить доводы тех критиков Маркса, которые делают проблему квалифицированного труда главной мишенью своих нападков и видят в ней наиболее уязвимое место Марксовой теории¹⁾. Возражения этих критиков могут быть сведены к следующим двум основным: 1) как бы марксисты ни объясняли *причины* высокой стоимости продуктов квалифицированного труда, остается самый *факт* обмена, как эквивалентов продуктов неравных количеств труда, что противоречит теории трудовой стоимости; 2) марксисты не могут указать нам тот критерий или *масштаб*, при помощи которого мы могли бы *заранее* приравнять единицу труда квалифицированного, например, час труда ювелира определенному числу единиц труда простого.

Первое возражение основано на ошибочном предположении, будто теория трудовой стоимости объясняет равенство товаров в обмене физиологическим равенством трудовых затрат, необходимых для их производства. При таком понимании теории трудовой стоимости, нельзя, действительно, отрицать тот факт, что час труда ювелира и четырехчасовой труд землекопа представляют, с физиологической точки зрения, неравные количества труда. Всякие попытки представить час квалифицированного труда, как труд физиологически-сгущенный и энергетически равный нескольким часам труда простого, кажутся нам. безнадежными и методологически неправильными. Квалифицированный труд есть, действительно, труд сгущенный, умноженный, потенцированный, но не физиологически-сгущенный, а социально-сгущенный. Теория трудовой стоимости утверждает не *физиологическое равенство* (этот вопрос не входит в ее компетенцию), а *социальное уравнивание* через акт обмена разных количеств труда, создающих равные стоимости. На рынке обмениваются продукты не равных, но уравненных количеств труда. Наша задача — изучить законы социального уравнивания разных видов труда в процессе распределения общественного труда. Если эти законы объясняют нам причины уравнивания часового труда ювелира с четырехчасовым трудом землекопа, то наша задача разрешена, совершенно независимо от физиологического равенства или неравенства этих социально-уравненных количеств труда.

Второе возражение критиков Маркса навязывает экономической теории совершенно не свойственную ей задачу: найти мерил

мости, делающее практически возможным сравнение между собою различных видов труда. Теория стоимости, однако, не занимается поисками *практического мерила* сравнения, а стремится к *причинному* объяснению того *объективного* процесса уравнивания разных видов труда, который реально происходит в товарно-капиталистическом обществе¹⁾. В капиталистическом обществе этот процесс происходит стихийным, неорганизованным образом; уравнивание разных видов труда не происходит непосредственно, но устанавливается лишь через посредство приравнивания продуктов труда на рынке, в результате сталкивающихся действий множества товаропроизводителей. При таких условиях «общество является тем искусным счетоводом, который один может вычислить высоту цен; метод, которым он при этом пользуется, есть конкуренция»²⁾. Те критики Маркса, которые приписывают простому труду роль мерила или единицы сравнения труда, в сущности подставляют вместо капиталистического общества хозяйство организованное, в котором разные виды труда приравниваются непосредственно, без рыночного обмена и конкуренции, без приравнивания вещей, как стоимостей на рынке.

Отвергая такое смешение теоретической и практической точек зрения и последовательно придерживаясь первой, мы находим, что теория стоимости вполне удовлетворительно объясняет, как *причину* высокой стоимости продуктов квалифицированного труда, так и *изменения* их стоимости. При сокращении продолжительности обучения или вообще при уменьшении затрат труда, необходимых для подготовки к данной профессии, стоимость ее продуктов уменьшается. Этим объясняется целый ряд явлений хозяйственной жизни. Так, например, начиная со второй половины XIX века стоимость продуктов труда торговых служащих, как и стоимость их рабочей силы, значительно понижается. Объясняется это тем, что «предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т. д., с прогрессом науки и народного образования, приобретаются все быстрее и легче, становятся общераспространенными, воспроизводятся дешевле». (К. III¹, с. 277).

В настоящей главе, как и в предыдущих, мы брали за исходный пункт состояние равновесия между различными отраслями общественного производства и разными видами труда. Но, как мы знаем, товарно-капиталистическое общество есть система постоянно нарушаемого равновесия, которое проявляется только в виде тенденции, нарушаемой и задерживаемой различными противодействующими причинами. В области квалифицированного труда тенденция к восстановлению равновесия между разными видами труда действует тем медленнее, чем квалификация труда, большая продолжительность или высокие издержки подготовки к данной профессии ставят немалые препятствия приливу труда в данную профессию из других, более простых. При приложении теоретической схемы к живой действи-

¹⁾ См. книгу Бем-Баверка, Теория Маркса и ее критика. Русск. перев. изд. 1897 г.

¹⁾ См. выше, главу «Общественный труд».

²⁾ Гильфердинг, Бем-Баверк, как критик Маркса. 1923, стр. 28.

тельности, приходится учитывать задерживающее влияние этих препятствий. Трудность доступа в высшие профессии создает для них некоторый элемент монополии. С другой стороны, выделяются «низшие, постоянно переполненные вследствие своей простоты и плохо оплачиваемые отрасли труда» (К. I, с. 421). Нередко трудность доступа в высшую профессию и происходящий при этом отбор отбрасывают многих неудачных соискателей в низшие профессии, содействуя тем еще большему их переполнению¹⁾. Кроме того, техническое и организационное усложнение капиталистического процесса производства создает усиленный спрос на новые виды квалифицированной рабочей силы, несоразмерно повышая оплату, как этой рабочей силы, так и ее продуктов. Это, так сказать, временная (иногда кратковременная, иногда более длительная) «премия за квалификацию», возникающая в динамическом процессе изменения квалификации труда. Но подобно тому, как отклонения рыночных цен от стоимости не опровергают, а делают только возможным осуществление закона стоимости, точно так же эта «премия за квалификацию», знаменуя собою отсутствие равновесия между разными видами труда, в свою очередь содействует повышению квалификации труда и перераспределению производительных сил в сторону равновесия общественного хозяйства.

Глава шестнадцатая.

ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД.

Закончивши изучение *качественной* стороны труда, мы можем теперь перейти к анализу его *количественной* стороны.

Как известно, Маркс, утверждая, что величина стоимости товара изменяется в зависимости от труда, потраченного на его производство, имеет в виду не тот индивидуальный труд, который фактически потрачен данным производителем на производство данного экземпляра товара, а *среднее* количество труда, необходимое для производства товара при *данном состоянии производительных сил*. «Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, напр., в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требуется, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употребляет на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь продукт его индивидуального рабочего часа представляет лишь половину по сравнению с общественным рабочим часом,

¹⁾ Маслов, Капитализм. Стр. 192.

и стоимость этого продукта уменьшилась поэтому вдвое» (К. I, с. 5—6).

Общественно-необходимое рабочее время определяется уровнем производительных сил, понимая последние в широком смысле, как совокупность материальных и личных факторов производства. Общественно-необходимое рабочее время изменяется в зависимости не только от изменений «условий производства», т. е. его материально-технических и организационных факторов, но и от изменений в рабочей силе, в «умелости и интенсивности труда».

Общественно-необходимое рабочее время противопоставляется *индивидуальному*, которое различно в различных предприятиях одной и той же отрасли производства. Оно выражает ту особенность товарного хозяйства, что на рынке устанавливается *одна и та же цена* на все экземпляры товаров данного рода и качества, независимо от того, в каких индивидуальных технических условиях эти товары произведены, и какое количество индивидуального труда потрачено на их производство в различных предприятиях. Общество, основанное на товарном хозяйстве, регулирует не непосредственно трудовую деятельность людей, а стоимость продуктов труда, товаров. Рынок не принимает во внимание индивидуальных особенностей и отклонений в трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей или отдельных хозяйств. «Каждый отдельный товар функционирует в данном случае лишь как средний экземпляр своего рода» (К. I, с. 6). Каждый отдельный товар продается не по своей индивидуальной стоимости, а по средней общественной стоимости, которую Маркс в III томе «Капитала» называет рыночной стоимостью.

Все предприятия одной и той же отрасли производства мы можем расположить в нисходящий ряд, по степени их технического развития, начиная с наиболее производительных и кончая наиболее отсталыми. При всем различии в индивидуальной стоимости продуктов в каждом из этих предприятий или в каждой группе их (для простоты разделим их, по примеру Маркса, на три группы: высшей производительности, средней и низшей), они продаются на рынке по одной и той же цене, которая определяется в последнем счете (через отклонения и нарушения) их средней или рыночной стоимостью. «Товары, индивидуальная стоимость которых стоит ниже рыночной, реализуют избыток прибавочной стоимости или прибыли. Тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать часть заключающейся в них прибавочной стоимости» (К. III, с. 154). Эта разница между рыночной стоимостью и индивидуальной, создавая различную выгодность производства для предприятий с различной производительностью труда, является основным двигателем *технического прогресса* в капиталистическом обществе. Каждое капиталистическое предприятие стремится ввести новейшие технические усовершенствования, понижающие индивидуальную стоимость производства по сравнению с средней рыночной и дающие ему возможность извлекать сверхприбыль. Предприятия с отсталою техникою стремятся уменьшить индивидуальную стоимость своих

продуктов, по возможности до уровня рыночной; иначе им грозит конкуренция более производительных предприятий и гибель. Победа крупного производства над мелким, рост технического прогресса и концентрация производства на более крупных и технически усовершенствованных предприятиях — являются следствием продажи товаров на рынке по средней рыночной стоимости, независимо от стоимости индивидуальной.

При данном состоянии производительных сил в данной отрасли производства (беря последнюю, как совокупность предприятий с самою различною производительностью), рыночная стоимость есть величина определенная. Но ошибочно думать, что она есть величина заранее данная и установленная, так сказать, вычисленная на основе данного состояния техники. Ведь, как указано, техника в различных предприятиях различная. Рыночная стоимость есть величина, устанавливающаяся в результате борьбы на рынке множества продавцов — товаропроизводителей, производящих в различных технических условиях и выносящих на рынок товары, обладающие различною индивидуальною стоимостью. Как было уже указано в 13-ой главе, превращение индивидуального труда в общественно-необходимый происходит через посредство того же акта рыночного обмена, который превращает частный и конкретный труд в общественный и абстрактный.

«Различные индивидуальные стоимости должны уравниваться, образовав одну общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличность конкуренции между производителями одного и того же вида товаров и, кроме того, наличность рынка, на котором они совместно предлагают свои товары» (К. III¹, с. 155—156). Рыночная стоимость есть равнодействующая борьбы на рынке между различными производителями данной отрасли производства (причем берется нормальное состояние рынка, предполагающее соответствие спроса предложению и, следовательно, равновесие между данной отраслью производства и другими, о чем см. ниже). Подобно этому, общественно-необходимый труд, определяющий рыночную стоимость, есть *равнодействующая различной производительности труда* в отдельных предприятиях. Общественно-необходимый труд определяет стоимость товаров лишь в той мере, в какой рынок объединяет всех производителей данной отрасли и подчиняет их одним и тем же условиям рыночного торга. По мере расширения рынка и подчинения ему отдельных товаропроизводителей, создается единообразная для всех товаров данного рода и качества рыночная стоимость, и приобретает значение общественно-необходимый труд. Рыночная стоимость устанавливается конкуренцией товаропроизводителей одной и той же отрасли производства. Но в развитом капиталистическом обществе мы имеем также конкуренцию капиталов, занятых в различных отраслях производства. Передвижение капиталов из одной отрасли в другую, т. е. «конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравнивающую норму прибыли между

различными отраслями» (К. III¹, с. 155). Рыночная стоимость принимает вид цены производства.

Если рыночная стоимость есть результат общественного процесса конкуренции между предприятиями различной производительности, то, спрашивается, какая именно группа предприятий определяет эту рыночную стоимость. Иначе говоря, какую величину представляет средний общественно-необходимый труд, определяющий рыночную стоимость. По мнению Маркса, в нормальных условиях рыночная стоимость определяется индивидуальною стоимостью *наибольшего количества товаров* из числа всех фигурирующих на рынке. Если большая часть товаров произведена в предприятиях с средней производительностью труда и лишь незначительная часть произведена в наилучших и наихудших условиях, то рыночная стоимость регулируется предприятиями средней производительности. Это наиболее часто встречающийся случай. Если «часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину, как по сравнению с средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью» т. е. произведенными в наилучших условиях, то «рыночная стоимость или общественная стоимость регулируется товарной массой произведенной при худших условиях» (К. III¹, с. 158). Наконец, если на рынке преобладают товары, произведенные в наилучших условиях, то они будут определять рыночную стоимость. Иначе говоря, *общественно-необходимым трудом* может являться как труд *средней* производительности (это имеет место в большинстве случаев), так и труд *высшей* или *низшей* производительности. Требуется только, чтобы труд высшей (или низшей) производительности доставлял на рынок наибольшее количество товаров, т. е., чтобы он представлял средний (не в смысле средней производительности, а в смысле наибольшей распространенности) труд данной отрасли производства ¹⁾.

¹⁾ К. Диль неправильно утверждает, что общественно-необходимым Маркс считает только труд, затрачиваемый в предприятиях средней производительности. Если же в данной отрасли производства преобладает масса товаров, произведенная в наихудших условиях, и потому рыночная стоимость определяется трудом низшей производительности, то «здесь вследствие определенных условий предложения решающим является не общественно-необходимое рабочее время, а величина, превосходящая его» (K. Diehl. Ueber das Verhältnis von Wert und Preis im ökonomischen System von Marx, 1898, S. 23—24). Такое утверждение могло бы относиться только к случаям несоответствия между спросом и предложением, вызывающего отклонение цены от рыночной стоимости: в таких случаях решающим является не общественно-необходимое рабочее время, а величина, превосходящая или не достигающая его. Но Диль отлично понимает, что изложенные рассуждения Маркса относятся не к таким случаям отклонения цены от рыночной стоимости (о чем см. ниже), а имеют в виду как раз «соответствие общей массы продукта общественной потребности» (там же, S. 24), т. е. равновесие между данной отраслью производства и другими. А раз это равновесие наступает при определении рыночной стоимости трудом низшей производительности, то именно этот труд и считается общественно-необходимым.

Если Диль считает общественно-необходимым только труд средней производительности, то другие авторы склонны признавать таковым только труд высшей производительности, затрачиваемый в наилучших технических условиях. «Дей-

В изложенных рассуждениях Маркс предполагает нормальный ход производства, соответствие между предложением товаров и платежеспособным спросом, т. е. те случаи, когда покупатели закупают все выброшенное на рынок количество товаров данного рода по их нормальной рыночной стоимости. Последняя, как мы видели, определяется трудом высшей, средней или низшей производительности; все эти виды труда могут представлять *общественно-необходимый труд* в зависимости от *технической структуры данной отрасли производства*, от соотношения в ней предприятий различной производительности. Но все эти различные случаи определения рыночной стоимости при нормальном спросе и предложении надо резко отличать от случаев несоответствия спроса и предложения, когда рыночная цена отклоняется от рыночной стоимости вверх, при преобладании спроса, или вниз, при преобладании предложения. «Мы отвлекаемся здесь от случая переполнения рынка, при котором рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, но с различными определениями самой рыночной стоимости в зависимости от численного преобладания той или иной группы предприятий (высшей, средней или низшей производительности)?»

Ответ на этот вопрос мы найдем в механизме распределения труда и равновесия между различными отраслями общественного производства. Рыночная стоимость соответствует теоретически-мыслимому состоянию равновесия между различными отраслями производства. При продаже товаров по рыночной стоимости, это состояние равновесия сохраняется, т. е. производство данной отрасли не расширяется и не сокращается за счет других отраслей. Равновесие между различными отраслями производства, соответствие общественного производства общественной потребности и совпадение рыночной цены с рыночной стоимостью, — все эти явления тесно между собою связаны и друг другу сопутствуют. «Чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собою, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклоняясь от нее ни вверх, ни вниз, давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико для того, чтобы выбросить на рынок массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость» (К. III, стр. 156). Совпадение цены с рыночной стоимостью соответствует состоянию равновесия между различными отраслями производства. Различия в определении рыночной стоимости

ствительная меновая стоимость всех продуктов зависит от рабочего времени, необходимого при наиболее развитых технических методах производства, от „общественно-необходимого“ рабочего времени“ (W. Liebknecht. Zur Geschichte der Werttheorie in England, 1902, S. 94 или русск. перев. стр. 144). Как видно из текста, это мнение также не соответствует учению Маркса.

трудом высшей, средней или низшей производительности станут нам понятны, если мы обратим внимание на роль рыночной стоимости в механизме распределения и равновесия труда. При численном преобладании предприятий высшей производительности, точнее массы товаров, произведенной в наилучших условиях, рыночная стоимость не может регулироваться стоимостью производства в средних или худших условиях, ибо это создало бы повышенные сверхприбыли в предприятиях высшей производительности и повело бы к значительному расширению в них производства. Это расширение производства, при численном преобладании данной группы предприятий, повело бы на рынке к преобладанию предложения и понижению цены до уровня стоимости в предприятиях высшей производительности. Аналогичное рассуждение применимо к случаям численного преобладания других групп предприятий, а именно средней или низшей производительности. Различные случаи *регулирования рыночной стоимости* (или, что то же самое, *определения общественно-необходимого труда*) объясняются различными *условиями равновесия данной отрасли производства с другими*, в зависимости от преобладания в ней предприятий различной производительности, т. е. в последнем счете в зависимости от состояния *производительных сил*.

Итак, общественно-необходимым трудом, определяющим рыночную стоимость товаров данной отрасли производства, может быть труд высшей, средней или низшей производительности. Какой именно труд является общественно-необходимым, — зависит от *состояния производительных сил в данной отрасли производства*, и прежде всего от численного преобладания предприятий различной производительности (как указано уже было выше, речь идет не о числе предприятий, а о массе товаров, произведенных в них) ¹⁾. Но не только от этого.

Представим себе две отрасли производства, с совершенно одинаковым количественным распределением предприятий различной производительности. Скажем, предприятия средней производительности составляют 40% общего их числа, а предприятия высшей и низшей производительности по 30%. Но между двумя указанными отраслями производства имеется следующее существенное отличие. В первой из них производство на лучше оборудованных предприятиях доступно быстрому и значительному расширению (напр., вследствие особой выгодности концентрации производства, возможности получить из-за границы или быстро изготовить внутри страны нужные машины, обилия сырья, наличности рабочей силы, пригодной для машинного производства и т. п.). Во второй отрасли производства крупное производство может быть расширено медленнее и не в таких больших размерах. Можно сказать заранее, что в первой отрасли

¹⁾ „От численного соотношения или пропорционального количественного соотношения классов (предприятий различной производительности. И. Р.) зависит, какой из них окончательно определяет среднюю стоимость“ (Theorien über den Mehrwert, B. II, T. 1, S. 56).

рыночная стоимость будет иметь тенденцию установиться, — конечно, при прочих равных условиях, — на более низком уровне, чем во второй. Т. е. в первой отрасли рыночная стоимость будет ближе к издержкам производства в предприятиях высшей производительности. Во второй же отрасли она может подняться выше.

Если бы рыночная стоимость в первой отрасли поднялась так высоко, как во второй, это вызвало бы быстрое и большое расширение производства в предприятиях высшей производительности, переполнение рынка, нарушение равновесия между спросом и предложением, понижение цен. Для первой отрасли производства сохранение равновесия между нею и остальными отраслями народного хозяйства предполагает, что рыночная стоимость приближается к ценам производства в предприятиях высшей производительности. Во второй отрасли производства равновесие общественного хозяйства возможно и при более высоком уровне рыночной стоимости, т. е. при приближении ее к ценам производства в предприятиях низшей производительности.

Возможны, наконец, такие случаи, когда равновесие общественного хозяйства наступает при том условии, если рыночная стоимость определяется не индивидуальными издержками производства в данной группе предприятий (напр., высшей производительности); а среднюю цифрой между издержками производства данной группы и ближайшей к ней другой группы. Особенно часто это может иметь место, если в данной отрасли производства предприятия по своей производительности разделяются не, как мы предполагали, на три группы, а на две группы, высшей и низшей производительности. Само собою понятно, что «средняя цифра» понимается нами здесь не в смысле средней арифметической: она может быть ближе к издержкам группы высшей или низшей производительности, в зависимости от условий равновесия между данной отраслью производства и другими. Поэтому слишком упрощает вопрос Л. Будин, утверждая, что в случае введения технических усовершенствований и новых методов производства, стоимость «произведенных товаров будет измеряться не средней затратой труда, а затратой его или при старом, или при новом методе производства» ¹⁾.

Итак, различные случаи определения рыночной стоимости или, что то же, общественно-необходимого труда объясняются различными условиями равновесия между данной отраслью и другими отраслями народного хозяйства, в зависимости от состояния производительных сил. Рост *производительной силы* труда в данной отрасли производства, изменяя *условия равновесия* ее с прочими отраслями, изменяет величину *общественно-необходимого* труда и *рыночной стоимости*. «Рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда» (К. I, с. 6). «Чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше кристаллизованная в нем масса

¹⁾ Л. Будин. Теоретическая система Маркса. русск. изд. 1908 г., стр. 78.

труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость» (К. I, с. 7). В Марксовой теории понятие *общественно-необходимого* труда тесно связано с понятием *производительной силы труда*. В товарном хозяйстве развитие производительных сил находит свое экономическое выражение в изменении общественно-необходимого труда и определяемой им рыночной стоимости. Движение стоимости на рынке есть отражение процессов развития производительности труда. Яркую формулировку этой мысли дал Зомбарт в своей известной статье, посвященной III тому «Капитала». «Стоимость есть специфическая историческая форма, в которой выражается производительная сила общественного труда, управляющая в последнем счете всеми хозяйственными явлениями» ¹⁾. Зомбарт сделал, однако, ту ошибку, что в учении об общественно-необходимом труде усмотрел все содержание теории стоимости Маркса. Но учение об общественно-необходимом труде охватывает только количественную, а не качественную сторону стоимости. «То обстоятельство, что количество содержащегося в товаре труда есть количество общественно-необходимое для его производства, — и, следовательно, рабочее время есть необходимое рабочее время, — это определение относится только к величине стоимости» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 160—161). Зомбарт ограничился тою стороною Марксовой теории, которая занимается «сущностью и величиною стоимости», т. е. зависимостью ее от движения материального процесса производства, и не заметил наиболее оригинальной части Марксовой теории, а именно учения о «форме стоимости» ²⁾.

Выше было уже указано, что различные разобранные нами случаи определения рыночной стоимости надо строго отличать от случаев отклонения цен от рыночной стоимости, в результате преобладания спроса над предложением или обратно. Если рыночная стоимость при нормальных условиях определяется средними издержками, то, при преобладании спроса, рыночная цена будет отклоняться от рыночной стоимости вверх и определяться издержками в предприятиях низшей производительности. Обратное будет иметь место при чрезмерном предложении. «Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости» (К. III, с. 160). Маркс строго отличает те случаи, когда сама рыночная стоимость определяется, скажем, издержками в предприятиях высшей производительности вследствие того, что в них произведена наибольшая масса товаров, от тех случаев, когда рыночная стоимость определяется

¹⁾ Sombart, Zur Kritik des oekonomischen Systems von Marx в Braun's Archiv für soziale Gesetzgebung u. Statistik, 1894. B. VII, S. 577, русский перевод в Научном Обозрении за 1898 г., № 4.

²⁾ Этот основной недостаток интерпретации Зомбарта отметил еще С. Булгаков в статье «Что такое трудовая ценность» (Сборники правоведения и общественных знаний, 1896 г., т. VI, стр. 238).

в нормальных случаях средними издержками, но вследствие переполнения рынка рыночная цена отклоняется от рыночной стоимости и определяется издержками в предприятиях высшей производительности (см. К. III¹, стр. 158 и 160—161). В первом случае продажа товаров по ценам производства предприятий высшей производительности означает *нормальное* состояние рынка и *равновесие* между данной отраслью производства и другими. Во втором случае продажа товаров по тем же ценам производства вызвана *ненормальным* переполнением рынка и неизбежно вызывает сокращение производства в данной отрасли, т. е. означает *отсутствие равновесия* между отдельными отраслями производства. В первом случае товар продается по своей *рыночной стоимости*, во втором случае *цена его отклоняется* от рыночной стоимости, определяемой общественно-необходимым трудом.

Отсюда видно, какую ошибку делают те истолкователи Маркса, которые говорят, что и в случаях переполнения рынка (или недостатка товаров) товар продается в соответствии с общественно-необходимым трудом, потраченным на его производство. Под общественно-необходимым трудом они понимают не только тот труд, который при данном состоянии производительных сил требуется на производство одного экземпляра данного товара, но всю ту сумму труда, которую общество в совокупности может затратить на производство данного вида товаров. Если общество может затратить при данном состоянии производительных сил на изготовление обуви один миллион рабочих дней (что даст один миллион пар ботинок), а затратило 1.250.000 дней, то изготовленные 1.250.000 пар ботинок представляют только один миллион общественно-необходимого труда, а одна пара ботинок—0,8 рабочего дня. Пара ботинок продается не за 10 руб. (предполагая, что труд одного дня создает стоимость в 10 рублей), а за 8 руб. Должны ли мы сказать, что вследствие чрезмерного производства изменилось само количество общественно-необходимого труда, содержащегося в одной паре ботинок, хотя техника производства ботинок ничуть не изменилась? Или же мы должны сказать: хотя количество общественно-необходимого труда, потребного для производства пары ботинок, не изменилось, но вследствие переполнения рынка ботинки продаются по рыночной цене, которая ниже рыночной стоимости, определяемой общественно-необходимым трудом. Указанные истолкователи Маркса отвечают в первом смысле, устанавливая так называемое «экономическое» понятие необходимого труда, т. е. признавая, что общественно-необходимый труд изменяется в зависимости не только от изменений в производительной силе труда, но и от изменений в соответствии между общественным спросом и предложением. Мы же, устанавливая зависимость общественно-необходимого труда от производительной силы труда, отвечаем во втором смысле. Одно дело, когда вследствие улучшения техники время, необходимое для производства пары ботинок, уменьшилось с 10 часов до 8 часов. Это означает уменьшение общественно-необходимого труда, понижение стоимости, общее

понижение цен на ботинки, как постоянное нормальное явление. Другое дело, когда вследствие переполнения рынка пара ботинок продается за 8 руб., хотя на производство ее требуется попрежнему 10 часов. Это ненормальное состояние рынка, которое приводит к сокращению производства ботинок; это временное понижение цен, имеющих тенденцию вернуться к прежнему уровню. В первом случае мы имеем «изменение в условиях производства, т. е. изменение в самом необходимом рабочем времени» (Теории прибавочной стоимости, Т. I, русск. перев. под ред. В. Железнова, стр. 151 или под ред. Плеханова, стр. 184—185). В последнем случае «хотя каждая часть продукта стоила только общественно-необходимое рабочее время (здесь предполагается, что условия производства остаются равными), но в этой отрасли было затрачено излишнее количество общественного труда, больше, чем его необходимая общая масса» (там же).

Сторонники расширения понятия общественно-необходимого труда делают следующие коренные методологические ошибки:

1) Они смешивают нормальное состояние рынка с ненормальным, законы *равновесия* между различными отраслями производства с случаями *нарушения* равновесия, которые не могут не быть временными.

2) Тем самым они разрушают понятие *общественно-необходимого* труда, как предполагающего равновесие между данной отраслью производства и другими.

3) Они игнорируют механизм отклонения рыночных цен от стоимости, неправильно рассматривая продажу товара по любой цене, в любых, самых ненормальных условиях рынка, как продажу в соответствии с стоимостью. *Цена* смешивается с *стоимостью*.

4) Они разрывают тесную связь понятия общественно-необходимого труда с понятием *производительной силы труда*, допуская изменение первого без соответствующего изменения последней.

К подробному разбору «экономической» версии общественно-необходимого труда мы переходим в следующей главе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

СТОИМОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ.

1. СТОИМОСТЬ И СПРОС.

Сторонники так называемого «экономического» понимания общественно-необходимого труда говорят: Товар может продаваться по своей стоимости только при том условии, если общее количество произведенных товаров данного сорта соответствует размерам общественной потребности в них или — что то же самое — если количество труда, потраченное фактически в данной отрасли промышленности, совпадает с тем количеством труда, которое общество при данном состоянии производительных сил может затратить на про-

изводство данного сорта товаров. Но ведь очевидно, что последнее количество труда зависит от размеров общественной потребности в данном продукте или от размеров спроса на него. Значит, стоимость товара зависит не только от *производительности труда*, выражающейся в том количестве труда, которое при данных средних технических условиях требуется для производства единицы товара, но и от размеров *общественной потребности* или спроса. Противники изложенного мнения возражают, что изменения в спросе, не сопровождаемые изменениями в производительности труда и технике производства, вызывают только временные отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, но не длительное, постоянное изменение средних цен, т. е. не вызывают изменения самой стоимости. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть, как действует механизм спроса и предложения (или конкуренции) ¹⁾.

«Предложение равно сумме продавцов или производителей данного определенного вида товаров, а спрос равен сумме покупателей или потребителей (индивидуальных или производительных) того же самого вида товаров» (К. III¹, с. 169). Остановившись сперва на спросе, мы должны определить его точнее: спрос равен сумме покупателей, умноженной на среднее количество товаров, покупаемых каждым из них, т. е. спрос равен сумме товаров, которые находят себе покупателей на рынке. На первый взгляд кажется, что размер спроса есть величина точно определенная, зависящая от размеров общественной потребности в данном продукте. Но это не так. «Количественная определенность этой потребности во всяком случае эластична и не постоянна. Она только кажется фиксированною. Если бы средства существования были *дешевле* или денежная заработная плата была *выше*, то рабочие покупали бы больше, и таким образом, обнаружилась бы более настоятельная «общественная потребность» в данных сортах товаров» (К. III¹, с. 164. Курсив наш). Как видим, размер спроса определяется не только настоятельностью данной потребности, но и размерами доходов или *платежеспособностью* покупателей, а также *ценами* товаров. Спрос крестьянского населения на ситец может расширяться: 1) либо вследствие увеличения потребности крестьянского населения в ситце вместо домашнего холста (мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, какими экономическими или вообще социальными причинами вызывается такое изменение потребностей); 2) либо вследствие увеличения доходов и покупательной способности крестьянства; 3) либо вследствие понижения цены ситца. При данной скале потребностей и данной покупательной силе (т. е. при данном распределении доходов в обществе), спрос на данный товар изменяется в зависимости от изменения его

¹⁾ Историю вопроса о так называемой «технической» и «экономической» версиях общественно-необходимого труда читатель найдет в книгах: Т. Григорович. «Теория стоимости у Маркса и Лассалю». М. 1923 г.; Диль, «Комментарий к Основным Началам Рикардо». Спб. 1912. См. полемику в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922—23 гг. (статьи Ш. М. Дволайцкого, А. Мендельсона, В. Мотылева и друг.).

цены. Спрос «изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда падают эти последние, и наоборот» (К. III¹, с. 166). «Расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены» (там же, с. 83). Влияние, оказываемое удешевлением товара на расширение потребления его, будет сильнее в том случае, если это удешевление носит не скоропреходящий, а длительный характер, т. е. если оно вызвано развитием производительности труда в данной отрасли и уменьшением стоимости продукта (К. III², с. 193).

Итак, размер спроса на данный товар изменяется при изменении цены последнего. *Спрос представляет величину определенную только при данной цене товара.* Зависимость размера спроса от изменений цены имеет для различных товаров неодинаковый характер. Спрос на предметы первой необходимости, например, хлеб, соль и т. п., отличается малою эластичностью, т. е. колебания размеров их потребления и, следовательно, спроса на них не так значительны, как вызывающие их колебания цен. Если цена хлеба упадет в два раза, размеры потребления хлеба увеличатся не вдвое, а меньше.

Но, тем не менее, удешевление хлеба все же вызовет увеличение спроса на него. Отчасти увеличится непосредственное потребление хлеба. Далее, «часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива, а возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами» (К. III², с. 193). Наконец, при удешевлении, например, пшеницы «вместо ржи или овса главным средством питания массы народа делается пшеница» (там же, с. 194), что увеличит спрос на нее. Таким образом, даже предметы первой необходимости подчиняются общему закону, согласно которому размеры *потребления* и, следовательно, *спроса* на данный товар изменяются в обратном отношении к изменению его *цены*. Эта зависимость спроса от цены вполне понятна, если вспомнить ограниченность покупательных сил широких масс населения, и в первую очередь наемных рабочих, в капиталистическом обществе. Только дешевые товары доступны трудящимся слоям населения. Только по мере своего удешевления различные товары входят в круг потребления широких масс населения, становятся предметами массового спроса.

В капиталистическом обществе не только общественная потребность вообще, но даже платежеспособная общественная потребность или спрос не представляют, как мы видели, фиксированной, точно определенной величины. Величиною определенной спрос становится только при данной цене. Если мы говорим, что спрос на сукно в течение года в данной стране равен 240.000 аршинам, то мы должны непременно прибавить: «при данной цене», например, 2 р. 75 к. за аршин. Таким образом, спрос может быть нами представлен в виде схемы, показывающей различные размеры спроса, соответствующие различным ценам.

Представим себе следующую схему спроса на сукно¹⁾:

С х е м а № 1.

При цене в рублях (за аршин):	Спрос равен (в аршинах):
7 р. — к.	30.000
6 " — "	50.000
5 " — "	75.000
3 " 50 "	100.000
3 " 25 "	120.000
3 " — "	150.000
2 " 75 "	240.000
2 " 50 "	300.000
2 " — "	360.000
1 " — "	450.000

Эту схему можно продолжить и вверх и вниз: вверх до тех пор, пока товар будет находить хотя бы небольшую группу покупателей из богатых классов общества, вниз до тех пор, пока потребность широких масс населения в сукне не будет уже удовлетворена настолько полно, что дальнейшее удешевление не вызовет расширения спроса. Между этими двумя пределами возможно бесконечное число комбинаций размера спроса с уровнем цены. Какая же из этих возможных комбинаций осуществится в реальной действительности? Из самого спроса мы не можем усмотреть, имеет ли больше шансов на реальное осуществление размер спроса в 30.000 аршин при цене 7 руб. за аршин, или 450.000 аршин при цене в 1 руб., или же какая-нибудь комбинация, лежащая между этими двумя крайними. *Реальный размер спроса* определяется развитием *производительности труда*, которое находит свое выражение в *стоимости* аршина сукна.

Обратимся к условиям производства сукна. Предположим, что все суконные фабрики работают при одинаковых технических условиях. Производительность труда в суконной промышленности находится на таком уровне, при котором на производство аршина сукна необходимо в среднем затратить $2\frac{3}{4}$ часа труда (включая затраты на сырье, машины и пр.). Предполагая, что час труда создает стоимость, равную одному рублю, получаем рыночную стоимость одного аршина сукна 2 р. 75 к. В условиях капиталистического хозяйства средняя цена сукна равна не трудовой стоимости, а цене производства. В таком случае предположим, что цена производства равна 2 р. 75 к. Вообще под рыночную стоимость в дальнейшем можно понимать безразлично и трудовую стоимость и цену производства. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. представляет минимум, ниже которого цена сукна надолго не может упасть, так как такое падение цены вызвало бы сокращение производства сукна и отлив капиталов

¹⁾ Как абсолютные цифры, так и темп возрастания спроса взяты нами совершенно произвольно.

в другие отрасли. Предположим, далее, что стоимость аршина сукна равна 2 р. 75 к. независимо от того, изготавливается ли большее или меньшее количество сукна. Иначе говоря, увеличение производства оставляет неизменным количество труда или издержек производства, затрачиваемых на изготовление одного аршина сукна. В таком случае, рыночная стоимость 2 р. 75 к., «этот минимум, которым могут удовлетворяться производители, будет также максимумом»¹⁾, выше которого цена не может надолго подняться, так как такое повышение цены вызвало бы прилив капиталов из других отраслей и расширение суконного производства. Таким образом, из бесчисленного количества возможных комбинаций размера спроса с ценою только одна комбинация имеет шансы на *длительное* существование, а именно та комбинация, в которую в качестве цены входит *рыночная стоимость*, т. е. комбинация, занимающая в нашей схеме № 1 седьмое место сверху: 2 р. 75 к. — 240.000 аршин. Разумеется, эта комбинация не осуществится в точности, но будет представлять то состояние равновесия, тот средний уровень, вокруг которого будут колебаться действительные рыночные цены и действительный размер спроса. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. определяет размер платежеспособного спроса, 240.000 аршин, и к этой же цифре будет тяготеть и предложение, т. е. размер производства. Увеличение производства, например, до 300.000 аршин, вызовет, как видно из схемы, падение цены ниже рыночной стоимости, до 2 р. 50 к., что невыгодно для фабрикантов и заставит их сократить производство. Обратное будет происходить в случае сокращения производства ниже 240.000 аршин. Нормальные размеры производства или предложения будут равны 240.000 аршин. Таким образом, все комбинации нашей схемы, за исключением одной, могут иметь только кратковременное существование, отражающее ненормальную рыночную конъюнктуру и означающее отклонение рыночных цен от рыночной стоимости. Из всех возможных комбинаций только та, в которую входит рыночная стоимость: 2 р. 75 к. — 240.000 арш., представляет состояние равновесия. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. может быть названа *ценою равновесия* или нормальной ценою, а размер производства 240.000 аршин — *количеством равновесия*²⁾, представляющим одновременно и нормальный спрос и нормальное предложение.

Среди бесчисленного множества неустойчивых комбинаций спроса мы нашли только одну устойчивую комбинацию равновесия, состоящую из *цены равновесия (стоимости)* и соответствующего ей *количества равновесия*. Устойчивость этой комбинации объясняется устойчи-

¹⁾ Джон Стюарт Милль: «Основания политической экономии». Русск. изд. 1865 г., стр. 508, или: «Полное собрание сочинений Н. Чернышевского», Т. VII, 1905 г., стр. 422.

²⁾ Термины «цена равновесия» и «количество равновесия» употребляет Marshall, Principles of economics, 1910, p. 345. Определение «нормальное» употребляется нами не в смысле должностного, а в смысле среднего уровня.

востью именно цены равновесия (стоимости), а не количества равновесия. Механизм капиталистического хозяйства не объясняет нам, почему количество предложения, при всех колебаниях вверх и вниз, должно тяготеть именно к величине 240.000 аршин; но он вполне объясняет нам тот факт, что рыночные цены, при всех своих колебаниях вверх и вниз, должны тяготеть к стоимости (или цене производства) 2 р. 75 к., вследствие чего и количество предложения тяготеет к 240.000 аршин. *Состояние техники определяет стоимость продукта, а стоимость в свою очередь определяет, при данном состоянии потребностей и платежеспособности населения, нормальный размер спроса и соответствующий ему нормальный размер предложения; отклонение фактического предложения от нормального (т. е. перепроизводство или недопроизводство) вызывает отклонение рыночных цен от стоимости, которое в свою очередь вызывает тенденцию к изменению фактического предложения в сторону нормального. Если вся эта система колебаний или механизм спроса и предложения вращается вокруг постоянной величины — стоимости, определяемой техникой производства, — то изменение этой стоимости в результате развития производительных сил вызывает соответствующие изменения во всем механизме спроса и предложения, создает в нем новый центр тяготения, изменяет величину нормального спроса и нормального предложения. Если вследствие развития производительности труда количество общественно-необходимого труда, требуемого для производства аршина сукна, уменьшилось с $2\frac{3}{4}$ часов до $2\frac{1}{2}$ часов и, следовательно, стоимость аршина сукна упала с 2 р. 75 к. до 2 р. 50 к., то тем самым, при прежних потребностях и покупательных силах населения, размер нормального спроса и нормального предложения установится на уровне 300.000 аршин. *Изменение стоимости вызывает изменение спроса и предложения. Поэтому, если спрос и предложение определяют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношение спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены» (К. III¹, с. 156). Иначе говоря, стоимость (или нормальная цена) определяет нормальный спрос и нормальное предложение; отклонения фактического спроса или предложения от их нормального уровня определяют «рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости», отклонения, которые в свою очередь вызывают тенденцию к движению в сторону равновесия. Стоимость регулирует цены через нормальный спрос и нормальное предложение. Состоянием равновесия между спросом и предложением мы называем такое состояние, при котором товары продаются по своей стоимости. А так как продажа товаров по их стоимости соответствует состоянию равновесия между различными отраслями производства, то получаем следующий вывод: *равновесие между спросом и предложением наступает при наличии равновесия между различными отраслями производства.* Мы допустили бы методологическую ошибку, если бы**

приняли равновесие между спросом и предложением за исходный пункт экономического исследования. Таковым остается попрежнему равновесие в распределении общественного труда между различными сферами производства.

Хотя взгляды Маркса на спрос и предложение, изложенные в десятой главе III тома «Капитала» и мимоходом в других местах, носят отрывочный характер, тем не менее мы встречаем у него указания, свидетельствующие о том, что механизм спроса и предложения понимался им в изложенном выше смысле. Как говорит Маркс, рыночная цена будет соответствовать рыночной стоимости при том условии, если продавцы выбросят на рынок «массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость» (К. III¹, с. 156). По словам Маркса, «общественной потребности соответствует такое количество товаров, которое находит себе покупателей по цене, равной стоимости, т. е. количеству, которое мы выше назвали «нормальным спросом» или «нормальным предложением». В другом месте Маркс говорит о «разнице между количеством произведенных товаров и тем количеством их, при котором они продаются по их рыночной стоимости» (там же, с. 161), т. е. о разнице между фактическим и «нормальным предложением». Этим самым для нас объясняются многочисленные места Маркса, где он говорит об «обычной» общественной потребности, «обычных» размерах спроса и предложения. Он имеет в виду «нормальный спрос» и «нормальное предложение», соответствующие данной стоимости и изменяющиеся при ее изменении. Об одном английском экономисте Маркс пишет: «Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз *изменение в издержках производства*, а следовательно, и в *стоимости*, изменяет *спрос* и, следовательно, отношение спроса к предложению, и что это изменение спроса может вызвать изменение *предложения*; а это доказывает как раз противоположное тому, что пытается доказать наш автор, — это доказывает, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением спроса к предложению, но, наоборот, сами регулируют это отношение» (там же, с. 167, примечание, курсив наш).

Мы видели, что изменение стоимости, при прежних потребностях и покупательных силах населения, вызывает изменение нормального размера спроса. Посмотрим теперь, не существует ли здесь также обратная зависимость: не вызывает ли длительное изменение спроса, при неизменившейся технике производства, изменение стоимости продукта. Мы говорим о длительном, постоянном изменении спроса, а не о скоропреходящем, оказывающем влияние только на рыночную цену. Такое длительное изменение, например, увеличение спроса на данный продукт независимо от изменения стоимости последнего, может произойти либо от увеличения покупательных сил населения, либо от усиления интенсивности потребности в данном продукте. Интенсивность потребности может возрасти вследствие причин социального или естественного характера (например, вслед-

ствие длительного изменения климатических условий сделалась более настоятельной потребностью в теплой одежде). Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее, пока же примем за данное, что схема спроса на сукно изменилась, например, вследствие возросшей потребности в теплой одежде. Изменение этой схемы выражается в том, что теперь большее число покупателей согласно уплатить за сукно высшую цену, или — что то же самое — каждой цене сукна будет соответствовать большее количество покупателей или больший спрос. Схема принимает следующий вид:

С х е м а № 2.

При цене в рублях (за аршин):	Спрос равен (в аршинах):
7 р. — к.	50.000
6 " — "	75.000
5 " — "	100.000
3 " 50 "	150.000
3 " 25 "	200.000
3 " — "	240.000
2 " 75 "	280.000
2 " 50 "	320.000
2 " — "	400.000
1 " — "	500.000

При прежней схеме спроса стоимость равнялась 2 р. 75 к., а нормальные размеры спроса и предложения 240.000 аршин. Изменение спроса, показанное в схеме № 2, немедленно вызовет повышение рыночной цены сукна приблизительно до 3 руб. за аршин, так как на рынке имеются всего 240.000 аршин сукна, а по нашей схеме как раз такое же количество требуется покупателями при цене в 3 рубля. Все производители продадут свой товар не по 2 р. 75 к., как раньше, а по 3 руб. Так как техника производства, по нашему предположению, не изменилась, то производители получат сверхприбыль в 25 к. на аршин, что вызовет расширение производства и, быть может, даже прилив капиталов из других сфер (через расширение кредита, оказываемого банками суконной промышленности). Расширение производства будет продолжаться до тех пор, пока снова не установится равновесие между суконной промышленностью и другими отраслями производства. А это произойдет тогда, когда суконная промышленность расширит свое производство с 240.000 до 280.000 аршин, которые будут продаваться по прежней цене 2 р. 75 к., соответствующей состоянию техники и рыночной стоимости. Увеличение или уменьшение *спроса*, при неизменившихся технических условиях производства, не может повысить или понизить *стоимость* продукта, но может вызвать *расширение или сокращение производства* в данной отрасли. Стоимость же продукта определяется исключительно состоянием производительных сил и техникой данного производства. Спрос, следовательно, не влияет на величину стоимости; но стоимость, комбинируясь со

спросом, который отчасти определяется ею же, определяет размер производства в данной отрасли, т. е. распределение производительных сил. «Настоятельность потребности влияет на распределение производительных сил в хозяйстве, но относительная ценность различных продуктов определяется затратами труда на их производство»¹⁾.

Но если мы признаем влияние изменений *спроса* на *размеры* производства, на его расширение и сокращение, не противоречит ли это основному положению Марксовой экономической теории, что развитие хозяйства определяется условиями производства, состоянием и развитием производительных сил? Нисколько. Если изменения спроса на данный товар влияют на размеры его производства, то, в свою очередь, эти изменения спроса вызываются следующими причинами: 1) либо изменением *стоимости* данного товара, например, его удешевлением, следовательно, развитием производительных сил в данной отрасли производства; 2) либо изменением *покупательной способности* или доходов разных групп населения; а это значит, что спрос определяется доходом различных классов общества (К. III, с. 170—1), «обуславливается отношением различных классов друг к другу и их экономическим положением» (там же, с. 156—7), которое в свою очередь изменяется в зависимости от изменения производительных сил; 3) либо, наконец, изменением интенсивности или настоятельности *потребности* в данном товаре. На первый взгляд кажется, что в последнем случае мы ставим производство в зависимость от потребления. Однако, поставим себе вопрос, чем же вызываются изменения в настоятельности потребности в данном товаре. Предположим, что, при прежней цене железных плугов и прежней покупательной силе населения, потребность в них увеличивается в виду перехода крестьян от деревянной сохи к железному плугу. Увеличившаяся потребность вызовет временное повышение рыночной цены плугов выше их стоимости и, как результат этого, увеличенное производство плугов. Увеличившаяся потребность или спрос вызвали расширение производства. Но это увеличение спроса было вызвано развитием производительных сил, хотя не в данной отрасли производства (в отрасли производства плугов), а в других (в земледелии). Возьмем другой пример, относящийся к средствам потребления. Успехи антиалкогольной пропаганды сократили потребление спиртных напитков, цена их временно упала ниже стоимости, и в результате сократилось винокурное производство. Мы нарочно выбрали такой пример, где сокращение спроса вызывается социальными причинами идеологического, а не экономического характера. Тем не менее, очевидно, что сами-то успехи антиалкогольной пропаганды обуславливаются экономическим, бытовым, культурным и моральным уровнем различных групп населения, уровнем, который в свою очередь, изменяется под влиянием сложного ряда окружающих социальных условий, объясняемых в последнем счете развитием производительной деятельности общества. Наконец, от причин

¹⁾ П. Маслов. „Теория развития народного хозяйства“. 1910 г., с. 238.

экономических и социальных, изменяющих спрос, перейдем к явлениям естественным, которые также в некоторых случаях могут влиять на потребность и спрос. Резкое и длительное изменение климатических условий могло бы усилить или ослабить потребность в теплой одежде и в результате вызвать расширение или сокращение суконного производства. Но, не говоря уже о редкости случаев изменения потребностей под влиянием причин чисто-естественного характера и вне зависимости от причин социального характера, такие случаи не противоречат положению о примате производства над потреблением. Это положение не надо понимать в таком смысле, будто производство совершается «автоматически» в какой-то безвоздушной среде, вне общества живых людей с их различными потребностями, в основе которых лежит ряд потребностей биологического характера (в пище, в защите от холода и т. п.). Но, как *предметы*, при помощи которых человек удовлетворяет свои потребности, так и *способ* их удовлетворения обуславливаются *развитием производства* и в свою очередь видоизменяют самый характер данной *потребности* и даже создают *новые* потребности. «Голод есть голод, однако, голод, который удовлетворяется вареным мясом с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»¹⁾. Голод в этой определенной своей форме есть результат долгого исторического, социального развития. Точно также изменение климатических условий вызвало потребность именно в данном предмете, в сукне, и при том в сукне определенного качества, определенной выработки, т. е. потребность, характер которой обусловлен предшествовавшим развитием общества и, в конечном счете, производительных сил. Количественное возрастание этого спроса на сукно различно для разных классов населения, в зависимости от их доходов. Если для данного периода производства определенное состояние потребности в одежде, — потребности, выросшей на биологической основе, — представляет заранее данный факт или предпосылку производства, то это состояние потребности в одежде в свою очередь является продуктом предшествовавшего социального развития. «В самом процессе производства они (предпосылки производства. И. Р.) обращаются из естественных в исторические, и если для одного периода они являются естественными предпосылками производства, то для другого они представляли исторический результат» (там же, с. 20). Потребность в данном продукте, хотя бы имеющая в своей основе биологическую потребность, в своем характере и изменениях определяется развитием производительных сил, которое происходит либо в данной сфере производства, либо в других, которое либо имеет место в настоящее время, либо имело место в предшествовавший исторический период. Маркс не отрицает влияния потребления на производство и взаимодействия между ними (там же, с. 23). Но он стремится в движении

¹⁾ Введение к критике политической экономии. Сборник „Основные проблемы полит. экон.“, 1922 г., стр. 15.

потребностей найти социальную закономерность, которая в последнем счете объясняется закономерностью развития производительных сил.

II. СТОИМОСТЬ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Мы пришли к выводу, что, при данных потребностях и покупательных силах населения, размер спроса на данный продукт определяется стоимостью последнего и изменяется по мере изменения этой стоимости. Развитие производительных сил в данной отрасли изменяет стоимость продукта и тем самым размеры общественного спроса на него. Как видно из схемы спроса № 1, данной стоимости продукта соответствует определенное количество спроса, т. е. число единиц товара, спрашиваемых по данной цене. *Произведение стоимости единицы продукта, определяемой техническими условиями производства, на число единиц, находящее себе сбыт при данной стоимости, — и выражает платежеспособную общественную потребность в данном продукте*¹⁾. Это и есть то, что Маркс называет «количественно определенной общественной потребностью» в данном продукте (К. III², с. 173), «количеством общественной потребности» (К. III¹, с. 160), «определенным размером общественной потребности» (там же, с. 163). Этой общественной потребности соответствуют «определенный размер общественного производства в различных отраслях» (там же, с. 163); «обычный масштаб воспроизводства» (там же). А этот обычный, нормальный размер производства определяет «количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства», т. е. пропорциональное распределение труда между различными сферами производства (К. III², с. 173).

Итак, данная величина стоимости единицы товара определяет число единиц товара, находящее себе сбыт, а произведение обоих этих чисел выражает размер общественной потребности, под которую Маркс всегда понимает платежеспособную общественную потребность (К. III¹, с. 156, 164, 168). При стоимости аршина в 2 р. 75 к. число спрашиваемых на рынке аршин сукна равно 240.000. Размер общественной потребности выражается цифрою: 2 р. 75 к. \times 240.000 = 660.000 руб. Если рубль представляет стоимость, созданную трудом одного часа, то, при пропорциональном распределении труда между отдельными сферами производства, на суконное производство затрачивается 660.000 часов среднего общественного труда. Эту цифру в капиталистическом обществе никто заранее не устанавливает, не проверяет и не забо-

¹⁾ Маркс под общественной потребностью часто понимает количество продуктов, спрашиваемых на рынке. Но эти терминологические различия для нас здесь значения не имеют. Наша цель — не установить определенные термины, а провести различие между разными понятиями, каковы: 1) стоимость единицы товара; 2) количество единиц товара, спрашиваемых на рынке при данной стоимости и 3) произведение стоимости единицы товара на число его единиц, спрашиваемых на рынке при данной стоимости. Для нас важно подчеркнуть, что размер общественной потребности в продуктах данного рода не устанавливается независимо от стоимости единицы продукта, а уже предполагает последнюю.

тится о ее поддержании. Она устанавливается только в результате рыночной конкуренции, в процессе, постоянно прерываемом отклонениями и нарушениями, «прихотливою игрою случая и произвола», о которой Маркс не устал повторять в очень сильных выражениях (К. I, с. 334 и К. III, с. 162 — 163). Эта цифра выражает только средний уровень или устойчивый центр, вокруг которого колеблются фактические размеры спроса и предложения. Устойчивость этой цифры общественной потребности (660.000) объясняется исключительно тем, что она представляет собою комбинацию или произведение двух цифр, из которых одна, 2 р. 75 к., есть стоимость единицы товара, определяемая техникою производства и являющаяся устойчивым центром колебаний рыночных цен, а другая цифра, 240.000 аршин, обуславливается первою. Размер общественной потребности и общественного производства в данной отрасли колеблется вокруг цифры 660.000 именно потому, что рыночные цены колеблются вокруг стоимости 2 р. 75 к. Устойчивость данного размера общественной потребности есть производное устойчивости данной величины стоимости как центра колебаний рыночных цен¹⁾.

Сторонники «экономического» понимания общественно-необходимого труда ставят весь процесс на голову, принимая его конечный результат — цифру 660.000 руб., стоимость всей массы товаров данной отрасли — за исходный пункт исследования. Они говорят: при данном состоянии производительных сил общество может затратить на суконое производство 660.000 часов труда, который создает стоимость, равную 660.000 руб. Стоимость товаров данной отрасли должна быть поэтому точно равна 660.000, она не может быть ни больше, ни меньше. Эта точно фиксированная цифра определяет стоимость отдельной единицы товара: последняя равняется *частному* от деления цифры 660.000 на число произведенных единиц. Если сукна произведено 240.000, то стоимость аршина равна 2 р. 75 к.; если производство возрастет до 264.000 аршин, то стоимость упадет до 2 р. 50 к.; если же производство упадет до 220.000 аршин, то стоимость поднимется до 3 руб. Каждая из этих комбинаций (2 р. 75 к. \times 240.000, 2 р. 50 к. \times 264.000, 3 р. \times 220.000) равна 660.000. Стоимость единицы продукта может изменяться (2 р. 75 к., 2 р. 50 к. или 3 р.) даже при неизменившейся технике производства. Постоянный, устойчивый характер имеет только общая стоимость всех продуктов данной отрасли (660.000 руб.) или общее количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда (660.000 часов труда). При данных условиях это — постоянная математическая величина, могущая самым различным образом комбинироваться из двух множителей: стоимости единицы продукта и числа изготовленных продуктов (2 р. 75 к. \times 240.000 = 2 р. 50 к. \times 264.000 = 3 р. \times 220.000 = 660.000). Таким образом, стоимость продукта определяется не количеством труда,

¹⁾ Здесь имеется в виду устойчивость при данных условиях, не исключаящая изменчивости при изменении условий.

необходимого для производства единицы продукта, а общим количеством труда, приходящимся на данную сферу производства¹⁾, деленным на число изготовленных продуктов.

Изложенная аргументация сторонников так называемой «экономической» версии общественно-необходимого труда представляется нам неправильною по следующим соображениям:

1) Принимая количество труда, приходящееся на данную сферу производства, — этот результат сложного процесса рыночной конкуренции, — за *исходный пункт* исследования, экономическая версия представляет себе капиталистическое общество по образцу организманального распределением труда.

2) Она оставляет без исследования вопрос о том, чем определяется количество труда, приходящееся на данную сферу, — которое в капиталистическом обществе никем не устанавливается и сознательно не поддерживается. Такое исследование показало бы, что указанное количество труда представляет производное или произведение стоимости единицы продукта на число продуктов, спрашиваемых на рынке при данной стоимости. *Не стоимость* определяется количеством труда, приходящимся на данную сферу, а последнее уже *предполагает* стоимость, как величину зависимую от техники производства.

3) Вместо того, чтобы *устойчивый*, постоянный (при данных условиях) размер труда, приходящегося на данную сферу (660.000 часов труда), выводить из *устойчивой* стоимости единицы продукта (2 р. 75 к. или $2\frac{3}{4}$ часа труда), экономическая версия из *устойчивого* характера первой цифры делает заключение о возможности комбинирования ее из двух самых различных и изменяющихся множителей; т. е. делает заключение о *неустойчивой*, изменяющейся величине стоимости единицы продукта (2 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р.). Этим совершенно отрицается значение стоимости единицы продукта, как центра колебаний рыночных цен и основного регулятора капиталистического хозяйства.

4) Экономическая версия упускает из виду, что из всех возможных комбинаций, составляющих 660.000, при данном состоянии техники (а именно при затрате на производство аршина сукна $2\frac{3}{4}$ часа общественно-необходимого труда) только одна комбинация, а именно 2 р. 75 к. \times 240.000 = 660.000 является устойчивою, постоянною комбинациею равновесия. Остальные же комбинации могут быть только кратковременными, преходящими комбинациями неравновесия. Экономическая версия смешивает состояние равновесия с состоянием *нарушенного* равновесия, *стоимость* с *ценою*.

В экономической версии необходимо отличать две стороны: она пытается, во-первых, констатировать определенные *факты* и, во-

¹⁾ Под этим выражением мы здесь и в дальнейшем понимаем количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда, т. е. в состоянии равновесия.

вторых, дать им теоретическое объяснение. Она утверждает, что всякое изменение размеров производства (при неизменившейся технике) вызывает *обратно-пропорциональное* изменение рыночной цены данного продукта; благодаря этой обратной пропорциональности изменений обеих величин, произведение их представляет величину неизменную, постоянную. Так, при сокращении производства сукна с 240.000 до 220.000 аршин, т. е. до $\frac{11}{12}$, цена аршина сукна повысится с 2 р. 75 к. до 3 руб., т. е. до $\frac{12}{11}$. Произведение числа продуктов на цену единицы товара в обоих случаях равно 660.000. Переходя к объяснению этих фактов, экономическая версия утверждает, что количество труда, приходящееся на данную сферу производства (660.000 часов труда), есть величина постоянная, определяющая сумму стоимостей и рыночных цен всех продуктов данной сферы. Раз эта величина носит постоянный характер, то изменение числа изготовленных в данной сфере продуктов вызывает обратно-пропорциональное изменение как стоимости, так и рыночной цены единицы продукта. Количество труда, приходящееся на данную сферу производства, регулирует как стоимость, так и цену единицы продукта.

Если бы даже экономическая версия правильно констатировала факт обратно-пропорциональных изменений количества продуктов и цены единицы продукта, ее теоретическое объяснение не переставало бы быть ложным. Повышение цены аршина сукна с 2 р. 75 к. до 3 руб. в случае сокращения производства с 240.000 до 220.000 аршин означало бы изменение рыночной цены сукна и отклонение ее от стоимости, которая оставалась бы по-прежнему, в соответствии с неизменившимися техническими условиями, равной 2 р. 75 к. Таким образом, количество труда, приходящееся на данную сферу производства, не являлось бы регулятором *стоимости* единицы продукта, но регулировало бы только ее рыночную *цену*. Рыночная цена продукта в любой момент была бы равна указанному количеству труда, деленному на число изготовленных продуктов. Так представляют себе дело многие сторонники «технической» версии, которые признают факт обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их рыночных цен, но отвергают то объяснение, которое этому факту дается экономической версией¹⁾. Нет сомнения, что такой взгляд, согласно которому сумма рыночных цен продуктов данной сферы представляет, при всех колебаниях этих цен, величину постоянную, определяемую количеством труда, приходящимся на данную сферу, — находит опору в некоторых замечаниях Маркса²⁾. Тем не менее, мы полагаем, что и это положение об *обратной пропорциональности* изменений числа изготовленных продуктов и их рыночных цен также наталкивается на целый ряд очень серьезных возражений:

1) Это положение противоречит *эмпирическим* фактам, показывающим, что, например, при увеличении числа продуктов вдвое их

рыночная цена падает не ровно вдвое, а больше или меньше, в различной степени для различных продуктов. Особенно резкая разница в этом отношении замечается между предметами первой необходимости и предметами роскоши. По некоторым расчетам, увеличение количества хлеба вдвое понизит его цену в четыре — пять раз.

2) *Теоретически* положение об обратной пропорциональности изменений количеств продуктов и цен на них не доказано. Почему при сокращении производства с 240.000 до 220.000, т. е. до $\frac{11}{12}$ прежнего размера, цена должна подняться с нормальной цены или стоимости 2 р. 75 к. ровно до 3 руб., т. е. до $\frac{12}{11}$ первоначального размера? Нельзя ли считать возможным, что в данном производстве, напр. суконном, цена 3 руб. соответствует размеру производства не в 220.000 аршин, как предполагает тезис обратной пропорциональности, а в 150.000 аршин, как показано в нашей схеме спроса № 1? Где в капиталистическом обществе тот механизм, который делает сумму рыночных цен сукна неизменно равной 660.000 руб.?

3) Последний вопрос вскрывает *методологическую* слабость разбираемого тезиса. В капиталистическом обществе законы экономических явлений действуют на подобие «закона тяготения, когда дом рушится на чью-нибудь голову» (К. I, с. 42 — 43), т. е. как тенденция, как центр колебаний и постоянных отклонений. Разбираемый же нами тезис превращает тенденцию или закон явлений в эмпирический факт: сумма рыночных цен, — не только при условии равновесия, т. е. как сумма рыночных стоимостей, но при любой рыночной конъюнктуре, в любой момент, — вполне точно, совпадает с количеством труда, приходящимся на данную сферу. Предположение такой «предустановленной гармонии» не только не доказано, но и не соответствует общим методологическим основам Марксовой теории капиталистического хозяйства.

Изложенные соображения заставляют нас отвергнуть тезис об обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их рыночной цены или — что то же самое — об эмпирическом постоянстве суммы рыночных цен продуктов данной отрасли. Соответствующие выражения Маркса надо, по нашему мнению, понимать не в смысле точной *обратной пропорциональности*, но лишь в смысле *обратного направления* изменений количества продуктов и их рыночной цены. Всякое увеличение производства сверх его нормального размера вызывает падение цены ниже стоимости, сокращение производства — повышение цены. Оба эти фактора (количество продуктов и их рыночная цена) изменяются в обратном направлении, хотя и не обратно пропорционально. Благодаря этому количество труда, приходящееся на данную сферу, не только играет роль центра равновесия, среднего уровня колебаний, к которому тяготеет сумма рыночных цен, но и представляет в известной мере математическую среднюю этой повседневно изменяющейся суммы рыночных цен. Но этот характер математической средней никоим образом не означает точного совпадения обеих величин и, кроме того, не имеет особого теоретического значения. Именно такую, более осторожную формулировку обратного

¹⁾ Л. Любимов. Курс политической экономии. 1923, стр. 244—245.

²⁾ Теории прибавочной стоимости. Т. I, перевод Г. В. Плеханова, 1906 г., стр. 184—185, или перевод В. Железнова, стр. 150—151.

изменения количества продуктов и их рыночных цен мы находим у Маркса наиболее часто (К. III¹, с. 154; Theorien, III, S. 341). Мы тем более в праве понимать Маркса именно в таком смысле, что у него самого мы иногда встречаем прямое отрицание обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их цен. Маркс отмечает, что в случае неурожая «сумма цен уменьшившейся массы хлеба больше, чем была сумма цен большей массы хлеба» (Kritik, S. 95, русск. перев., стр. 90). В этом выражается известный, упомянутый выше закон, что уменьшение производства хлеба вдвое повышает цену пуда хлеба более, чем вдвое, так что общая сумма цен хлеба увеличивается. В другом месте Маркс отвергает мнение Рамсея, согласно которому падение стоимости продукта вдвое, вследствие улучшений в его производстве, будет сопровождаться увеличением производства ровно вдвое же: «Стоимость (товара) упадет, но не пропорционально увеличению его количества. Например, количество его может удвоиться, стоимость же отдельного товара может упасть с 2 до $1\frac{1}{4}$, а не до 1» (Theorien, III, S. 407), как следовало бы по мнению Рамсея и по мнению сторонников разобранного нами взгляда. Если удешевление продукта, вследствие улучшений техники, с 2 р. до $1\frac{1}{4}$ руб. может сопровождаться увеличением производства его вдвое, то, наоборот, ненормальное увеличение производства вдвое могло бы сопровождаться падением цены с 2 р. до $1\frac{1}{4}$ руб., а не до 1 руб., как этого требует тезис обратной пропорциональности.

Итак, мы считаем неправильным утверждение, будто количество труда, приходящееся на данную сферу производства и разделенное на число изготовленных в ней продуктов, определяет стоимость единицы продукта (как думают сторонники экономической версии) или точно совпадает с рыночной ценой единицы продукта (как думают сторонники экономической версии и некоторые сторонники технической версии). Стоимость единицы продукта определяется количеством труда, общественно-необходимого для его производства, и при данном состоянии техники представляет величину постоянную, не изменяющуюся в зависимости от количества изготовленных продуктов. Что касается рыночной цены, то она зависит от количества изготовленных продуктов и изменяется в обратном направлении (но не обратно пропорционально) с изменениями этого количества; однако, она не совпадает точно с частным от деления количества труда, приходящегося на данную сферу, на число изготовленных продуктов. Не значит ли это, что мы совершенно игнорируем количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда? Нисколько. Тенденция к пропорциональному, точнее было бы сказать: определенному, устойчивому ¹⁾ распределению труда между различными сферами производства, в зависимости

¹⁾ Выражение „пропорциональное“ не надо понимать в смысле разумного, целесообразного распределения труда, каковое в капиталистическом обществе отсутствует. Речь идет о закономерности, известном постоянстве и устойчивости — при всех повседневных колебаниях и отклонениях — распределения труда между отдельными отраслями в зависимости от общего состояния производительных сил.

от общего состояния производительных сил, представляет основное явление хозяйственной жизни, подлежащее нашему изучению. Но, как мы уже неоднократно подчеркивали, в капиталистическом обществе с его анархией производства эта тенденция представляет не исходный пункт экономического процесса, а его конечный результат, который не проявляется в точности в эмпирических фактах, но лишь служит центром их колебаний и отклонений. Мы признаем, что количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда, играет в капиталистическом хозяйстве известную роль регулятора, но: 1) это регулятор в смысле тенденции, уровня равновесия, центра колебаний, но отнюдь не в смысле точного выражения эмпирических явлений, а именно рыночных цен; и 2) что еще важнее, этот регулятор не является основным и самостоятельным, но принадлежит к целой системе регуляторов и является производным от основного регулятора этой системы, — стоимости, как центра колебаний рыночных цен.

Возьмем пример с наиболее простыми цифрами. Предположим, что: а) количество труда, общественно-необходимого для производства аршина сукна при данной средней технике, равно 2 часам, или стоимость аршина равна 2 рублям; б) при данной стоимости количество сукна, находящее себе сбыт на рынке, и, следовательно, нормальный размер производства составляют 100 аршин сукна; отсюда вытекает, что: с) количество труда, приходящееся на данную сферу производства, составляет 2 часа \times 100 = 200 часов, или общая стоимость продуктов данной сферы равна 2 руб. \times 100 = 200 рублям. Перед нами три регулятора или три регулирующих величины, из которых каждая является центром колебания определенных эмпирических, фактических величин. Остановимся на первой величине: а₁) поскольку она выражает количество труда, необходимое для производства аршина сукна (2 часа труда), она есть центр колебания фактических затрат труда в различных предприятиях суконной промышленности; если данная группа предприятий низшей производительности затрачивает на производство аршина не 2 часа, а 3 часа труда, то она будет вытеснена более производительными предприятиями, если не усвоит их высшую технику; если данная группа предприятий затрачивает не 2 часа, а $1\frac{1}{2}$ часа, то она постепенно будет вытеснять более отсталые предприятия и с течением времени уменьшит общественно-необходимый труд до $1\frac{1}{2}$ часов; словом, индивидуальный и общественно-необходимый труд, хотя и не совпадают, но проявляют тенденцию к уравниванию; а₂) поскольку та же величина показывает стоимость единицы продукта (2 рубля), она есть центр колебания рыночных цен; при понижении рыночных цен ниже 2 руб. происходит сокращение производства и даже отлив капиталов из данной сферы, при повышении цены выше стоимости обратное явление; опять-таки стоимость и рыночная цена не совпадают, но первая служит регулятором, центром колебания последней.

Переходим теперь ко второй регулирующей величине, помещенной под буквою б: нормальный размер производства, 100 аршин,

есть центр колебаний фактического размера производства в данной сфере; если производится больше 100 аршин, то цена падает ниже стоимости 2 руб. и начинается сокращение производства; обратное происходит в случае недопроизводства. Как видим, второй регулятор (b) зависит от первого (a_2) не только в том смысле, что величина стоимости определяет, при данном состоянии потребностей и покупательных сил населения, размер производства, но и в том смысле, что нарушения в размерах производства (перепроизводство или недопроизводство) исправляются посредством отклонения рыночных цен от стоимости. Нормальный размер производства, 100 аршин (b), именно потому является центром колебаний фактических размеров производства, что стоимость 2 руб. (a_2) является центром колебаний рыночных цен.

Переходим, наконец, к третьей регулирующей величине c, представляющей произведение первых двух или производное от них, а именно $200 = 2 \times 100$, или $c = ab$. Но, как мы видели, a может иметь два значения: a_1 обозначает количество труда, затрачиваемое на производство аршина сукна (2 часа), a_2 обозначает стоимость одного аршина (2 рубля). Если мы возьмем $a_1 b = 2$ часа труда $\times 100 = 200$ часов труда, то получаем количество труда, приходящееся, при пропорциональном распределении труда, на данную сферу производства, или центр колебаний фактических затрат труда на данную сферу. Если мы возьмем $a_2 b = 2$ руб. $\times 100 = 200$ руб., то получаем сумму стоимостей продуктов данной сферы, или центр колебаний суммы рыночных цен продуктов данной сферы. Таким образом, мы несколько не отрицаем, что третья величина $c = 200$ играет также роль регулирующей величины, центра колебаний, но мы выводим эту роль ее из регулирующей роли ее составных элементов a и b. Как мы видим, $c = ab$, и регулирующая роль c является производной от регулирующей роли a и b. 200 часов труда есть центр колебаний количества труда, затрачиваемого на данную сферу, именно потому, что 2 часа труда есть центр колебаний затрат труда на единицу продукта, а 100 аршин есть центр колебаний размеров производства. Точно также 200 руб. есть центр колебаний суммы рыночных цен продуктов данной отрасли именно потому, что 2 руб. или стоимость есть центр колебаний рыночной цены единицы продукта, а 100 аршин есть центр колебаний размеров производства. Все три регулирующих величины a, b и c, представляют единую регулирующую систему, в которой c есть производное от a и b, а b в свою очередь изменяется в зависимости от изменений a. Последняя величина, т. е. количество, труда общественно-необходимого для производства единицы продукта (2 часа труда), или стоимость единицы продукта (2 руб.), является основной регулирующей величиной, всей системы равновесия капиталистического хозяйства.

Мы видели, что $c = ab$; значит, c может изменяться в зависимости либо от изменения a, либо от изменения b. Это значит, что количество труда, затрачиваемое на данную сферу, отклоняется от состояния равновесия (или от пропорционального распределения труда) либо потому, что, при нормальном количестве произведенных продуктов, на производство единицы продукта тратится труда больше

или меньше, чем сколько общественно необходимо; либо потому, что, при нормальной затрате труда на единицу продукта, этих единиц произведено слишком много или мало по сравнению с нормальным размером производства. В первом случае произведено 100 аршин, но при технических условиях, например, ниже среднего уровня, с затратой 3 часов труда на аршин. Во втором случае затрата труда на аршин равна нормальной величине, 2 часам труда, но произведено 150 аршин. В обоих случаях общая затрата труда в данной сфере составляет 300 часов вместо нормальных 200 часов, и на этом основании сторонники экономической версии считают оба случая равнозначными. Они утверждают, что чрезмерное производство равносильно чрезмерной затрате труда на каждую единицу продукта. Это утверждение их объясняется тем, что все их внимание устремлено исключительно на производную регулирующую величину c; с этой точки зрения, в обоих случаях имеется одинаково чрезмерная затрата труда в данной сфере, 300 часов труда вместо 200 часов. Но если мы не остановимся на производной величине, а пойдем дальше к ее составным элементам, этим основным регулирующим величинам, то картина изменяется. В первом случае причина отклонений лежит в области a (затрата труда на единицу продукта), во втором случае в области b (количество произведенных продуктов). В первом случае нарушено равновесие между предприятиями различной производительности внутри данной сферы, во втором случае нарушено равновесие между размерами производства в данной сфере и в других, т. е. равновесие между различными сферами производства. Поэтому в первом случае равновесие будет восстановлено перераспределением производительных сил из технически отсталых предприятий в более производительные внутри данной сферы; во втором равновесие будет восстановлено перераспределением производительных сил между разными сферами производства. Смешивать оба эти случая значило бы принести в жертву интересы научного изучения экономических явлений ради поверхностных аналогий и, как выражается часто Маркс, «насильственных абстракций», т. е. желания насильственно втянуть в одно понятие общественно-необходимого труда явления различной экономической природы.

Таким образом, основная ошибка «экономической» версии заключается не в том, что она вообще признает регулирующую роль количества труда, приходящегося на данную сферу при пропорциональном распределении труда, но в том, что она: 1) неправильно понимает роль регулятора в капиталистическом хозяйстве, превращая его из уровня равновесия, из центра колебаний в выражение эмпирических фактов и 2) приписывает этому регулятору самостоятельный и основной характер, в то время как он принадлежит к целой системе регуляторов и носит производный характер. Нельзя выводиться стоимость из количества труда, приходящегося на данную сферу, так как последнее само изменяется в зависимости от изменений стоимости, выражающих развитие производительности труда. «Экономическая версия», вопреки утверждению ее сторонников, не дополняет собою так называемую «техническую версию», но отбрасывает ее, утверждая

что стоимость изменяется—при неизменяющейся технике—в зависимости от числа произведенных продуктов, она устраняет понятие стоимости, как величины, зависимой от производительности труда. С другой стороны, «техническая версия» вполне в состоянии объяснить явления пропорционального распределения труда в обществе и регулиющую роль количества труда, приходящегося на данную сферу производства, т. е. те явления, объяснить которые призвана, по мнению ее сторонников, экономическая версия.

III. СТОИМОСТЬ И РАЗМЕР ПРОИЗВОДСТВА.

Выше, в наших схемах спроса и предложения, мы принимали, что, при увеличении размеров производства, затраты труда, необходимые для производства единицы товара, остаются прежними. Сделаем теперь новое, усложняющее предположение, а именно, что новое, добавочное количество продуктов производится в *менее благоприятных условиях*, чем прежде. Вспомним знаменитое учение Рикардо о дифференциальной ренте, согласно которому увеличение спроса на хлеб в результате роста народонаселения вызывает необходимость обработки менее плодородных или более удаленных от рынка участков земли. Благодаря этому количество труда, необходимое для производства пуда хлеба в наименее благоприятных условиях (или для перевозки его), возрастает. А так как именно это количество труда определяет стоимость всей массы производимого хлеба, то повышается и стоимость хлеба. То же самое наблюдается в горной промышленности, при переходе от более богатых рудников к менее обильным. Увеличение производства сопровождается повышением стоимости единицы продукта, в то время как выше мы принимали стоимость единицы продукта независимую от размеров производства. Аналогичное положение дел встречается в тех отраслях обрабатывающей промышленности, где производство ведется в предприятиях различной производительности, причем предполагается, что предприятия наивысшей производительности, которые могли бы выпускать товары по наиболее низкой цене, не в состоянии производить такое большое количество продуктов, на которое при такой низкой цене был бы предъявлен спрос на рынке. В виду этого производство должно вестись также на предприятиях средней или низшей производительности, и рыночная стоимость товара определяется стоимостью продуктов, производимых при средних или худших условиях (см. главу об общественно-необходимом труде). И здесь *увеличение производства* означает *повышение стоимости* и, следовательно, цены единицы продукта. Мы получаем следующую схему предложения:

Схема № 3.

При размерах производства (в аршинах).	Цена производства (или стоимость) равна (в рублях).
100.000	2 р. 75 к.
150.000	3 " — "
200.000	3 " 25 "

Мы принимаем, что при уровне цены ниже 2 р. 75 к. производители вообще не будут производить и прекратят производство (за исключением, быть может, незначительной группы производителей, которая в счет не идет). По мере повышения цены до уровня 3 р. 25 к. в производство будут втягиваться предприятия средней и низшей производительности. Цена же свыше 3 р. 25 к. давала бы такую большую прибыль предпринимателям, что размер производства при такой цене мы можем считать неограниченным, — по крайней мере практически, принимая во внимание ограниченность спроса. Итак, цены могут колебаться от 2 р. 75 к. до 3 р. 25 к., а размер производства от 100.000 до 200.000 аршин. На каком же уровне установятся цена и размер производства?

Возвращаясь к схеме спроса № 1 и сопоставляя ее с данной схемой предложения, мы видим, что цена установится на уровне 3 руб., при размере производства 150.000 аршин. В этом именно случае установится равновесие между спросом и предложением, и цена совпадет с трудовой стоимостью (или ценою производства), определяемую затратами труда в предприятиях средней производительности. Теперь предположим, — как мы это сделали и выше, — что по той или иной причине (вследствие увеличения покупательных сил населения или усилившейся настоящей потребности) спрос на сукно возрос и выражается схемой № 2. Цена в 3 руб. не может удержаться, так как при такой цене предложение составляет 150.000 аршин, а спрос 240.000. При таком преобладании спроса цена будет повышаться, пока не дойдет до уровня 3 р. 25 к. При такой цене, как спрос, так и предложение равны 200.000 ар. и находятся в состоянии равновесия. Вместе с тем новая цена 3 р. 25 к. совпадает с новой, повысившейся стоимостью (или ценой производства), которая в результате расширения производства с 150.000 до 200.000 ар. регулируется теперь затратами труда в предприятиях низшей производительности.

Если выше мы говорили, что увеличение спроса влияет на размер производства, не влияя на величину стоимости (раньше при увеличении производства с 240.000 до 280.000 аршин стоимость оставалась прежняя, 2 р. 75 к.), то в данном случае увеличение спроса вызывает расширение производства с 150.000 до 200.000 ар. и сопровождающее его повышение стоимости с 3 р. до 3 р. 25 к. Спрос как-будто определяет стоимость.

Таков вывод, которому придают решающее значение представители математической школы в политической экономии, в том числе и Маршалл¹⁾. Некоторые из них утверждают, что своею теорией дифференциальной ренты Рикардо по существу опрокинул свою собственную теорию трудовой стоимости и открыл двери для

¹⁾ На русском языке сведения о математической школе можно найти в книгах: Н. Шапошников, Теория ценности и распределения. М. 1912 г.—Л. Юровский, Очерки по теории цены. Саратов 1919 г.—А. Билимович, К вопросу о расценке хозяйственных благ. Киев, 1914 г.

отвергнутой им же теории спроса и предложения, а в конечном счете для теорий, которые определяют величину стоимости интенсивностью потребностей. Аргументация этих сторонников математической школы такова. Стоимость определяется затратами труда на худших землях или вообще в наименее благоприятных условиях. Значит, эта стоимость возрастает по мере того, как производство распространяется на худшие земли или вообще на менее производительные предприятия, т. е. по мере увеличения производства. А так как увеличение производства вызывается увеличением спроса, то, следовательно, не стоимость регулирует спрос и предложение, как думали Рикардо и Маркс, но сама стоимость определяется спросом и предложением.

Сторонники изложенной аргументации оставляют в тени одно очень существенное обстоятельство. В разбираемом нами примере *изменение размера производства* означает вместе с тем изменение *технических условий производства* в данной отрасли. Возьмем три примера.

В первом случае производство ведется только на лучших предприятиях, выбрасывающих на рынок 100.000 аршин по цене в 2 р. 75 к.; во втором случае (из которого мы исходили в нашем примере) производство ведется на лучших и средних предприятиях, изготовляющих вместе 150.000 аршин по цене в 3 руб.; в третьем случае производство ведется на лучших, средних и худших предприятиях и достигает 200.000 аршин по цене 3 р. 25 к.; в этих трех случаях, соответствующих нашей схеме № 3, различны не только размеры производства, но и технико-производственные условия данной отрасли. Стоимость изменилась именно потому, что изменились производственные условия данной отрасли. Из разобранного случая никак нельзя делать вывод, что изменения стоимости определяются не техническими условиями производства, а изменением спроса. Наоборот, вывод может быть только такой, что изменения спроса не могут влиять на величину стоимости иначе, как через посредство изменившихся технических условий производства в данной отрасли. Следовательно, остается в полной силе основное положение Марксовой теории, что изменения стоимости определяются исключительно техническими условиями производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, но лишь косвенно, посредственно, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия. Противоречит ли Марксовой теории такое косвенное влияние спроса на стоимость? Нисколько. Марксова теория утверждает причинную зависимость изменений стоимости от развития производительных сил, но последнее в свою очередь подвергается воздействию целого ряда условий социальных, политических и даже культурных (например, влияние грамотности и технического образования на производительность труда). Отрицал ли когда-нибудь марксизм, что таможенная политика или завоевания влияют на развитие производительных сил страны? Но, влияя на развитие производительных сил, они могут косвенно привести и к изменению

стоимости продуктов. Запрещение ввоза дешевого заграничного сырья и необходимость добывать его внутри страны, с большими затратами труда, повышают стоимость фабриката, изготовляемого из этого сырья. Завоевание, которое имеет своим результатом оттеснение земледельческого населения на худшие или более удаленные от рынка земли, повышает стоимость хлеба. Значит ли это, что изменения стоимости вызваны завоеванием или таможенной политикой, а не изменением технических условий производства? Напротив, мы делаем отсюда тот вывод, что всякого рода экономические и социальные условия, в том числе и изменение спроса, могут воздействовать на стоимость не наряду с техническими условиями производства, но только через изменение самой техники производства, которая, таким образом, остается единственным определяющим фактором стоимости.

Такого рода косвенное воздействие спроса на стоимость, через изменение технических условий производства, Маркс считал вполне возможным. В одном месте он упоминает тот самый случай перехода к худшим условиям производства, который нами рассмотрен. «В отдельных отраслях производства это (возрастание спроса И. Р.) может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость по прошествии более или менее значительного времени возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке продукта придется производить при худших условиях» (К. III¹, с. 166)¹. Аналогичное влияние может оказать и падение спроса. «Если, напр., падает спрос, а следовательно, и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет отвлекаться от данной отрасли и предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость, благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и уравнивается таким образом с рыночной ценою» (там же, с. 166). «В этом случае цена товара изменила бы его ценность, благодаря воздействию на предложение, на издержки производства» (Теории прибавочной ценности, Т. II, ПБ. 1923, стр. 132). Как известно, введение новых технических методов производства, понижающих стоимость продукта, происходит в широких размерах под влиянием кризисов и сокращения сбыта. Никто не станет утверждать, что в этих случаях понижение стоимости явилось результатом падения спроса, а не улучшения технических условий производства. Так же мало оснований имеем мы утверждать, что в первом случае повышение стоимости явилось результатом возрастания спроса, а не ухудшения средних технических условий производства в данной отрасли.

¹ У Маркса в подлиннике сказано: „сама рыночная стоимость на более или менее продолжительное время возрастает“ (Kapital, III¹, S. 170). Приведенный Марксом случай, когда увеличение спроса, через переход к худшим условиям производства, повышает стоимость единицы продукта, был известен и Рикардо (Начала политической экономии. Перев. Д. Рязанова, 1908 г., стр. 71). Немало аналогичных примеров можно найти в главах „Капитала“ и „Теорий“, посвященных дифференциальной ренте.

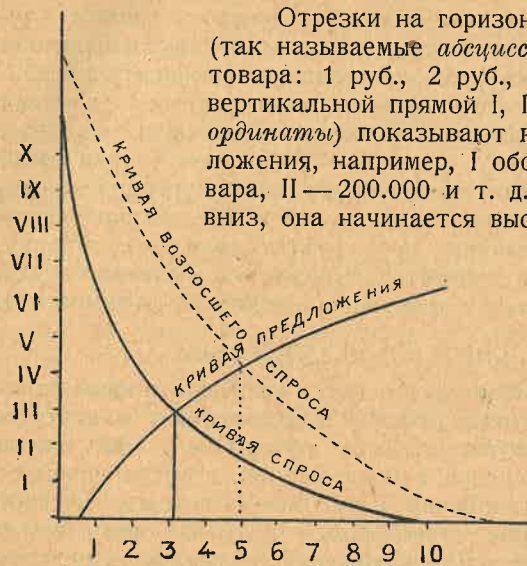

Диаграмма № 1.

Отрезки на горизонтальной прямой 1, 2, 3 и т. д. (так называемые *абсциссы*) показывают цену единицы товара: 1 руб., 2 руб., 3 руб. и т. д. Отрезки на вертикальной прямой I, II, III и т. д. (так называемые *ординаты*) показывают количество спроса или предложения, например, I обозначает 100.000 единиц товара, II—200.000 и т. д. Кривая спроса опускается вниз, она начинается высоко при низких ценах и падает по мере повышения цены; при цене, близкой к нулю, спрос превышает X, т. е. 1.000.000, при цене в 10 руб. спрос опускается до нуля. Каждой цене соответствует свой размер спроса. Чтобы узнать размер спроса, например, при цене в 2 руб., надо из цифры 2 восстановить вертикальную прямую или ординату до пересечения ее с кривою спроса; эта ордината будет равна приблизительно IV, т. е. спрос при цене в 2 руб. равен 400.000. Кривая предложения движется в направлении обратном кривой спроса, повышаясь по мере повышения цены. Место встречи кривых спроса и предложения определяет цену товара. Опустив из пункта встречи ординату, мы видим, что она приходится против цифры 3, т. е. цена равна 3 руб. Сама ордината равна приблизительно III, т. е. при цене в 3 руб. спрос и предложение равны 300.000, т. е. спрос и предложение покрывают друг друга, находятся в равновесии. Это и есть уравнение спроса и предложения, происходящее в данном случае при цене 3 руб. При всякой другой цене равновесие невозможно, так как, при цене ниже 3 руб., спрос будет превышать предложение, при цене выше 3 руб. предложение будет превышать спрос.

Из диаграммы следует, что цена определяется исключительно местом встречи кривых спроса и предложения. А так как это место встречи передвигается при каждом изменении одной из кривых, например, кривой спроса, то на первый взгляд кажется, что изменение спроса изменяет цену, даже при отсутствии каких бы то ни было изменений в условиях производства. Например, в случае возрастания спроса (на диаграмме пунктирная кривая «возросшего спроса»), кривая спроса встретится с той же кривою предложения в другом пункте, который стоит против цифры 5. Это значит, что в случае указанного возрастания спроса равновесие между спросом и предложением наступит при цене, равной 5 руб. Цена как будто определяется не условиями производства, но исключительно кривыми спроса и предложения. Изменение спроса само по себе изменяет цену, отождествляя ее со стоимостью.

Такой вывод является результатом [неправильного] построения кривой предложения. Она построена по образцу кривой спроса, но в обратном направлении, начинаясь с самой низкой цены. Правда, экономисты-математики понимают, что при цене, близкой к нулю, никакого предложения товаров не будет, поэтому они начинают кривую предложения не с нуля, а с цены, приближающейся к 1, на нашей диаграмме приблизительно с $\frac{2}{3}$, т. е. с $66\frac{2}{3}$ коп. При цене в $66\frac{2}{3}$ коп. предложение доходит приблизительно до половины I, т. е. равно 50.000; при цене в 3 руб. оно равно III, т. е. 300.000, а при цене в 10 руб. оно поднимается приблизительно до уровня VI—VII, т. е. равно около 650.000 единиц товара. Такая кривая предложения возможна, если речь идет о рыночной конъюнктуре данного дня, о предложении *данного момента*. Возможно, что, предполагая нормальную цену в 3 руб. и нормальный размер предложения в 300.000, при катастрофическом падении цены до $66\frac{2}{3}$ коп. небольшая часть производителей все же вынуждена будет продавать товар даже по такой низкой цене, а именно 50.000 единиц товара. С другой стороны, необычайное повышение цены до 10 руб. заставит производителей выбросить на рынок все запасы и немедленно, поскольку это возможно, расширить производство. Может случиться, хотя и мало вероятно, что таким путем им удастся выбросить на рынок 650.000 единиц товара. Но от случайной цены сегодняшнего дня перейдем к постоянной, устойчивой, средней цене, определяющей постоянный, *средний, нормальный размер спроса и предложения*. Если мы в диаграмме пожелаем найти функциональную связь между средним уровнем цен и средними размерами спроса и предложения, то сразу заметим неправильное построение кривой предложения. Если средней цене в 3 руб. соответствует средний размер предложения в 300.000, то понижение средней цены до $66\frac{2}{3}$ коп., при прежней технике производства, будет иметь своим результатом не понижение среднего предложения до 50.000, а полное прекращение предложения и перелив капиталов из данной отрасли в другую. С другой стороны, если бы средняя цена — при неизменившихся условиях производства — поднялась с 3 руб. до 10 руб., это вызвало бы непрерывный прилив капиталов из других отраслей, и увеличение средних размеров предложения не остановилось бы на цифре 650.000, а пошло бы гораздо дальше. Теоретически предложение повышалось бы до полного поглощения данной отраслью промышленности всех остальных, на практике размеры предложения превысили бы любую величину спроса и могли бы быть приняты за величину неограниченную. Как видим, некоторые случаи равновесия между спросом и предложением, изображенные в диаграмме, неизбежно приводят к нарушению равновесия между различными отраслями промышленности, т. е. к переходу производительных сил из одной отрасли в другую. А так как такой переход изменяет размеры предложения, то тем самым нарушается и равновесие между спросом и предложением. Диаграмма, следовательно, дает нам только *моментальный снимок состояния рынка*, не показывает нам *длительного устой-*

чивого равновесия между спросом и предложением, которое может быть теоретически понято только как результат равновесия между отдельными отраслями производства. С точки зрения равновесия в распределении общественного труда между различными отраслями производства, кривая предложения должна иметь совершенно иной вид, чем в диаграмме № 1.

Сперва сделаем, как в начале настоящей главы, предположение, что при данных технических условиях цена производства (или стоимость) единицы товара составляет определенную величину (например, 3 руб.), независимо от размеров производства. Это значит, что при цене 3 руб. установится равновесие между данной отраслью производства и другими и прекратится перелив капиталов из одной в другую. Отсюда следует, что понижение цены ниже 3 руб. вызовет отлив капиталов из данной сферы и тенденцию к полному прекращению предложения данного товара; повышение же цены выше 3 руб. вызовет прилив капиталов из других сфер и тенденцию к неограниченному увеличению производства (напоминаем, что речь здесь, как и ниже, идет не о временном повышении или понижении цен, но о постоянном, длительном уровне их, как и о средних, длительных размерах предложения и спроса). Итак, при цене ниже 3 руб. предложение вообще отсутствует, при цене выше 3 руб. оно может быть принято, по сравнению с спросом, за неограниченную величину. Никакой кривой предложения у нас нет, а равновесие между спросом и предложением может установиться только при уровне цен, совпадающем со стоимостью (3 руб.). Величина стоимости (3 руб.) определяет размер платежеспособного спроса на данный товар и соответствующий ему размер предложения (300.000 единиц товара). Диаграмма имеет следующий вид:

Диаграмма № 2.

Как видим из этой диаграммы, технические условия производства (или общественно-необходимый труд в так называемом техническом смысле) определяют стоимость или центр, вокруг которого колеблются средние цены (в капиталистическом хозяйстве таким центром будет не трудовая стоимость, а цена производства).

Ордината может быть восстановлена только из цифры 3, обозначающей стоимость в 3 руб. Кривая же спроса определяет только тот пункт, до которого дойдет эта ордината, т. е. размер платежеспособного спроса и производства, достигающий в диаграмме приблизительно цифры III, т. е. 300.000. Изменение кривой спроса, например, увеличение по тем или иным причинам спроса, может только, как видно из пунктирных линий на диаграмме, увеличить размер предложения (в данном случае

увеличить размер предложения (в данном случае

до VI, т. е. 600.000), но не повысить среднюю цену, которая остается попрежнему 3 руб., будучи определена исключительно производительностью труда или техническими условиями производства.

Введем теперь, как мы это сделали выше, усложняющее условие. Примем, что в данной сфере предприятия высшей производительности могут выбросить на рынок только ограниченное количество продуктов, остальные же продукты должны производиться в предприятиях средних и худших. При цене 2 руб. 50 к., равной цене производства (или стоимости) в лучших предприятиях, размер предложения равен 200.000 единицам; при цене 3 руб. 300.000 единицам, а при цене 3 р. 50 к. 400.000 единицам. При средней цене ниже 2 р. 50 к. обнаружится тенденция к полному прекращению производства, при средней цене выше 3 р. 50 к. тенденция к неограниченному его увеличению. В виду этого колебания средних цен заранее ограничены минимумом 2 р. 50 к. и максимумом 3 р. 50 к. В этих пределах возможны три уровня средних цен или стоимости: 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к., из которых каждый соответствует определенному размеру производства (200.000, 300.000 и 400.000) и, следовательно, определенному уровню производственной техники. Диаграмма принимает следующий вид:

Если в диаграмме № 2 предложение товаров со стороны производителей имело место только при цене 3 руб., то здесь предложение начинает действовать, как только цена достигает 2 р. 50 к.; предложение равно в этом случае II, т. е. 200.000 (ордината, доходящая от горизонтальной линии до буквы А). При цене в 3 руб., предложение доходит до буквы С, равнясь III, т. е. 300.000; при цене 3 р. 50 к. до буквы В, равнясь IV, т. е. 400.000. Линия АСВ и есть кривая предложения. Место встречи этой кривой предложения с кривой спроса (в букве С) определяет действительный размер предложения и соответствующую ему стоимость или центр колебаний цен. В данном случае цена установится 3 руб., а размер производства III, т. е. 300.000. Производство будет вестись на лучших и средних предприятиях, и этим техническим условиям производства соответствует стоимость и средняя цена 3 руб. Если бы кривая среднего спроса опустилась немного вниз, вследствие дли-

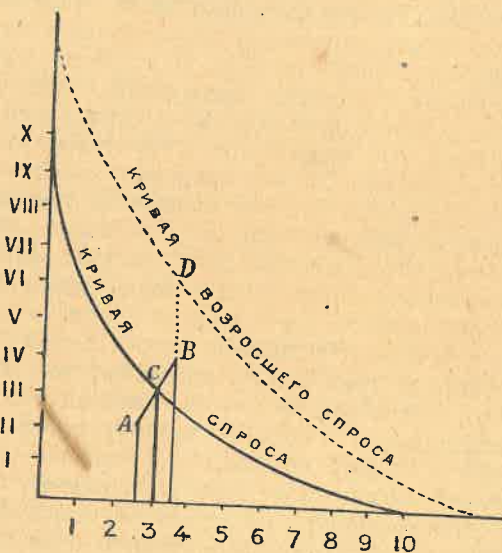

Диаграмма № 3.

и есть кривая предложения. Место встречи этой кривой предложения с кривой спроса (в букве С) определяет действительный размер предложения и соответствующую ему стоимость или центр колебаний цен. В данном случае цена установится 3 руб., а размер производства III, т. е. 300.000. Производство будет вестись на лучших и средних предприятиях, и этим техническим условиям производства соответствует стоимость и средняя цена 3 руб. Если бы кривая среднего спроса опустилась немного вниз, вследствие дли-

тельного падения спроса, она могла бы встретиться с кривою предложения в букве А; в таком случае средний размер предложения был бы равен 200.000, производство велось бы только на лучших предприятиях и стоимость упала бы до 2 р. 50 к. Если бы кривая спроса немного поднялась вследствие увеличения спроса, она могла бы встретиться с кривою предложения в букве В; средний размер предложения был бы равен IV, т. е. 400.000, а стоимость 3 р. 50 к. Таким образом, то соотношение кривых спроса и предложения, которое формулировано математическою школою и представлено ею в диаграмме № 1, на самом деле существует (поскольку речь идет о средней цене и средних размерах спроса и предложения), только в узких пределах колебания стоимости между 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к., — пределах различной производительности и количественным соотношением между этими предприятиями, т. е. *среднею технической структурой данной отрасли*. Только в этих узких пределах предложение имеет вид поднимающейся кривой, каждая точка которой показывает размер производства и соответствующую ему стоимость. Только в этих узких пределах изменение кривой спроса, передвигая пункт встречи ее с кривою предложения (в буквах А, С или В), тем самым изменяет размер производства и, — влияя таким образом на средние технические условия, в которых производится вся товарная масса, — величину стоимости (2 р. 50 к., 3 р., 3 р. 50 к.). Но такое влияние спроса на стоимость происходит только через изменение технических условий производства и ограничено узкими пределами, в зависимости от технической структуры данной отрасли. Как только спрос выходит за эти пределы, косвенное влияние его, через технику производства, на стоимость прекращается. Пусть, например, спрос возрастает, как это показано пунктирною линией на диаграмме. В диаграмме № 1, составленной сторонниками математической школы, такое возрастание спроса приводит к тому, что кривая спроса пересечется с кривою предложения в точке, соответствующей цене 5 руб. Увеличение спроса будто бы непосредственно повышает стоимость товара. На диаграмме же № 3 средняя цена выше 3 р. 50 к. подняться не может, так как эта повышенная цена вызвала бы тенденцию к неограниченному росту предложения, обгоняющему спрос. Кривая предложения дальше точки В не идет. Поэтому, кривая возросшего спроса пересечется не с кривою предложения, а с продолжением ординаты, проходящей через букву В и соответствующей максимальной средней цене 3 р. 50 к. Значит, при повысившемся спросе увеличится размер производства до VII, т. е. 700.000, но стоимость и средняя цена останутся попрежнему 3 р. 50 к. (точнее, цена будет немного *превышать* 3 р. 50 к. и тяготеть к ней *сверху*, так как при цене ровно 3 р. 50 к. устанавливается, по нашему предположению, размер производства только в 400.000). Таким образом, различие между диаграммами № 1 и № 3 заключается в следующем: В диаграмме № 1 перед нами две кривые (спроса и предложения), не регулируемые условиями производства. Встреча их может

произойти в *любом* пункте, в зависимости только от направления обеих кривых; следовательно, пункт встречи может быть установлен конкуренцией на *любом* уровне. Всякое изменение спроса непосредственно изменяет цену, отождествляемую со стоимостью.

В диаграмме № 3 предложение заранее имеет вид не кривой, допускающей бесчисленное множество мест встречи, но небольшого отрезка кривой АСВ, определяемого *техническими условиями производства*. Конкуренция заранее регулируется *производственными условиями*. Этими условиями устанавливаются пределы изменений стоимости или средних цен. С другой стороны, стоимость, устанавливающаяся в каждом случае внутри этих пределов, точно соответствует *производственным условиям*, сопровождающим данный размер производства. Спрос может воздействовать на стоимость не *непосредственно и неограниченно*, но лишь *косвенно*, через изменение *технических условий* производства, и в *узких пределах*, обусловливаемых ими же. Таким образом, остается в силе основное положение Марксовой теории, что стоимость и ее изменения определяются исключительно состоянием и развитием *производительности труда* или количеством общественного труда, необходимого для производства единицы товара при средних технических условиях.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

СТОИМОСТЬ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Закончивши исследование производственных отношений между товаровладельцами (теория стоимости) и между капиталистами и рабочими (теория капитала), Маркс в III томе «Капитала» переходит к изучению производственных отношений между промышленными капиталистами разных сфер производства (теория цен производства). Конкуренция капиталов между отдельными сферами производства приводит к образованию общей средней нормы прибыли и к продаже товаров по ценам производства, которые равны издержкам производства плюс средняя прибыль и количественно не совпадают с трудовою стоимостью товаров. Но как величина издержек производства и средней прибыли, так и их изменения объясняются изменениями в производительности труда и в трудовой стоимости товаров; это значит, что законы изменений цен производства могут быть поняты только исходя из закона трудовой стоимости. С другой стороны, средняя норма прибыли и цена производства, являясь регуляторами распределения капиталов между отдельными отраслями производства, косвенно — через распределение капиталов — регулируют и распределение общественного труда между разными сферами производства. Капиталистическое хозяйство есть система распределенных и находящихся в подвижном равновесии капиталов, но одновременно оно не перестает быть — как всякое хозяйство, построенное на

разделении труда — системой распределенного и находящегося в подвижном равновесии труда. Надо только под видимым процессом распределения капиталов разглядеть невидимый процесс распределения общественного труда. Марксу удалось ясно показать связь между обоими этими процессами благодаря тому, что им было выяснено понятие, служащее связующим звеном между ними, а именно — понятие органического состава капитала. Зная деление данного капитала на постоянный и переменный и норму прибавочной стоимости, мы можем легко определить количество труда, приводимого им в движение, т. е. можем от распределения капиталов перейти к распределению труда.

Таким образом, если в III томе «Капитала» Маркс дает теорию *цен производства*, как регулятора *распределения капиталов*, то теория эта обоими своими звеньями связывается с теорией стоимости: с одной стороны, цены производства выводятся из трудовой стоимости, а, с другой стороны, распределение капиталов приводит к распределению общественного труда. Вместо схемы простого товарного хозяйства: *производительность труда — трудовая стоимость — распределение общественного труда*, для капиталистического хозяйства получается более сложная схема: *производительность труда — трудовая стоимость — цены производства — распределение капиталов — распределение общественного труда*. Марксова теория цен производства не противоречит теории трудовой стоимости, она построена на ее основе и включает ее в себя, как одну из своих составных частей. Это и понятно, если вспомнить, что теория трудовой стоимости изучает только один тип производственных отношений между людьми (как между товаровладельцами), теория же цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений людей в капиталистическом обществе (отношения между товаровладельцами, отношения между капиталистами и рабочими, отношения между отдельными группами промышленных капиталистов). Если ограничиться этими тремя типами производственных отношений, то капиталистическое хозяйство можно уподобить трехмерному пространству, ориентирование в котором возможно только при помощи трех измерений или трех плоскостей. Как трехмерное пространство не может быть сведено к одной плоскости, так теория капиталистического хозяйства не может быть сведена к одной теории трудовой стоимости. Но как для ориентирования в пространстве необходимо определить расстояние данной точки от каждой из трех исходных плоскостей, так теория капиталистического хозяйства уже предполагает учение о производственных отношениях между товаровладельцами, т. е. теорию трудовой стоимости. Противники Маркса, усматривающие противоречие между теорией трудовой стоимости и теорией цен производства, не понимают метода Маркса, заключающегося в последовательном изучении разных типов производственных отношений людей или, так сказать, разных социальных измерений.

I. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РАВНОВЕСИЕ КАПИТАЛОВ.

Как мы видели, изменения стоимости товаров изучаются Марксом в их тесной связи с трудовой деятельностью товаропроизводителей. Обмен двух продуктов труда по их трудовой стоимости означает, что между двумя данными отраслями производства существует равновесие. Изменения в трудовой стоимости продуктов нарушают это равновесие труда, вызывают перелив, последнего из одной отрасли производства в другую, перераспределение производительных сил в народном хозяйстве. Изменения в производительной силе труда, т. е. увеличение или уменьшение количества труда, необходимого для производства данного товара, выражаются в соответственном увеличении или уменьшении его трудовой стоимости; изменения последней в свою очередь вызывают иное распределение труда между данной отраслью производства и другими. Производительность труда через трудовую стоимость воздействует на распределение общественного труда.

Такая непосредственная прямая, причинная связь между трудовой стоимостью продуктов и распределением общественного труда предполагает, что изменения трудовой стоимости продуктов непосредственно затрагивают производителей, организаторов производства, вызывая переход их из одной сферы производства в другую и, следовательно, перераспределение труда. Иными словами, предполагается, что организатором производства является непосредственный производитель-работник, одновременно владеющий средствами производства, например, ремесленник или крестьянин. Этот мелкий производитель стремится направить труд свой в те сферы производства, где данное количество труда доставляет ему продукт, наиболее высоко расценяемый на рынке. В результате распределение труда между различными сферами производства устанавливается таким образом, что определенное количество труда одинаковой интенсивности, квалификации и т. п., доставляет производителям во всех этих сферах приблизительно равную рыночную стоимость. Направляя в сапожное или портняжное дело свой живой труд, производитель-ремесленник одновременно направляет туда же необходимый для производства мертвый, накопленный труд, т. е. орудия и материалы труда или средства производства в широком смысле слова. Эти средства производства большей частью весьма несложны, стоимость их сравнительно незначительна и потому, естественно, не обнаруживает больших различий в отдельных сферах ремесленного производства. Распределение труда (живого труда) между отдельными сферами производства сопровождается распределением между ними же средств производства (мертвого труда). *Распределение труда*, регулируемое законом трудовой стоимости, носит первичный, *основной* характер, *распределение средств труда* — вторичный, *производный* характер.

Совершенно иначе происходит распределение труда в обществе капиталистическом. Так как организаторами производства здесь являются промышленные капиталисты, то от них именно зависит

расширение или сокращение производства, т. е. распределение производительных сил. В зависимости от прибыльности той или иной сферы производства, капиталист направляет туда свой капитал. Прилив капитала в данную сферу производства, вызывая в ней усиленный спрос на рабочие силы и тем самым повышение заработной платы, привлекает туда рабочие руки, живой труд¹⁾. Распределение производительных сил между отдельными сферами народного хозяйства происходит в форме распределения между ними капиталов, которое, в свою очередь, вызывает соответственное распределение живого труда или рабочих сил. Если, наблюдая в данной стране увеличение капиталов, вложенных в каменноугольную промышленность, и увеличение числа занятых в ней рабочих, мы спросим себя, какое из этих явлений послужило причиной другого, то, конечно, ответ не возбудит никаких сомнений: прилив капиталов вызвал прилив рабочих сил, а не наоборот. В капиталистическом обществе *распределение труда регулируется распределением капиталов*. Поэтому, ставя себе целью попрежнему изучение законов распределения общественного труда в народном хозяйстве, мы должны прибегнуть к обходному пути и приступить предварительно к изучению *законов распределения капиталов*.

Простой товаропроизводитель затрачивает на производство свой труд и стремится получить за свой продукт рыночную стоимость, пропорциональную его трудовым затратам и достаточную для существования его самого и его семьи и для продолжения производства в прежних или медленно расширяющихся размерах. Капиталист же затрачивает на производство свой капитал и стремится получить обратно капитал в увеличенном, приращенном размере. Это различие Маркс выразил в своих знаменитых формулах простого товарного хозяйства $T - D - T$ (товар — деньги — товар) и капиталистического хозяйства $D - T - D + d$ (деньги — товар — приращенные деньги). Если мы раскроем эту краткую формулу, то обнаружим между простым товарным и капиталистическим хозяйствами и различие техническое (мелкое и крупное производство), и различие социальное (какой общественный класс организует производство), и — как следствие различного характера производства и различного социального положения производителей — различие мотивов производителей (стремление ремесленника к обеспеченному существованию и стремление капиталиста к возрастанию стоимости). «Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть субъективная цель капиталиста» (К. I, с. 122). Капиталист направляет свой капитал в ту или иную сферу производства, в зависимости от степени возрастания капитала, приложенного в данной сфере. Распределение капиталов между различными сферами производства зависит от степени возрастания в них капитала.

Степень возрастания капитала определяется отношением между d , приращением капитала, и D , авансированным капиталом. В простом то-

¹⁾ „Наемный труд, подчиненный капиталу... должен видоизменяться соответственно потребностям капитала и переходить из одной сферы производства в другую“ (К. III, с. 171).

варном хозяйстве стоимость товаров выражалась формулой $T = c + (v + m)$ ¹⁾. Ремесленник отсчитывает из стоимости готового продукта стоимость затраченных им средств производства, т. е. c , а остаток $(v + m)$, прибавленный его трудом, частью затрачивается на необходимые средства существования ремесленника и его семьи (v), частью же представляет собою фонд для расширенного потребления или расширенного производства (m). Для капиталиста та же самая стоимость продукта имеет вид $T = (c + v) + m$. Из стоимости товара капиталист отсчитывает $(c + v) = k$, авансированный капитал или издержки производства, безразлично затраченные на покупку средств производства (c) или рабочей силы (v). Остаток m он считает своею прибылью²⁾. Таким образом, $c + v = k$, а $m = p$. Формула $T = (c + v) + m$ превращается в формулу $T = k + p$, т. е. «товарная стоимость равна издержкам производства + прибыль» (К. III, с. 11). Капиталиста, однако, интересует не абсолютный размер прибыли, а отношение ее к авансированному капиталу, норма прибыли $p' = \frac{p}{k}$. Норма прибыли выражает «то числовое отношение, в котором самовозрастает стоимость всего капитала» (К. III, с. 21). Таким образом, установленная нами выше зависимость распределения капитала от степени возрастания его в различных сферах производства означает, что *регулятором распределения капиталов становится норма прибыли*.

Переход капиталов из сфер производства с более низкой нормою прибыли в сферы производства с более высокой создает тенденцию к уравниванию нормы прибыли во всех сферах производства, к установлению общей средней нормы прибыли. Конечно, полностью эта тенденция никогда не осуществляется в неорганизованном капиталистическом хозяйстве, как и не осуществляется в нем полное равновесие между различными сферами производства. Но это отсутствие равновесия, сопровождаемое различиями в норме прибыли, приводит к переливу капиталов, имеющему тенденцию уравнивать норму прибыли и установить равновесие между отдельными сферами производства. Это «постоянное уравнивание постоянно возникающих неравенств» (К. III, с. 172) вызывается стремлением капиталов к наивысшей норме прибыли. При капиталистическом производстве «дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь ту же самую прибавочную стоимость или прибыль, какая приходится на всякий другой капитал такой же величины, или *pro rata* его величины, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется... В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале» (К. III, с. 171). Для того, чтобы установилась такая общая средняя норма прибыли, необходима наличность конкуренции

¹⁾ T означает стоимость товара, c = постоянный капитал, v = переменный, k = весь капитал, m = прибавочная стоимость, m' = норма прибавочной стоимости, p = прибыль, p' = норма прибыли.

²⁾ Мы отождествляем здесь всю прибавочную стоимость m с прибылью.

между капиталами, занятыми в различных сферах производства, возможность для них перехода из одной сферы в другую, так как в противном случае в различных сферах производства могут установиться различные нормы прибыли. При возможности указанной конкуренции капиталов, равновесие между различными сферами производства теоретически может установиться только в том случае, если доставляемые ими нормы прибыли приблизительно равны, если в каждой из этих сфер капиталисты, работающие при средних, общественно-необходимых условиях, выручают общую среднюю норму прибыли.

Итак, *равновеликие капиталы*, занятые в *различных* сферах производства, доставляют *одинаковую* прибыль. Капиталы, различные по величине, доставляют *прибыли*, пропорциональные их *размерам*. Если капиталы K и K_1 дают прибыли p и p_1 , то $\frac{p}{K} = \frac{p_1}{K_1} = p'$, где p' есть общая средняя норма прибыли. Но откуда получает капиталист свою прибыль p ? Из продажной цены товара. Прибыль капиталиста p есть избыток продажной цены товара над издержками его производства. Следовательно, продажные цены различных товаров должны установиться на таком уровне, при котором капиталисты, производители этих товаров, за покрытием или — что то же самое — возмещением своих издержек производства получают остаток продажной цены или прибыль, пропорциональную величине авансированного капитала. Продажная цена товара, которая покрывает *издержки производства* и доставляет *среднюю норму прибыли* на весь авансированный капитал, называется *ценою производства*. Иначе говоря, ценою производства называется такая цена товара, при которой капиталист выручает среднюю норму прибыли на авансированный капитал. А так как равновесие различных сфер производства предполагает, как мы видели, получение капиталистами во всех этих сферах средней нормы прибыли, то, следовательно, равновесие различных сфер производства предполагает продажу их продуктов по ценам производства. Цена производства соответствует равновесию капиталистического хозяйства; это теоретически-мыслимый средний уровень цен, при котором прекращаются переливы капиталов из одной отрасли в другую. Если *трудовая стоимость* соответствовала *равновесию труда* в различных сферах производства, то *цена производства* соответствует *равновесию капиталов*, занятых в различных сферах. «Цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства» (К. III¹, с. 174), т. е. условием равновесия между различными сферами капиталистического хозяйства.

Цену производства не надо смешивать с рыночными ценами, которые постоянно колеблются вверх и вниз, то превышая цену производства, то не достигая ее. Цена производства есть теоретически-мыслимый центр равновесия, регулятор постоянных колебаний рыночных цен. В условиях капиталистического хозяйства цена производства выполняет такую же социальную функцию, какую рыночная стоимость, определяемая затратами труда, выполняет

в условиях простого товарного хозяйства. И первая и последняя суть «цены равновесия», но трудовая стоимость соответствует состоянию равновесия в распределении труда между различными сферами простого товарного хозяйства, а цена производства соответствует состоянию равновесия в распределении капиталов между различными сферами капиталистического хозяйства. Это распределение капиталов в свою очередь означает известное распределение труда. Мы видим, что при различных общественных формах хозяйства конкуренция приводит к установлению различного уровня цен товаров. Как метко выразился Гильфердинг, конкуренция может объяснить нам только «тенденцию к установлению равенства экономических отношений» для отдельных товаропроизводителей. Но в чем именно будет заключаться это равенство экономических отношений, — зависит от объективной социальной структуры народного хозяйства. В одном случае это будет *равенство труда*, в другом случае *равенство капиталов*.

Цена производства, как мы видели, равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Если средняя норма прибыли дана, то вычислить цену производства не трудно. Пусть авансирован капитал 100, средняя норма прибыли 22%. Если весь авансированный капитал снашивается в течение года, то издержки производства равны всему капиталу. Цена производства равна $100 + 22 = 122$. Сложнее расчет в том случае, когда из основной части авансированного капитала снашивается в течение года только определенная часть. Если капитал 100 состоит из 20 v и 80 c , из которых в течение года снашиваются только 50 c , то издержки производства равны $50 c + 20 v = 70$. К этой сумме прибавляются 22%, но не только на сумму издержек производства 70, а на всю сумму авансированного капитала 100. Цена производства, таким образом, $70 + 22 = 92$. (К. III¹, с. 131 — 132). Если бы из того же постоянного капитала 80 c снашивание в течение года составляло только 30 c , то издержки производства равнялись бы $30 c + 20 v = 50$, а к этой сумме попрежнему прибавлялась бы сумма прибыли 22. Цена производства товара равна *издержкам* его производства плюс *средняя* прибыль на *весь авансированный* капитал.

II. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Для простоты наших расчетов примем, что весь авансированный капитал снашивается в течение года, т. е. издержки производства равны авансированному капиталу. Если два товара произведены при помощи капиталов K и K_1 , то цена производства первого товара равна $K + p' K$, второго $K_1 + p' K_1$ ¹⁾. Цены производства двух товаров относятся друг к другу, как $\frac{K + p' K}{K_1 + p' K_1} = \frac{K(1 + p')}{K_1(1 + p')} = \frac{K}{K_1}$.

¹⁾ Маркс обычно пользуется формулой $K + Kp'$, понимая под K издержки производства, а не капитал (К. III¹, с. 141, 148). Но в другом месте он указывает, что равные капиталы производят товары, имеющие равную цену производ-

Цены производства товаров пропорциональны капиталам, при помощи которых эти товары произведены. Равную цену производства имеют товары, произведенные при помощи равных капиталов. Приравнение на рынке двух товаров, произведенных в различных отраслях, означает равенство двух капиталов.

Приравнение на рынке товаров, на производство которых затрачены равные капиталы, означает приравнение товаров, на производство которых затрачены неравные количества труда. Ибо равные капиталы, при различии их органического состава, приводят в движение неравные массы труда. Пусть один капитал в 100 состоит из 70 с и 30 v. Другой капитал в 100 состоит из 90 с и 10 v. При норме прибавочной стоимости в 100%, живой труд рабочего вдвое больше оплаченного труда, выраженного в переменном капитале (т. е. в его заработной плате). Таким образом, на производство первого товара затрачены 70 единиц мертвого труда и 60 живого труда, итого 130; на производство второго товара 90 единиц мертвого труда и 20 живого труда, итого 110. Но так как оба товара произведены равными капиталами, то они на рынке приравниваются друг другу, несмотря на то, что они произведены неравными количествами труда. Равенство капиталов означает неравенство труда.

Такое же расхождение между размерами капиталов и размерами труда получается вследствие различия в периодах оборота переменной части капитала. Примем органический состав обоих капиталов за одинаковый, а именно $80\text{ с} + 20\text{ v}$. Но в первом капитале его переменная часть оборачивается один раз в течение года, а во втором капитале три раза, т. е. каждую треть года капиталист выплачивает рабочим 20 v, а сумма заработной платы, выплаченной рабочим за весь год, составляет 60. Очевидно, что трудовые затраты на первый товар равны $80 + 40 = 120$, а на второй товар $80 + 120 = 200$. Но так как авансированные капиталы, при всем различии в периодах оборота, в обоих случаях равны 100, то товары приравниваются друг другу, хотя и произведены неравными массами труда. Необходимо отметить, что «разница в периоде оборота сама по себе имеет значение лишь постольку, поскольку она влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может

ства, — «если отвлечься от того, что часть основного капитала входит в процесс труда, не входя в процесс возрастания стоимости» (Theorien, III, S. 76). Выведенная нами в тексте формула пропорциональности цен производства капиталам может быть сохранена даже при частичном потреблении основного капитала, если «стоимость не потребленной части основного капитала причислить к продукту» (там же, S. 74). Примем, что первый капитал 100 состоит из $80\text{ с} + 20\text{ v}$, снашивание основного капитала 50 с. Второй капитал 100 состоит из $70\text{ с} + 30\text{ v}$, снашивание основного капитала 50 с. Средняя норма прибыли 20%. Цена производства первого продукта 90, второго 70, т. е. цены производства не равны, хотя капиталы равны. Если, однако, к цифре 90 прибавить не потребленную часть основного капитала, а именно 30, и точно так же к 70 прибавить 50, то в обоих случаях получим 120. Цены производства, включая не потребленную часть основного капитала, пропорциональны капиталам. См. подробный расчет в примечании Каутского в Theorien, III, S. 74, а также К. I, с. 183 и примечание к ней.

быть присвоена и реализована тем же самым капиталом» (К. III, с. 128), т. е. поскольку речь идет о разнице в периоде оборота переменного капитала. Оба указанных явления, а именно различие в органическом составе капиталов и различие периодов оборота, сводятся в конечном счете к тому, что размер капитала сам по себе не может служить показателем количества живого труда, приводимого им в движение, так как последнее количество зависит от: 1) размера переменного капитала и 2) числа его оборотов.

Мы приходим, следовательно, к выводам, которые на первый взгляд опрокидывают теорию трудовой стоимости. Исходя из основного закона равновесия капиталистического хозяйства, а именно из равной нормы прибыли во всех сферах производства, из продажи товаров по ценам производства, содержащим равную норму прибыли мы получаем следующие результаты. Равные капиталы приводят в движение неравные количества труда. Равные цены производства соответствуют неравным трудовым стоимостям. В теории трудовой стоимости основными звеньями наших рассуждений служили: *трудовая стоимость* товара, как функция производительности труда, и *распределение труда* между различными сферами производства, находящимися в состоянии равновесия. В теории капиталистического хозяйства основными звеньями наших рассуждений служат: *цена производства* товара и *распределение капиталов* между различными сферами производства, находящимися в состоянии равновесия. Но цена производства не совпадает с трудовой стоимостью, а распределение капиталов — с распределением труда. Не значит ли это, что основные элементы теории трудовой стоимости являются совершенно излишними для изучения капиталистического хозяйства, что мы должны выбросить этот ненужный теоретический балласт и сосредоточить наше внимание исключительно на ценах производства и распределении капиталов? Мы постараемся показать, что изучение цен производства и распределения капиталов в свою очередь предполагает трудовую стоимость, что эти центральные звенья теории капиталистического хозяйства не исключают указанных выше звеньев теории трудовой стоимости, а, напротив, при дальнейшем анализе неизбежно приводят к ним и вместе с ними включаются в общую теорию равновесия капиталистического хозяйства. От распределения капиталов мы должны перебросить мост к распределению труда, от цены производства — к трудовой стоимости. Сперва займемся первой половиною этой задачи.

Мы видели, что распределение капиталов не совпадает с распределением труда, что равенство капиталов означает неравенство труда. Если капитал в 100, затраченный в данной сфере производства, уравнивает, через обмен товаров на рынке, капитал в 100, затраченный в любой другой сфере производства, то при различии органического состава этих капиталов — это означает, что определенное количество труда, затраченное в первой сфере, уравнивает другое, *неравное* ему количество труда, затраченное в другой сфере. Теперь нам остается определить, *какие именно* количества

труда, затраченные в разных сферах производства, уравнивают друг друга. Хотя размеры капиталов не совпадают точно в их количественном выражении с количествами приводимого ими в движение труда, тем не менее между обоими существует тесная связь. Связь эту мы можем обнаружить, зная органический состав капиталов. Если первый капитал составляет $80 c + 20 v$, а второй $70 c + 30 v$, то, при норме прибавочной стоимости в 100% , первый капитал приводит в движение 40 единиц живого труда, а второй 60. При данной норме прибавочной стоимости «определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы, а следовательно, определенное количество овеществленного труда» (К. III¹, с. 119). «Переменный капитал служит здесь показателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины» (с. 119—120). Таким образом, мы узнаем, что в первой сфере производства общее количество затрат труда составляет 120 (80 мертвого и 40 живого), а во второй 130 (70 мертвого и 60 живого). Отправляясь от распределения капиталов между данными сферами производства (по 100 в каждой), мы пришли, через органический состав капиталов, к распределению общественного труда между этими же сферами (120 в первой и 130 во второй). Мы узнаем, что масса труда в 120, затраченная в первой сфере, уравнивает массу труда в 130, затраченную во второй сфере. Капиталистическое хозяйство устанавливает равновесие между неравными количествами труда, поскольку они приводятся в движение равными капиталами. Через законы *равновесия капиталов* мы пришли к *равновесию в распределении труда*. Правда, при условиях простого товарного хозяйства равновесие устанавливается между равными количествами труда, а при условиях капиталистического хозяйства между неравными. Но ведь задача научного исследования заключается только в том, чтобы точно формулировать законы распределения и равновесия труда, какой бы вид эта формула ни принимала. Если мы предполагаем простую схему непосредственного воздействия производительности труда через трудовую стоимость на распределение труда, то получаем формулу равновесия равных количеств труда. Если мы предполагаем, что распределение труда направляется распределением капиталов, которое получает значение промежуточного звена в цепи причинных связей, то формула равновесия труда становится зависимою от формулы равновесия капиталов: *уравниваются неравные массы труда, приводимые в движение равными капиталами*. Предметом нашего исследования остается попрежнему распределение и равновесие общественного труда. Но в капиталистическом хозяйстве это распределение труда устанавливается реально через распределение капиталов. Поэтому и формула равновесия труда получается более сложная, чем в простом товарном хозяйстве, а именно, как производная из формулы равновесия капиталов.

Как видим, и в капиталистическом обществе уравнение вещей на рынке оказывается тесно связанным с уравнением труда. Если на

рынке приравниваются продукты двух сфер, произведенные равными капиталами, но с затратами неравных масс труда, это означает, что в процессе распределения общественного труда между разными сферами уравниваются неравные массы труда, приводимые в движение равными капиталами. Маркс не ограничивается тем, что констатирует неравенство трудовых стоимостей двух товаров с одинаковыми ценами производства: он дает нам теоретическую формулу отклонения цен производства от трудовой стоимости. Точно так же не ограничивается он констатированием того, что в капиталистическом хозяйстве уравниваются неравные массы труда, затраченные в разных сферах: он дает нам теоретическую формулу отклонения распределения труда от распределения капиталов, т. е. устанавливает связь между обоими этими процессами через понятие органического состава капитала.

Для иллюстрации изложенного приведем первую половину таблицы Маркса в III томе «Капитала», с изменением заглавий отдельных рубрик. «Возьмем пять различных сфер производства с различным органическим составом вложенных в них капиталов» (К. III¹, с. 130). Общая сумма общественного капитала равна 500, норма прибавочной стоимости 100% .

Распределение капиталов.	Органический состав капиталов.	Распределение труда.
I. 100	$80 c + 20 v$	120
II. 100	$70 c + 30 v$	130
III. 100	$60 c + 40 v$	140
IV. 100	$85 c + 15 v$	115
V. 100	$95 c + 5 v$	105

Третья рубрика, названная у нас «Распределение труда» и показывающая количество затраченного в каждой сфере труда, носит у Маркса заглавие «Стоимость продукта», так как трудовая стоимость всего продукта каждой сферы производства определяется количеством затраченного в ней труда. Критики Маркса утверждают, что эта рубрика «Стоимость продукта» является фиктивной, искусственно придуманною и теоретически излишнею. Они упускают из виду, что эта рубрика показывает не только трудовую стоимость продуктов различных сфер производства, но и *распределение общественного труда между различными сферами производства*, т. е.

явление, объективно существующее и имеющее центральное значение для экономической теории. Отказаться от этой рубрики было бы равносильно отказу от экономической теории, изучающей трудовую деятельность общества. Таблица наглядно показывает, каким образом Маркс от *распределения капиталов* через их *органический состав* перебрасывает мост к *распределению общественного труда*¹⁾. Таким образом, цепь причинных связей удлиняется и приобретает следующий вид: *цены производства — распределение капиталов — распределение общественного труда*. Теперь мы должны обратиться к анализу первого звена этой цепи, цен производства, и рассмотреть, не предполагает ли это звено других, более первичных звеньев.

II. ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Мы пришли выше к следующей схеме причинной связи явлений: цены производства — распределение капиталов — распределение труда. Исходным пунктом в этой схеме является цена производства. Можем ли мы остановиться в нашем анализе на цене производства или должны вести его дальше? Что такое цена производства? Издержки производства плюс средняя прибыль. Но из чего составляются издержки производства? Из стоимости затраченных на производство постоянного и переменного капиталов. Сделаем дальнейший шаг и спросим, чему равна стоимость постоянного и переменного капиталов. Очевидно, стоимости тех товаров (машин, сырья, средств существования и т. п.), которые входят в них. Таким образом, все наше рассуждение вращается в порочном круге: стоимость товаров объясняется ценами производства, т. е. издержками производства или стоимостью капитала, а последняя в свою очередь сводится к стоимости товаров. «Определять стоимость товаров стоимостью капитала все равно, что определять стоимость товара стоимостью товара» (Theorien, III, S. 82).

Чтобы теория цен производства не превратилась в порочный круг, мы должны найти те условия, в зависимости от которых изменяются как *издержки производства*, так и *средняя норма прибыли*. Начнем с *издержек производства*.

Если средняя норма прибыли остается неизменной, то цена производства товара изменяется в зависимости от изменений издержек производства. Издержки же производства данного товара изменяются в следующих случаях: 1) если, при неизменившихся ценах на средства производства и рабочую силу, изменились их относительные количества, необходимые для производства, т. е. изменилась

¹⁾ К сожалению, Марксу не удалось развить подробнее вопрос о связи между распределением капиталов и распределением труда, но, видимо, он предполагал к нему вернуться. Остановившись на вопросе о том, «пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью *распределен труд* между различными сферами производства», Маркс делает к этим словам примечание в скобках: «остановиться на этом пункте в связи с *распределением капитала* между различными сферами производства» (К. III, стр. 173).

производительность труда в данной сфере производства; 2) если, при неизменности этих относительных количеств, изменились цены, например, средств производства, что предполагает изменение производительности труда в отраслях, производящих последние. В обоих случаях *издержки производства* изменяются в зависимости от изменений *производительности труда* и, следовательно, *трудовой стоимости* данного товара. Итак, «общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, — причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Хлопчатобумажная пряжа может упасть в цене производства или потому, что дешевле производится сырой хлопок, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие улучшения машин» (К. III, с. 180. То же на стр. 141).

Необходимо отметить, что издержки производства в своем количественном выражении не совпадают точно с трудовой стоимостью товаров, входящих в их состав. «Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которых включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства» (К. III, с. 140). Как видим, это обстоятельство, которому придавал такое большое значение в своей критике Марксовой теории М. Туган-Барановский, было отлично известно самому Марксу, который даже предостерегал, «что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства» (К. III, с. 140. О том же стр. 136—137 и 181). Но это отклонение ни в малейшей степени не устраняет того факта, что изменения трудовой стоимости, вызываемые развитием производительности труда, вызывают изменения в издержках производства и, следовательно, в ценах производства, что и требовалось доказать. Несовпадение количественных выражений различных рядов явлений не устраняет наличности причинной связи между ними и зависимости изменений одного ряда от изменений другого. Если только мы можем установить законы этих зависимостей, задача наша выполнена.

Вторую часть цены производства, кроме издержек производства, составляет средняя прибыль, т. е. *средняя норма прибыли*, умноженная на капитал. Нам придется теперь рассмотреть подробнее как образование средней нормы прибыли и ее размер, так и ее изменения.

Теория прибыли изучает соотношение и законы изменения доходов отдельных промышленных капиталистов и их отдельных групп. Но производственные отношения между отдельными капиталистами и их группами не могут быть поняты без предварительного изучения

основного производственного отношения между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Понятно поэтому, что теория прибыли, изучающая соотношение доходов отдельных капиталистов и их групп, строится Марксом на основе теории прибавочной стоимости, изучающей соотношение доходов класса капиталистов и класса наемных рабочих.

Из теории прибавочной стоимости мы знаем, что в капиталистическом хозяйстве стоимость продукта разлагается на следующие три части. Одна часть (с) возмещает стоимость потребленного в производстве постоянного капитала, это воспроизведенная, а не произведенная стоимость. Вычитая эту стоимость из стоимости всего продукта ($T - c$), получаем стоимость, произведенную живым трудом, «созданную» им, являющуюся результатом данного процесса производства. Эта стоимость в свою очередь делится на две части: одна (v) возмещает стоимость средств существования рабочих, их заработной платы или, что то же самое, переменного капитала. Остаток $m = T - c - v = T - (c + v) = T - k$, и есть прибавочная стоимость, достаемая классу капиталистов и расходуемая им для целей личного потребления и для расширения производства (т. е. накопления). Таким образом, вся полученная стоимость делится на фонд воспроизводства постоянного капитала (с), фонд существования рабочих или воспроизводства рабочей силы (v) и фонд существования капиталистов и расширенного воспроизводства (m).

Последний фонд получается благодаря тому, что труд, затраченный рабочими в процессе производства, больше труда, необходимого для производства их фонда существования. Значит, *прибавочная стоимость* тем больше, чем больше первый труд и чем меньше последний, она определяется избытком первого над последним, т. е. величиною неоплаченного или *прибавочного труда*. Прибавочная стоимость «создается» прибавочным трудом. Однако, как мы уже выяснили выше, ошибочно представлять себе дело таким образом, будто прибавочный труд, как материальная деятельность, «создает» прибавочную стоимость, как свойство вещи. Прибавочный труд «выражается», «проявляется», «представляется» (sich darstellt) в прибавочной стоимости. Величина последней изменяется в зависимости от изменения количества первого.

Величина прибавочного труда зависит: 1) либо от отношения его к необходимому, оплаченному труду, т. е. от *нормы прибавочного труда* или прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$; 2) либо, принимая эту норму за данную, от *числа рабочих* ¹⁾, т. е. от количества живого труда, приводимого в движение капиталом. При данной норме прибавочной стоимости величина прибавочной стоимости зависит от общего количества живого труда и, следовательно, прибавочного труда. Возьмем теперь два равных капитала по 100, которые, в силу тенденции нормы прибыли к уравниванию, доставляют равную прибыль. Если капиталы

затрачены исключительно на оплату рабочей силы (v), то они приводят в движение равные массы живого труда и, следовательно, прибавочного труда. Таким образом, равные прибыли, соответствующие равным капиталам, одновременно соответствуют равным количествам прибавочного труда; прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Тот же результат получится, если оба капитала делятся в одинаковой пропорции на постоянный и переменный капиталы. Равенство переменных капиталов означает равенство живого труда, приводимого ими в движение. Но, если капитал 100 в одной сфере производства равен $70c + 30v$, а другой капитал 100 в другой сфере равен $90c + 10v$, то приводимые ими в движение массы живого и, следовательно, прибавочного труда неодинаковы. Несмотря на это, капиталы эти, как равные, в силу конкуренции капиталов между различными сферами производства приносят равную прибыль, например, 20. Очевидно, *прибыли, приносимые этими капиталами, не соответствуют массам приводимого ими в движение живого и, следовательно, прибавочного труда, не пропорциональны им*. Иначе выражаясь, *капиталисты получают иные суммы прибыли, чем они получали бы при том условии, если бы прибыли были пропорциональны прибавочному труду или прибавочной стоимости*. Только в таком смысле и следует понимать слова Маркса, что капиталисты «реализуют не ту прибавочную стоимость, а, следовательно, и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при изготовлении этих товаров» (К. III, с. 133). Некоторые критики Маркса понимали его в том смысле, что первый из указанных выше капиталов как-бы «отдает» второму капиталу 10 единиц труда, приложенного первым; часть прибавочного труда и прибавочной стоимости, подобно материальной жидкости, «перетекает», «переливается» из одних сфер производства в другие, а именно, из сфер с низким органическим составом капитала в сферы, отличающиеся высоким органическим составом капитала. «Прибавочные стоимости, выжатые из рабочих в отдельных сферах производства, должны притекать из одной сферы в другую до тех пор, пока нормы прибыли не уравниваются и все капиталисты не получают среднюю норму прибыли... Однако, такое предположение невозможно, так как прибавочная стоимость представляет собою первоначально не денежную цену, а только кристаллизованное рабочее время и, как таковое, не может притекать из одной сферы в другую. И, что еще важнее, в действительности не прибавочная стоимость, а сами капиталы перетекают из одной сферы производства в другую до тех пор, пока не уравниваются нормы прибыли» ¹⁾. Само собою понятно, — и не требует доказательств здесь, — что и по Марксу процесс уравнивания нормы прибыли происходит при помощи перехода капиталов, а не прибавочных стоимостей, из одной сферы производства в другую (К. III, с. 171—172,

¹⁾ Budge, Der Kapitalprofit, 1920, S. 48. На этом же строит свою критику Heimann, Methodologisches zu den Problemen des Wertes. Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1913, B. 37, H. 3, S. 777.

¹⁾ Длина рабочего дня и интенсивность труда принимаются за данные.

133, 155, 343 и друг.). Но этот переход капиталов, благодаря которому в различных сферах производства устанавливаются цены производства, содержащие равную норму прибыли, приводит к тому, что прибыли, получаемые капиталами, не пропорциональны количествам живого и, следовательно, прибавочного труда, приводимого ими в движение. Но если соотношение прибылей двух капиталов, занятых в различных сферах производства, не соответствует соотношению количеств занятого ими живого труда, то отсюда еще не следует, что часть прибавочного труда или прибавочной стоимости «переходится», «переливается» из одной сферы производства в другую. Такое представление, основанное на буквальном толковании некоторых выражений Маркса и иногда проскальзывающее также у некоторых марксистов, вытекает из взгляда на стоимость, как на некоторое как бы материальное вещество, обладающее свойством текучести. Но если стоимость есть не вещество, переходящее от одного человека к другому, а общественное отношение между людьми, фиксированное, «выраженное», «представленное» в вещи, то указанное представление о «переливании» стоимости из одной сферы производства в другую не только не вытекает из Марксовой теории стоимости, но даже в корне противоречит учению Маркса о стоимости, как явлении общественном.

Если в капиталистическом обществе отсутствует непосредственная зависимость прибыли капиталиста от количества приводимого его капиталом в движение живого и, следовательно, прибавочного труда, не значит ли это, что мы вообще отказываемся найти законы образования средней нормы прибыли и причины, влияющие на ее уровень? Почему средний уровень прибыли в данной стране составляет 10%, а не 5% и не 25%? Мы не требуем от политической экономии точной формулы для вычисления в каждом случае средней нормы прибыли. Но мы в праве требовать, чтобы наука не принимала данную норму прибыли за исходный пункт исследования, не требующий в свою очередь никаких объяснений, а постаралась отыскать те основные причины, те ряды явлений, изменение которых вызывает повышение или понижение средней нормы прибыли, т. е. устанавливает уровень ее. Эту задачу и имеет в виду Маркс в своих известных таблицах в 9-й главе третьего тома «Капитала». Так как вторая и третья таблицы Маркса принимают в расчет также частичное сращивание основного капитала, то мы, чтобы не усложнять расчеты, возьмем за основу первую его таблицу, соответственным образом дополнив ее. Маркс берет пять различных сфер производства, с различным органическим составом вложенных в них капиталов. Норма прибавочной стоимости повсюду одна и та же, 100%.

Совокупный капитал общества составляет 500, из них 390 с и 110 v; он распределен между пятью сферами, по 100 в каждой. Органический состав капиталов показывает, сколько в каждой сфере приложено живого и, следовательно, прибавочного труда. Общая трудовая стоимость продуктов равна 610, совокупная прибавочная стоимость 110. Если бы товары каждой сферы продавались по их

КАПИТАЛЫ.	Трудовая стоимость продуктов.	Прибавочная стоимость.	Средняя норма прибыли.	Цена производства продуктов.	Отклонения цены производства от стоимости (и прибыли от прибавочной стоимости).
I. 80 c + 20 v	120	20	22%	122	+2
II. 70 c + 30 v	130	30	22%	122	-8
III. 60 c + 40 v	140	40	22%	122	-18
IV. 85 c + 15 v	115	15	22%	122	+7
V. 95 c + 5 v	105	5	22%	122	+17
390 c + 110 v	610	110	110	610	0
78 c + 22 v	—	22	—	—	—

трудовой стоимости или — что то же самое — если бы прибыли в каждой сфере соответствовали количествам живого и, следовательно, прибавочного труда, приложенного в данной сфере, то прибыли отдельных сфер производства были бы равны: 20%, 30%, 40%, 15%, 5%. Наивысшую прибыль получали бы сферы с низким органическим составом капитала, а более низкую прибыль сферы с высоким органическим составом капитала. Но, как мы знаем, такое различие норм прибыли в капиталистическом обществе невозможно, так как оно вызвало бы переход капиталов из сфер с низкой нормой прибыли в сферы с высокой, пока во всех сферах не установилась бы одна и та же средняя норма прибыли, в данном случае 22%. Товары, произведенные равными капиталами по 100, продаются по равным ценам производства в 122, хотя они произведены неравными количествами труда. Каждый капитал в 100 получает прибыль 22%, хотя равные капиталы в различных сферах приводят в движение неодинаковые количества прибавочного труда. «Каждый авансированный капитал, каков бы ни был его состав, приносит в течение года или иного промежутка времени столько прибыли на 100, сколько ее за этот же промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу как простые акционеры одного акционерного предприятия, в котором прибыль, приходящаяся

на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала» (К. III¹, с. 133—134).

На каком же уровне устанавливается средняя норма прибыли, почему она в данном случае равна именно 22%? Представим себе, что все сферы производства расположены в нисходящий ряд, в зависимости от количества живого труда, приводимого в движение каждой сотней капитала. Переменные части капиталов (взятые в процентном отношении) сверху вниз уменьшались бы (или, что то же самое, органический состав капиталов возрастал бы сверху вниз). Параллельно и в том же отношении уменьшались бы сверху вниз нормы прибыли, которые приходились бы на долю каждого капитала, если бы его прибыль определялась количеством приводимого им в движение живого труда или размерами его переменного капитала. Но, как мы знаем, такое различие норм прибыли невозможно. Конкуренция капиталов устанавливает общую для всех сфер производства среднюю норму прибыли, находящуюся где-то посередине нисходящего ряда различных норм прибыли. Эта средняя норма прибыли соответствует капиталу с средними размерами приводимого в движение живого труда или с средними размерами переменной части. Иначе говоря, «средняя норма прибыли есть не что иное, как вычисленная в процентах прибыль в сфере производства среднего состава, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью» (К. III¹, с. 148). В данном случае весь общественный капитал 500 состоит из 390 с + 110 v, средний состав каждой его сотни 78 с + 22 v; при норме прибавочной стоимости в 100%, на каждую сотню такого капитала среднего состава приходится 22% прибавочной стоимости. Размер этой прибавочной стоимости и определяет высоту средней нормы прибыли. Последняя, таким образом, определяется отношением *общей массы прибавочной стоимости (m)*, произведенной в обществе, к *совокупному общественному капиталу (K)*, или $p' = \frac{m}{K}$.

К тому же выводу Маркс приходит и другим путем. Он пользуется при этом методом сравнения, к которому часто прибегает для выяснения характерных особенностей капиталистического хозяйства. В данном случае, в вопросе о средней норме прибыли, он сравнивает развитое капиталистическое хозяйство с 1) *простым* товарным хозяйством и 2) *эмбриональным* или *гипотетическим* капиталистическим хозяйством, отличающимся от развитого капитализма *отсутствием конкуренции* между капиталами *разных* сфер производства, т. е. прикрепленностью каждого капитала к определенной сфере производства.

Итак, представим себе сперва общество простых товаропроизводителей, обладающее средствами производства стоимостью в 390 трудовых единиц и живым трудом своих членов в сумме 220. Эти производительные силы общества, составляющие 610 единиц живого и мертвого труда, распределены между пятью сферами производства, причем комбинация живого и мертвого труда в разных сферах раз-

лична, в зависимости от их технических особенностей. Пусть комбинация их такова (первая цифра означает мертвый труд, вторая живой): I 80 + 40, II 70 + 60, III 60 + 80, IV 85 + 30, V 95 + 10. Предположим, что производительность труда достигла уже такой ступени развития, при которой мелкий производитель половиною своего труда воспроизводит стоимость необходимых для него средств существования. В таком случае общая стоимость продуктов 610 разлагается на фонд воспроизводства средств производства 390, фонд существования производителей 110 и прибавочную стоимость 110, которая остается в руках тех же мелких товаропроизводителей и которую они могут затратить для целей расширенного потребления, либо для расширенного производства (или частично на то и на другое). Эта прибавочная стоимость 110 будет распределена между отдельными сферами производства и отдельными товаропроизводителями пропорционально затраченному труду; распределение ее между отдельными сферами будет: 20, 30, 40, 15, 5. Правда, эти массы прибавочной стоимости пропорциональны только массам живого труда, но не мертвого, приложенного в каждой сфере. При расчете на все количество труда в каждой сфере (*живого и мертвого*), эти массы прибавочной стоимости дали бы неравные нормы прибыли¹⁾. Но в простом товарном обществе производители и не знают категории прибыли. На средства производства они смотрят не как на капитал, долженствующий приносить определенную норму прибыли, но как на условие приложения труда, дающее возможность каждому товаропроизводителю поставить свой труд в равные условия с другими производителями, т. е. в такие условия, при которых равные количества живого труда доставляют равные стоимости.

Теперь представим себе, что во главе хозяйств стоят не простые товаропроизводители, а капиталисты. Остальные условия остались все без изменения. Очевидно поэтому, что как стоимость всего продукта, так и стоимость отдельных фондов, на которые она разлагается, остались без изменения. Разница та, что фонд расширенного потребления и расширенного производства (или прибавочная стоимость) в 110 остается не в руках непосредственных производителей, а в руках капиталистов. Та же совокупная общественная стоимость иначе распределяется между общественными классами. Так как стоимость продуктов не изменилась, то прибавочная стоимость распределяется между отдельными сферами и отдельными капиталистами в такой же пропорции, как раньше. Капиталисты каждой из пяти сфер получают: 20, 30, 40, 15, 5. Но они рассчитывают эти массы прибавочной стоимости на весь авансированный капитал, который в каждой сфере составляет 100. Получаются различные нормы прибыли, которые могут быть таковыми лишь при условии отсутствия конкуренции между отдельными сферами производства.

¹⁾ Разумеется, категория прибавочной стоимости и прибыли простому товарному хозяйству неизвестны. Речь идет здесь о той части товарной стоимости, производимой простыми товаропроизводителями, которая в условиях капиталистического хозяйства приняла бы форму прибавочной стоимости или прибыли.

Наконец, от гипотетического капитализма перейдем к действительному капитализму, при котором между различными сферами производства существует конкуренция капиталов. В таком случае различие норм прибыли невозможно, так как оно вызвало бы передвижение капиталов из одних сфер в другие до тех пор, пока во всех сферах не установится равная норма прибыли. Иначе говоря, прежняя масса прибавочной стоимости будет теперь иначе распределяться между различными сферами и между отдельными капиталистами, а именно пропорционально авансированным ими капиталам. Но это видоизмененное распределение прибавочной стоимости происходит при условии неизменившейся общей стоимости фонда расширенного потребления и расширенного производства. Прежняя масса прибавочной стоимости распределяется между отдельными капиталистами сообразно величине их капиталов. Получается средняя норма прибыли, определяемая отношением совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу.

Сравнение между простым товарным, гипотетическим капиталистическим и развитым капиталистическим хозяйствами изложено у Маркса не в таком связном виде, в каком мы изложили его здесь. О простом товарном хозяйстве Маркс говорит в 10-й главе (стр. 150—152), гипотетическое капиталистическое хозяйство он берет за основу анализа в восьмой главе и в таблицах девятой главы, где предполагаются отсутствие конкуренции между отдельными сферами и различные нормы прибыли. Изложенное нами сравнение трех различных типов хозяйств вызывает следующие сомнения. Что касается простого товарного хозяйства, то оно обычно предполагает преобладание живого труда над мертвым и приблизительно однородное соотношение между ними в различных сферах производства; в наших же схемах это соотношение предполагается различным в различных сферах. Это возражение, однако, не имеет большого значения, так как различное соотношение между живым и мертвым трудом, хотя исторически не было свойственно простому товарному хозяйству, но логически не противоречит этому типу хозяйства и может быть принято в качестве предположения в теоретической схеме. Более серьезные сомнения возбуждает схема эмбрионального или гипотетического капиталистического хозяйства. Если отсутствие в последнем конкуренции между капиталами разных сфер объясняет нам, почему товары не продаются по ценам производства, то оно же делает необъяснимым факт продажи товаров в соответствии с их трудовыми стоимостями. Ведь и в простом товарном хозяйстве продажа товаров по трудовым стоимостям может поддерживаться только при условии возможности переливов труда из одних сфер в другие, т. е. при наличии конкуренции между ними. В одном месте Маркс отмечает, что продажа товаров по трудовым стоимостям предполагает, как необходимое условие, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости и не вынуждала уступать ниже ее (К. III¹,

стр. 153). Но если отсутствует конкуренция между капиталами, которые прикреплены каждый к своей сфере, то в результате получается состояние монополии. Продажа по ценам выше трудовой стоимости не вызовет прилива капиталов из других сфер, продажа по ценам ниже трудовой стоимости не вызовет отлива капиталов из данной сферы в другие. Закономерность в установлении меновых пропорций товаров в соответствии с их трудовой стоимостью исчезает. На каком же основании схема эмбрионального капиталистического хозяйства предполагает, при отсутствии конкуренции между капиталами разных сфер, продажу товаров по трудовым стоимостям?

Дать ответ на этот вопрос можно, по нашему мнению, только при том изложении схем, которое мы дали выше. Схема № 2 представляет не изображение исторически существовавшего эмбрионального капитализма, но гипотетическую теоретическую схему, полученную из схемы № 1 (простого товарного хозяйства) при помощи методологического приема, заключающегося в изменении только одного из условий схемы, с сохранением всех прочих ее условий. В схеме № 2, по сравнению со схемой № 1, изменено только одно условие: предположено, что во главе хозяйств стоят не мелкие товаропроизводители, а *капиталисты*. Остальные условия сохранены *прежние*: массы живого и мертвого труда в каждой сфере, стоимость всего продукта и масса прибавочной стоимости, а, значит, и цены продуктов; таким образом сохраняется попрежнему продажа товаров по трудовым стоимостям. Последняя представляет собою теоретическое условие, перенесенное во 2-ю схему из 1-й схемы и возможное только при наличии другого, дополнительного теоретического условия, а именно при отсутствии конкуренции между капиталистами разных сфер. Поэтому, как только при переходе от 2-й схемы к 3-й схеме (развитого капитализма) мы изменяем это единственное условие, т. е. вводим предположение *конкуренции капиталов*, то тем самым продажа товаров по *трудовым стоимостям* уступает место продаже по *ценам производства*, реализующим для капиталистов *среднюю норму прибыли*. Но, совершивши переход от 2-ой схемы к 3-й схеме при помощи такого же методологического приема изменения одного из условий схемы, мы оставляем *неизменными* прочие ее условия; в частности прежнюю массу прибавочной стоимости. Таким-то образом мы и получаем вывод, что образование общей средней нормы прибыли представляет собою *перераспределение* между капиталистами прежней совокупной массы прибавочной стоимости, отношение которой к совокупному общественному капиталу и определяет высоту средней нормы прибыли. Повторяем, это «перераспределение» прибавочной стоимости должно быть, по нашему мнению, понимаемо не в смысле исторического процесса, который происходил во времени и которому предшествовало эмбриональное капиталистическое хозяйство с различными нормами прибыли в различных сферах¹⁾. Это — теоретическая схема

¹⁾ Сказанное не означает, что мы отрицаем исторический факт существования различных норм прибыли в период неразвитого капитализма. Мы только отвер-

распределения прибыли в капиталистическом обществе, схема, полученная из схемы № 1 (простого товарного хозяйства) посредством двукратного изменения условий схемы. При переходе от схемы № 1 к схеме № 2 было предположено, что изменился *общественный класс*, получающий прибавочную стоимость. При переходе от схемы № 2 к схеме № 3 было предположено, что в пределах того же класса капиталистов произошло *перераспределение* прибылей между разными сферами. Оба эти перехода составляют в сущности два логических звена одного рассуждения, обособленных для наглядности, но не существующих раздельно. По нашему мнению, неправильно превращать среднее логическое звено, схему № 2, в исторически существовавший тип хозяйства, переходный от простого товарного к развитому капиталистическому. Хотя отдельные выражения Маркса дают повод думать, что ему не чужд был взгляд на образование средней нормы прибыли из различных ее норм, как на процесс исторический, протекавший во времени, но, как увидим ниже, сам Маркс решительно отвергал историческое истолкование его теории стоимости.

Итак, средняя норма прибыли количественно определяется отношением между общей массой прибавочной стоимости и совокупным общественным капиталом. Мы полагаем, что в Марксовой системе средняя норма прибыли определяется, как величина *производная от массы совокупной прибавочной стоимости*, а не от *различных норм прибыли*, как может показаться при первом чтении Маркса. Выведение средней нормы прибыли из различных норм ее вызывает возражения, основанные на том, что существование в разных сферах различных норм прибыли, поскольку оно вызывается продажей продуктов разных сфер по их трудовым стоимостям, исторически и логически не доказано. Но, как мы уже изложили выше, различие норм прибыли в разных сферах играет у Маркса только роль теоретической схемы, выясняющей при помощи сравнения образование и высоту средней нормы прибыли. Сам Маркс подчеркивает, что «общая норма прибыли определяется двумя факторами: 1) органическим составом капиталов в различных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах; 2) распределением всего общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиною капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего особую норму прибыли» (К. III, стр. 138). Очевидно, что различные нормы прибыли отдельных сфер служат для Маркса только числовыми выражениями, *показателями органического состава капитала*, т. е. массы живого и, следовательно, прибавочного труда, приводимого в движение каждой сотней капитала в данной сфере. Этот фактор комбинируется со вторым, т. е. количеством прибавочного труда, приходящегося в каждой сфере на

гаем теорию, пытающуюся вывести необходимость этого факта из продажи товаров по трудовой стоимости, с одной стороны, и отсутствия конкуренции между разными сферами производства, с другой. Тем самым спор между Зомбартом и Гильфердингом теряет свое решающее значение для Марксовой теории цен производства. См. Гильфердинг, Вем-Базерк как критик Маркса. 1923 г., стр. 49—52.

одну сотню капитала, умножается на величину (т. е. число сотен) капитала, вложенного в данную сферу. В результате получаем массу прибавочного труда и прибавочной стоимости, сперва в отдельных сферах, а затем во всем общественном хозяйстве. Таким образом, средняя норма прибыли определяется в последнем счете не различными нормами прибыли в разных сферах, а совокупною массой прибавочной стоимости и отношением ее к совокупному общественному капиталу¹⁾, т. е. величинами, теоретически не вызывающими сомнения, — конечно, с точки зрения теории трудовой стоимости, — и вместе с тем выражающими вполне реальные явления народного хозяйства, а именно массы живого общественного труда и общественного капитала. В том именно и состоит своеобразие Марксовой теории цен производства, что весь вопрос о соотношении между прибавочною стоимостью и прибылью перенесен ею с единичного капитала на совокупный общественный капитал. Вот почему в нашем изложении Марксовой теории различные нормы прибыли в разных сферах не служат необходимым промежуточным звеном учения о средней норме прибыли, которое вкратце может быть резюмировано следующим образом. В капиталистическом хозяйстве *распределение капиталов* не пропорционально *распределению живого труда*. На сотню капитала в различных сферах приходится *различное* количество живого и, следовательно, *прибавочного труда* (различные нормы прибыли представляют не более, как числовое выражение этого соотношения между прибавочным трудом и капиталом в каждой сфере). Этот *органический состав* капиталов в различных сферах и *величина капитала* в каждой из них определяют *общую массу прибавочного труда и прибавочной стоимости* как в отдельных сферах, так и во всем обществе. Так как в силу конкуренции капиталов равные капиталы в различных сферах получают *равную прибыль*, то прибыль, получаемая отдельными капиталами, не пропорциональна количествам приводимого ими в движение живого труда и, следовательно, *не пропорциональна прибавочной стоимости*, а определяется средней нормою прибыли, т. е. отношением *совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу*.

Если чтение 8-ой главы III тома «Капитала» может вызвать у читателя представление, будто различие норм прибыли в различных сферах играет у Маркса роль необходимого промежуточного звена в его построениях, то объясняется это следующей особенностью изложения Маркса. Когда Маркс подходит к решающим местам своей системы, когда он должен перейти от общего определения к более частному, от общего понятия к его модификации, от одной «опре-

¹⁾ Если весь капитал общества составляет 1000, а масса совокупной прибавочной стоимости 100, то общая средняя норма прибыли будет 10%, как бы ни распределялся совокупный живой труд общества между отдельными сферами и, следовательно, какие бы нормы прибыли ни складывались в отдельных сферах. Обратно, если при том же совокупном капитале в 1000 масса совокупной прибавочной стоимости увеличится до 150, то, хотя бы нормы прибыли в отдельных отраслях производства остались неизменными, общая средняя норма прибыли поднимется с 10% до 15%.

деленности формы» к другой, он прибегает к следующему способу изложения. Он с огромною силою мысли делает все логические выводы из первого, развитого им определения, бесстрашно доводит до логического конца все следствия из него, обнаруживая перед читателем всю противоречивость этих следствий, логическую или реальную, т. е. несоответствие их действительности. Когда внимание читателя напряжено уже до последней степени, когда ему начинает уже казаться, что прежнее определение, как противоречивое, должно быть совершенно отброшено, Маркс приходит ему на помощь и предлагает свой вывод, заключающийся в том, что прежнее определение не отбрасывается, но лишь «модифицируется», видоизменяется, развивается и дополняется, чем устраняются обнаружившиеся противоречия. Так поступает Маркс в 4-ой главе I тома «Капитала», при переходе от стоимости товаров к стоимости рабочей силы. Из обмена товаров по их трудовой стоимости он выводит невозможность образования прибавочной стоимости, т. е. приходит к выводу, явно противоречащему действительности. В дальнейшем этот вывод устраняется теорией стоимости рабочей силы. Точь в точь таким же образом построена 8-ая глава III тома «Капитала». Из продажи товаров по трудовым стоимостям Маркс выводит различие норм прибыли в различных сферах и, доведя свой вывод до конца, в самом заключении 8-ой главы констатирует противоречие этого вывода действительности и необходимость разрешить это противоречие. Как в I томе «Капитала» Маркс ни на минуту не утверждает невозможности прибавочной стоимости, так здесь он не утверждает возможности различных норм прибыли. Невозможность прибавочной стоимости в 4 главе I тома и возможность различных норм прибыли в 8 главе III тома служат у Маркса не логически необходимыми звеньями его построений, но доказательствами от противного, доведением до логического абсурда, признаком того, что исследование еще не кончено и должно быть продолжено дальше, Маркс утверждает не существование различных норм прибыли, но, наоборот, недостаточность всякой теории, основанной на таком предположении.

Мы пришли к выводу, что средняя норма прибыли определяется отношением совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу. Отсюда следует, что изменения *средней нормы прибыли* могут вызываться как изменениями *нормы прибавочной стоимости*, так изменившимся отношением всей прибавочной стоимости ко всему *общественному капиталу*. В первом случае «изменение это может иметь место вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения в производительности труда, создающего средства существования, следовательно, без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих» (К. III, стр. 180). Теперь возьмем второй случай, когда изменения исходят от капитала, а именно от увеличения или от уменьшения его постоянной части. Но изменившееся отношение постоянного капитала к труду доказывает изменение в производительности труда, «следовательно, во всяком

случае должно иметь место изменение в производительности труда и должно произойти изменение стоимости известных товаров» (там же). Изменения *средней нормы* прибыли, исходят ли они от нормы прибавочной стоимости или от капитала, в обоих случаях вызываются в последнем счете изменениями в *производительности труда* и, следовательно, изменениями *стоимости* каких-нибудь товаров.

Из изложенного вытекает, что как изменения издержек производства, так изменения средней нормы прибыли вызываются изменениями в производительности труда. А так как цена производства состоит из издержек производства плюс средняя прибыль, то *изменения цен производства вызываются в последнем счете изменениями в производительности труда и в трудовой стоимости тех или других товаров*. Если изменение цен производства вызывается изменением в издержках производства, то, значит, изменились производительность труда в данной сфере производства и трудовая стоимость данного товара. «Если же изменяется цена производства известного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение стоимости других товаров» (там же), т. е. изменение производительности труда в других сферах. Во всяком случае, цена производства изменяется в зависимости от изменений производительности труда и соответствующих изменений трудовой стоимости. Производительность труда — трудовая стоимость — издержки производства плюс средняя прибыль — цена производства; такова схема причинных связей между ценою производства, с одной стороны, и производительностью труда и трудовой стоимостью, с другой.

IV. ТРУДОВАЯ СТОИМОСТЬ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Теперь, наконец, мы можем считать, что цепь логических звеньев, образующих Марксову теорию цен производства, замкнулась. Цель эта состоит из следующих основных звеньев: *производительность труда — трудовая стоимость — цена производства — распределение капиталов — распределение труда*. Если мы сравним эту пятичленную схему с трехчленной схемой простого товарного хозяйства: *производительность труда — трудовая стоимость — распределение труда*, то увидим, что звенья схемы простого товарного хозяйства вошли в схему капиталистического хозяйства. Следовательно, теория трудовой стоимости представляет собою необходимый базис теории цен производства, а последняя необходимое развитие первой.

Выход в свет III тома «Капитала» породил огромную литературу о так называемом «противоречии» между I-м и III-м томами «Капитала». Критики утверждали, что в III томе Маркс в сущности отказался от своей теории трудовой стоимости, а некоторые предполагали даже, что при составлении I-го тома «Капитала» Маркс еще не подзревал о тех трудностях и «противоречиях», в которые будто-бы

впадает теория трудовой стоимости при объяснении средней нормы прибыли. Предисловие К. Каутского к III тому «Теорий прибавочной стоимости» документально доказывает, что к моменту выхода в свет I тома «Капитала» теория цен производства, изложенная в III томе «Капитала», была уже выработана Марксом во всех ее деталях. Уже в I-м томе Маркс неоднократно отмечает, что в капиталистическом обществе средние рыночные цены отклоняются от трудовой стоимости. Содержание III тома «Теорий» убеждает нас также в другом, более существенном обстоятельстве. Вся послерикардовская политическая экономия вращалась вокруг вопроса об отношении между трудовой стоимостью и ценою производства, разрешение этого вопроса представляло историческую задачу экономической мысли, и в ее разрешении Маркс видел особую заслугу своей теории стоимости.

Критики, усматривавшие противоречие между обоими томами «Капитала», исходили из узкого взгляда на теорию стоимости исключительно, как на формулу количественных пропорций обмена товаров. С этой точки зрения учение о трудовой стоимости и учение о цене производства представлялись им не двумя логическими этапами или ступенями абстракции одних и тех же экономических явлений, но двумя отдельными теориями, утверждения которых носят противоположный характер. Первая теория утверждает, что товары обмениваются пропорционально затратам труда, необходимым для их производства, вторая теория утверждает, что они обмениваются не пропорционально этим затратам. Какой странный метод абстракции, говорили критики Маркса, сперва утверждать одно, а потом другое, противоположное ему. Но эти критики упускали из виду, что количественная формула обмена товаров представляет собою только последний вывод из весьма сложной теории, изучающей как социальную форму явлений стоимости, выражающую определенный тип общественных производственных отношений между людьми, так и содержание этих явлений, роль их в качестве регулятора распределения общественного труда.

Анархия общественного производства; отсутствие непосредственных общественных отношений между производителями; взаимодействие их трудовых деятельностей через вещи, продукты труда; связь между движением производственных отношений людей и движением вещей в процессе материального производства; «овеществление» первых, превращение их свойств в свойства «вещей», — все эти явления товарного фетишизма одинаково присущи всякому товарному хозяйству, как простому, так и капиталистическому, они одинаково характеризуют и трудовую стоимость и цену производства. Но всякое товарное хозяйство основано на разделении труда, т. е. представляет систему распределенного труда. Каким же образом происходит это распределение общественного труда между различными сферами производства? Оно направляется механизмом рыночных цен, вызывающих приливы и отливы труда. Колебания рыночных цен обнаруживают известную закономерность, вращаются вокруг некоторого среднего уровня, «стабилизатора» цен, как удачно назвал его Оппен-

геймер¹⁾. Этот «стабилизатор» цен, в свою очередь изменяющийся в зависимости от развития производительности труда, и служит регулятором распределения труда. Развитие производительности труда воздействует на распределение общественного труда через механизм рыночных цен, движение которых подчинено закону стоимости. Таков простейший, абстрактный механизм распределения труда в товарном хозяйстве. Этот механизм также одинаково присущ всякому товарному хозяйству, в том числе и капиталистическому. Другого механизма распределения труда, как через колебания рыночных цен, в капиталистическом обществе не существует. Но так как капиталистическое общество представляет собою более сложную систему общественных производственных отношений, в которой люди относятся друг к другу не только как товаровладельцы, но и как капиталисты и наемные рабочие, — то указанный механизм распределения труда действует здесь более сложным образом. Так как простые товаропроизводители затрачивают в производстве свой собственный труд, то развитие производительности труда, выражающееся в трудовой стоимости продукта, непосредственно вызывает приливы и отливы труда, т. е. влияет на распределение общественного труда. Другими словами, простое товарное хозяйство характеризуется непосредственной причинной связью между производительностью труда, выражающейся в трудовой стоимости продуктов, и распределением труда²⁾. В капиталистическом обществе эта причинная связь не может быть непосредственной, так как распределение труда совершается через посредство распределения капиталов. Развитие производительности труда, находящее свое выражение в трудовой стоимости продуктов, не может воздействовать на распределение труда иначе, как посредством воздействия на распределение капиталов. А такое воздействие на распределение капиталов в свою очередь возможно только при том условии, если изменения производительности труда и трудовой стоимости вызывают изменения в издержках производства или в средней норме прибыли, т. е. влияют на цену производства.

Итак, схема: производительность труда — трудовая стоимость — распределение труда представляет, так сказать, теоретическую модель непосредственной причинной связи между развитием производительности труда, выражающейся в трудовой стоимости и распределением общественного труда. Схема: производительность труда — трудовая стоимость — цена производства — распределение капиталов — распределение труда, представляет теоретическую модель той же самой причинной связи, причем производительность труда воздействует на распределение труда не непосредственно, а через «промежуточные звенья» (выражение, часто употребляемое в этом случае Марксом): цену производства и распределение капиталов. В обоих

¹⁾ Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit. 1922, S. 23.

²⁾ Строго говоря, эта причинная связь также не является непосредственною, поскольку производительность труда воздействует на распределение труда только через изменения трудовой стоимости. Поэтому мы и говорим о «производительности труда, выражающейся в трудовой стоимости продуктов».

схемах исходное и конечное явления те же самые, и самый механизм причинной связи между ними один и тот же. Но в первой схеме мы предполагаем, что причинная связь носит более прямой, непосредственный характер. Во второй схеме мы вводим усложняющие моменты, промежуточные звенья. Это обычный путь абстрактного исследования, путь, к которому Маркс прибегает во всех своих построениях. Первая схема представляет собою более абстрактную, упрощенную модель явления, но модель необходимую для понимания более сложной формы явления, как оно происходит в капиталистическом обществе. Если бы мы ограничились теми промежуточными звеньями, которые бросаются в глаза на поверхности явлений капиталистического хозяйства, а именно ценою производства и распределением капиталов, то исследование наше осталось бы незаконченным, и притом в обоих направлениях, в исходном и конечном пунктах. За исходный пункт мы приняли бы цену производства, т. е. издержки производства плюс средняя прибыль. Но, поскольку цену производства мы объясняем издержками производства, мы просто отсылаем от стоимости продукта к стоимости составных его элементов, т. е. не выходим из порочного круга. Что касается средней прибыли, то нам остаются непонятными как ее размер, так и ее изменения. Цена производства может быть, таким образом, объясняема только изменениями в производительности труда и трудовой стоимости продуктов. С другой стороны, мы не в праве останавливаться, как на конечном пункте нашего исследования, на распределении капиталов, а должны перейти к распределению общественного труда. Таким образом, теория цен производства должна непременно найти свой базис в теории трудовой стоимости. Но, с другой стороны, последняя должна найти свое дальнейшее развитие и завершение в первой. Маркс отвергал всякие попытки построить теорию капиталистического хозяйства непосредственно из теории трудовой стоимости, минуя промежуточные звенья средней прибыли и цены производства. Он характеризовал их, как «попытки насильственно и непосредственно приспособить конкретные отношения к простому отношению стоимости» (Theorien, III, S. 145), «попытки представить существующим то, что на деле не существует» (там же, S. 97).

Итак, теория трудовой стоимости и теория цен производства представляют собою не теории двух различных типов хозяйства, а теорию одного и того же капиталистического хозяйства, взятую на двух различных ступенях научной абстракции. Теория трудовой стоимости есть теория простого товарного хозяйства не в том смысле, что она описывает тип хозяйства, предшествовавший капиталистическому, а в том смысле, что она описывает только одну сторону капиталистического хозяйства, а именно производственные отношения между товаропроизводителями, характеризующие всякое товарное хозяйство.

V. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ.

После выхода в свет III тома «Капитала» у противников Марксовой теории стоимости, а отчасти и у некоторых ее сторонников, создалось представление, будто выводы III тома доказывают неприменимость закона трудовой стоимости к капиталистическому хозяйству. Благодаря этому у некоторых марксистов появилась склонность к так называемому «историческому» обоснованию Марксовой теории стоимости. Они говорили, что, хотя закон трудовой стоимости в том виде, как он развит Марксом в I томе «Капитала», не применим к капиталистическому хозяйству, но зато он имел полную силу в исторический период, предшествовавший возникновению капитализма и характеризовавшийся мелким ремесленным и крестьянским хозяйством. Отдельные замечания, которые можно было истолковать в таком смысле, встречаются в III томе «Капитала», где Маркс говорит, что «безусловно правильно рассматривать стоимости товаров не только как теоретическое, но и как историческое *«prius»* по отношению к ценам производства» (К. III¹, стр. 152). Эти беглые замечания Маркса были подробно развиты Энгельсом в его статье, напечатанной в 1895 году в «Neue Zeit»¹). В ней Энгельс обосновывал ту мысль, что закон трудовой стоимости Маркса имел силу в течение исторического периода, продолжавшегося от пяти до семи тысячелетий, а именно начиная с возникновения обмена и кончая XV веком, т. е. периодом возникновения капитализма. Статья Энгельса нашла как горячих сторонников, так и не менее горячих противников, отчасти из марксистского же лагеря. Последние указывали, что до возникновения капитализма обмен не охватывал всего народного хозяйства и распространялся преимущественно на излишки, остававшиеся за удовлетворением потребностей собственного натурального хозяйства, что отсутствовал механизм всеобщего выравнивания на рынке различий индивидуальных трудовых затрат в отдельных хозяйствах, что поэтому не приходится говорить об абстрактном и общественно-необходимом труде, который составляет основу теории стоимости. Мы не будем здесь заниматься историческим спором о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально израсходованным для их изготовления трудовым затратам, или нет. Мы из методологических соображений возражаем против того, чтобы этот вопрос соединялся с вопросом о теоретическом значении закона трудовой стоимости для объяснения капиталистического хозяйства.

Сперва вернемся к Марксу. Если некоторые замечания III тома «Капитала» могли быть использованы сторонниками исторического обоснования теории стоимости, то теперь, когда нам стали доступны и другие работы Маркса, мы доподлинно знаем, что Маркс самым резким образом отвергал взгляд, будто закон трудовой стоимости

¹) Русский перевод под названием «Закон ценности и уровень прибыли» в Новом Слове, 1897 г., сентябрь, или в изложении III тома «Капитала», сделанном Э. Бернштейном. Киев, 1905 г.

имел силу в период, предшествующий развитию капитализма. Английскому экономисту Торренсу, стороннику этого взгляда, восходящего еще к Адаму Смиту, Маркс возражает указанием на то, что полное развитие товарного хозяйства и, следовательно, присущих ему законов возможно только при капитализме, а не до его возникновения. «Это значило бы, что закон товарного производства существует при таком производстве, которое не производит товаров (или производит их только частично), и не существует при таком производстве, базисом которого является бытие продукта как товара. Самый закон этот, — как и товар в качестве всеобщей формы продукта, абстрагирован из капиталистического производства, и как раз к нему-то неприменим» (Theorien, III, S. 80). «Оказывается, что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит его явлениям» (там же, S. 78). Эти иронические замечания Маркса достаточно показывают его отношение к взгляду на теорию стоимости, как на закон исторический. Но как примирить их с некоторыми замечаниями III тома «Капитала»? Кажущееся расхождение между ними исчезает, если мы обратимся к «Введению в критику политической экономии»¹⁾, которое дает нам ценные пояснения насчет абстрактного метода исследования Маркса. Маркс подчеркивает, что метод восхождения от абстрактного понятия к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, но не способ возникновения самого этого конкретного (стр. 25). Значит, переход от трудовой стоимости или простого товарного хозяйства к ценам производства или капиталистическому хозяйству есть способ понять конкретное, т. е. капиталистическое хозяйство. Это — теоретическая абстракция, а не изображение исторического перехода от простого товарного к капиталистическому хозяйству. Этим подтверждается высказанный нами выше взгляд, что таблицы 9-ой главы III тома «Капитала», иллюстрирующие образование из различных норм прибыли общей средней нормы прибыли, изображают теоретическую схему явления, а не историческое его развитие. «Простейшая экономическая категория, напр., меновая стоимость... не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» (там же), т. е. капиталистического хозяйства.

Выяснив теоретический характер абстрактных категорий, Маркс ставит вопрос, «не имеют ли, однако, эти простые категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных» (там же, стр. 26). На это Маркс отвечает, что такие случаи возможны. Простая категория (напр., стоимость) может исторически существовать раньше более конкретной (напр., цены производства), но при этом первая носит еще зачаточный, эмбриональный характер, выражает отношения «неразвившейся конкретности». «Хотя простейшая категория может исторически существовать

¹⁾ Русский перевод в сборнике „Основные проблемы политической экономии“, по которому и цитируем.

раньше конкретной, но в своем полном внутреннем и внешнем развитии она может встречаться только в сложных общественных формах» (там же, стр. 27). Применяя этот вывод к интересующему нас вопросу, можно сказать: Трудовая стоимость (или товар) представляет историческое «prius» по отношению к цене производства (или капиталу), она существовала в зачаточном виде до капитализма, и только известное развитие товарного хозяйства подготовило почву для возникновения капиталистического хозяйства. Но трудовая стоимость в развитом виде существует только при капитализме, и теория трудовой стоимости, развивающая логически законченную категорию стоимости, абстрактного труда, общественно-необходимого труда и т. п., представляет «абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого», т. е. абстракцию капиталистического хозяйства.

Исторический вопрос о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально трудовым затратам, должен быть отделен от вопроса о теоретическом значении теории трудовой стоимости. Если бы первый вопрос был решен утвердительно, но вместе с тем объяснение капиталистического хозяйства не нуждалось бы в теории трудовой стоимости, мы могли бы смотреть на последнюю, как на историческое введение в политическую экономию, но уж, во всяком случае, не как на основной теоретический базис, на котором возведено здание Марксовой политической экономии. Обратно, если бы исторический вопрос был решен в смысле отрицательном, но одновременно была бы доказана необходимость теории трудовой стоимости для теоретического осмысления и обобщения сложных явлений капиталистического хозяйства, она сохранила бы в теоретической экономии то почетное место, которое занимает ныне. Смещение в учении о стоимости теоретической и исторической постановки вопроса не только, как мы указали, бесцельно, но и вредно. Такая постановка выдвигает на первый план пропорции обмена, ингибируя социальную форму и социальную функцию стоимости, как регулятора распределения труда, функцию, которую она выполняет только в развитом товарном, т. е. капиталистическом хозяйстве. Если исследователь находит, что первобытные племена, живущие в условиях натурального хозяйства и изредка прибегающие к обмену, руководствуются при установлении меновых пропорций трудовыми затратами, он склонен усматривать здесь категорию стоимости. Стоимость превращается в над-историческую категорию, в трудовую затрату, независимую от социальной формы организации труда¹⁾. «Историческая» постановка вопроса приводит, таким образом, к игнорированию исторического характера категории стоимости. Другие исследователи, полагая, что «происхождение меновой стоимости нужно искать в натуральном хозяйстве, из которого развилось денежное», в конце концов определяют стоимость не тем трудом, который затрачивается на производство продукта в хозяйстве производителя, но

¹⁾ См. А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии. Т. II, в. 4, стр. 21 — 22.

тем трудом, который должен был бы затратить потребитель в случае отсутствия обмена и необходимости изготовить продукт собственными силами ¹⁾).

Теория трудовой стоимости и теория цен производства отличаются одна от другой, не как различные теории, имеющие силу в различные исторические периоды, не как абстрактная теория и конкретный факт, но как две ступени абстракции одной и той же теории капиталистического хозяйства. Первая теория предполагает только производственные отношения между товаропроизводителями, вторая теория предполагает также производственные отношения между капиталистами и рабочими, с одной стороны, и между разными группами промышленных капиталистов, с другой.

Глава девятнадцатая.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД.

Для правильной постановки проблемы производительного труда следует прежде всего выполнить одну предварительную работу: установить точный смысл учения Маркса о производительном труде. Ни в одной, пожалуй, части обширной критической литературы о Марксе не господствует такая путаница понятий, такая разноречивость и между марксистами и между их противниками, как в данном вопросе. Одна из причин этой путаницы — неясное представление о подлинных взглядах Маркса на производительный труд.

При изложении взглядов Маркса за исходный пункт необходимо взять последнюю главу первого тома «Теорий прибавочной стоимости», озаглавленную «Производительный и непроизводительный труд». Краткую формулировку мыслей, развитых в этой главе, Маркс дает уже в первом томе «Капитала», в гл. 14-й: «Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала. Так, напр., школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя» (К. I, с. 489). Вслед за приведенными словами Маркс обещает подробнее рассмотреть этот вопрос в «четвертой книге» Капитала, т. е. в «Теориях прибавочной стоимости». Действительно, в конце первого тома «Теорий» мы находим обширный экскурс, который, по существу, представляет подробное развитие мысли, сформулированной уже в первом томе «Капитала».

¹⁾ П. Маслов. Теория развития народного хозяйства, 1910 г., стр. 180, 182—3.

Прежде всего Маркс отмечает, что «только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными формами его — а потому и вечными, естественными формами производства, — может смешивать вопрос, что такое производительный труд с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще производителен, или что такое производительный труд вообще» ¹⁾ Маркс отбрасывает, как праздный, вопрос о том, какой труд является производительным вообще, во все исторические эпохи, независимо от данных общественных отношений. Каждая система производственных отношений, каждый экономический строй имеют свое понятие производительного труда. Маркс ограничивает свое исследование вопросом, какой труд производителен с точки зрения капитала или в капиталистической системе хозяйства. На этот вопрос он дает следующий ответ: «Производительным трудом — в системе капиталистического производства — будет такой труд, который производит прибавочную стоимость для того, кто его применяет, или который превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; следовательно, труд, который производит свой собственный продукт, как капитал» («Теории», стр. 269 или с. 323) ²⁾. «Только труд, который непосредственно превращается в капитал, производителен; следовательно, только труд, который предполагает переменный капитал, как переменный» (с. 267 или с. 320). Иначе говоря, производительным является труд, который «непосредственно обменивается на капитал» (с. 166 или с. 204), т. е. который покупается капиталистом на его переменный капитал, с целью использования этого труда для создания меновых стоимостей и извлечения прибавочной стоимости. Непроизводительным является «труд, который обменивается не на капитал, а непосредственно на доход, т. е. на заработную плату или прибыль, а также, конечно, и на те различные рубрики, под которыми другие участвуют в прибыли капиталиста, напр., процент и ренту» (с. 166 или с. 204).

Из изложенного определения Маркса необходимо вытекают два вывода: 1) Всякий труд, покупаемый капиталистом на его переменный капитал с целью извлечения из него прибавочной стоимости, есть труд производительный, независимо от того, воплощается ли этот труд в материальных вещах или нет, является ли этот труд объективно необходимым или полезным для процесса общественного производства или нет (напр., труд клоуна на службе у циркового антрепренера). 2) Всякий труд, который не покупается капиталистом на его переменный капитал, не есть — с точки зрения капиталистического хозяйства — труд производительный, хотя бы этот труд был объективно полезным и воплощался в материальных потребительных

¹⁾ «Теории», русск. перев. В. Железнова, 1906 г., стр. 267 или под ред. Г. Плеханова, с. 320).

²⁾ Ниже ссылки на первый том «Теорий приб. стоимости» отмечены просто указанием страниц, причем первая цифра обозначает перевод под ред. В. Железнова, изд. 1906 г., а вторая — перевод под ред. Г. Плеханова, изд. 1906 г.

благах, удовлетворяющих насущные потребности человека. Эти два вывода, на первый взгляд столь парадоксальные и противоречащие общепринятому представлению о производительном труде, логически вытекают из определения Маркса. И Маркс смело их принимает. «Актёр, напр., хотя бы и клоун, будет производительным рабочим, если он работает на службе у капиталиста (антрепренера), которому он отдаёт больше труда, чем получает от него в форме заработной платы, тогда как портной, который приходит на дом к капиталисту и починяет ему брюки, производит для него лишь потребительную стоимость и является непроизводительным рабочим. Труд первого обменивается на капитал, труд второго — на доход. Первый производит прибавочную стоимость, при втором потребляется доход» (с. 167 или с. 205). На первый взгляд этот пример Маркса поражает своей парадоксальностью. Беспольный труд клоуна считается производительным, а высоко полезный труд портного — непроизводительным. В чём же смысл того определения, которое даёт Маркс?

В большинстве учебников политической экономии производительный труд трактуется с точки зрения объективной необходимости его для общественного производства вообще или для производства материальных благ. Решающим при этом является содержание труда, тот результат, чаще всего материальный, к которому он направлен и который им достигается. Марксова проблема не имеет с этим вопросом ничего общего, кроме названия. Для Маркса производительный труд означает: *труд, который входит в данную общественную систему производства*. Маркса интересует вопрос, что такое общественное производство, как отличать трудовые акты людей, входящие в систему общественного производства, от трудовых актов, не входящих в нее (напр., направленных на удовлетворение собственных потребностей, на обслуживание домашнего хозяйства). Где признак, включающий трудовую деятельность человека в систему общественного производства, делающий труд его трудом «производительным»?

На этот вопрос Маркс даёт следующий ответ. Каждая система производства отличается данной совокупностью производственных отношений, определенной общественной формой организации труда. В капиталистическом обществе труд организован в форме наемного труда, т. е. хозяйство организовано в форме капиталистических предприятий, где под командой капиталиста работают наемные рабочие, создающие товары (в смысле меновых стоимостей, а не материальных продуктов) и доставляющие ему прибавочную стоимость. *Только тот труд, который организован в форме капиталистических предприятий, который имеет форму наемного труда, нанимаемого капиталом для извлечения прибавочной стоимости, входит в систему капиталистического производства, есть труд „производительный“*. Производительным считается всякий труд, входящий в данную систему общественного производства, а таковым является всякий труд, организованный в той определенной общественной форме, которая свойственна данной системе производства. Иначе говоря, труд при-

знается производительным или непроизводительным не с точки зрения его *содержания*, характера конкретной трудовой деятельности, а с точки зрения *общественной формы его организации*, его соответствия производственным отношениям, характеризующим данный экономический строй общества. Маркс неоднократно отмечает эту особенность, резко отличающую его учение о производительном труде от общепринятого, приписывающего решающую роль содержанию трудовой деятельности. «Эти определения (производительного труда *И. Р.*) выведены, таким образом, не из материальных процессов труда, не из природы его продукта, не из приложения труда, как труда конкретного, а из определенных общественных форм, общественных производственных отношений, в которых осуществляется труд» (с. 166—167 или с. 205). «Это — действие труда, не вытекающее ни из его содержания, ни из его результата, а из его определенной общественной формы» (с. 167 или с. 206). «Материально-определенное отношение труда и, следовательно, его продукта само по себе не имеет никакого отношения к этому разграничению производительного и непроизводительного труда» (с. 168 или с. 206). «Содержание, конкретный характер, особая полезность труда является безразличной» при решении вопроса об его производительности (с. 275 или с. 330). «Разграничение производительного и непроизводительного труда не имеет никакого отношения ни к особой специальности труда, ни к особой потребительной стоимости, в которой воплощается эта специальность» (с. 169 или с. 208).

Отсюда вытекает, что материально один и тот же труд является производительным или непроизводительным (т. е. входит в систему капиталистического производства или нет) в зависимости от того, организован ли он в форме капиталистического предприятия или нет. «Рабочий фабриканта фортепиано есть производительный рабочий. Его труд возмещает не только заработную плату, которую он потребляет, но, кроме того, в фортепиано, в товаре, который продает фабрикант фортепиано, содержится прибавочная стоимость сверх стоимости заработной платы. Предположим, напротив, что я покупаю весь материал, необходимый для фортепиано (или пусть его имел бы хоть сам рабочий) и, вместо того, чтобы купить фортепиано в магазине, поручаю сделать его в моем доме. Фортепианный рабочий окажется тогда непроизводительным рабочим, так как его труд непосредственно обменивается на мой доход» (с. 169—170 или с. 208). В первом случае фортепианный рабочий входит в капиталистическое предприятие и тем самым в систему капиталистического производства, во втором случае этого нет. «Мильтон, написавший «Потерянный рай», был непроизводительным работником..., а лейпцигский литературный пролетарий, фабрикующий книги (например, конспекты экономии) под руководством своего книгопродавца, есть производительный рабочий, потому что его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для его увеличения. Певица, продающая на свой

собственный страх свое пение, будет непроизводительным работником. Но та же самая певица, ангажированная антрепренером, который заставляет ее петь с целью нажить деньги, есть производительный работник, так как она производит капитал» (с. 272—273 или с. 327). Капиталистическая форма организации труда включает последний в систему капиталистического производства, делает его трудом «производительным». Все трудовые акты людей, протекающие не в форме предприятий, организованных на капиталистических началах, не входят в систему капиталистического производства, не относятся к труду «производительному». Таковы все трудовые акты людей, направленные на удовлетворение их собственных потребностей (остатки натурального домашнего хозяйства). Даже наемный труд, поскольку он употребляется не для извлечения прибавочной стоимости (напр., труд домашней прислуги), не является производительным в указанном выше смысле. Но труд домашней прислуги непроизводителен не потому, что он якобы «бесполезен» или не производит вещественных благ. Как указал Маркс, труд повара производит «вещественные потребительные стоимости» (с. 169 или с. 207), и тем не менее не является производительным, поскольку повар нанимается для личных услуг. С другой стороны, труд лакея, хотя и не производит вещественных благ и многими признается за «бесполезный», может быть «трудом производительным», если он организован в форме капиталистического предприятия. «Повара и кельнеры в гостинице являются производительными рабочими, как *menial servants*, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы. Но эти же лица оказываются непроизводительными рабочими, поскольку я не делаю капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Следовательно, в действительности те же самые лица в гостинице будут для меня, для потребителя, непроизводительными рабочими» (с. 168 или с. 206). «Сами производительные рабочие могут быть по отношению ко мне непроизводительными рабочими. Напр., если я заставлю оклеить мой дом обоями, а эти обойщики будут наемными рабочими предпринимателя, продающего мне выполнение этой работы, то это было бы для меня тем же самым, как если бы я купил уже оклеенный обоями дом, т. е. издержал бы деньги на товар для моего потребления; но для предпринимателя, заставляющего работать этих обойщиков, последние оказываются производительными рабочими, так как они производят ему прибавочную стоимость» (с. 275—276 или с. 331). Надо ли понимать Маркса в том смысле, что он признает только субъективно-относительный, а не общественно-объективный критерий производительности труда? Нам кажется, что нет. Маркс только утверждает, что труд обойщиков, поскольку он входит в хозяйство потребителя-заказчика, тем самым еще не включается в систему капиталистического производства. Производительным он становится лишь потому, что включен в капиталистическое хозяйство предпринимателя.

Следовательно, производительным является только *труд, организованный на капиталистических началах и тем самым включен-*

ный в систему капиталистического производства. Под последнюю надо понимать не данную конкретную народно-хозяйственную систему, в которую входят не только предприятия капиталистического характера, но и остатки докапиталистических форм производства (напр., крестьянское и ремесленное хозяйство). Система капиталистического производства охватывает только хозяйства, построенные на капиталистических началах; это — научная абстракция, отвлеченная от конкретной экономической действительности и в этой абстрактной форме составляющая объект политической экономии, как науки о капиталистическом хозяйстве. В капиталистическом хозяйстве, как теоретической абстракции, труда крестьян и ремесленников не существует, и вопрос об его производительности не ставится. «Они (крестьяне и ремесленники. *И. Р.*) противостоят мне, как продавцы товаров, а не как продавцы труда, и таким образом, это отношение вообще не имеет ничего общего с обменом капитала, а следовательно, с разграничением производительного и непроизводительного труда, которое основывается единственно на том, обменивается ли труд на деньги, как деньги, или на деньги, как капитал. Поэтому они не принадлежат ни к категории производительных, ни к категории непроизводительных рабочих, хотя они и суть производители товаров. Но их производство не подчиняется капиталистическому способу производства» (с. 276 или с. 331).

С точки зрения данного Марксом определения производительного труда, труд чиновников, милиции, военных, духовенства не может быть отнесен к производительному. Но не потому, что он «бесполезен» или не воплощается в «вещах», а исключительно потому, что он организован на началах публично-правовых, а не в форме частных капиталистических предприятий. Почтовый чиновник не есть производительный работник. Но если бы почта была организована в форме частных капиталистических предприятий, берущих на себя за плату пересылку писем и посылок, наемные служащие этих предприятий были бы производительными работниками. Если бы задача охраны грузов и пассажиров в пути выполнялась не государственной милицией, а частными транспортными конторами, содержащими наемную вооруженную охрану, члены последней принадлежали бы к числу производительных работников. Труд их был бы включен в систему капиталистического производства, и эти частные конторы подчинялись бы законам капиталистического производства (напр., закону равной нормы прибыли для всех отраслей производства). Этого нельзя сказать о почте и милиции, организованных на началах публично-правовых. Труд служащих почты и милиции не входит в систему капиталистического производства, не есть труд производительный.

Как видим, Маркс в определении производительного труда совершенно отвлекается от его *содержания*, от конкретного, полезного характера и результата труда. Он рассматривает труд только со стороны его *общественной формы*. Труд, организованный в форме капиталистического предприятия, есть труд производительный. По-

нятие «производительный», как и все другие понятия Марксовой политической экономии, носит характер исторический и социальный. Было бы поэтому крайне неправильно приписывать учению Маркса о производительном труде «материалистический» характер. Нельзя, с точки зрения Маркса, считать производительным только труд, служащий для удовлетворения *материальных потребностей*, а не так называемых *духовных*. На 1-й же странице «Капитала» Маркс пишет: «При этом совершенно безразлично, какова именно природа этой потребности,—порождается ли, напр., последняя желудком или фантазией». Различная природа потребностей не играет никакой роли. Также не придает Маркс решающего значения различию *физического и интеллектуального* труда. Об этом Маркс говорит в известном месте 14-й главы первого тома «Капитала» и во многих других местах. Отмечая труд «надзирателей, инженеров, директоров, конторских служащих и т. д., словом, труд всего персонала, который требуется в данной сфере материального производства», он пишет: «Действительно, они прибавляют к постоянному капиталу всю сумму своего труда и повышают стоимость продукта на эту сумму (насколько это справедливо относительно банкиров и т. п.?)» («Теории», стр. 173 или с. 212) ¹⁾. Интеллектуальные работники не только «необходимы» для процесса производства, они не только «заслуживают» вознаграждения из продуктов, создаваемых физическими работниками. По Марксу, они создают новую стоимость и из нее получают свое вознаграждение, оставляя часть этой стоимости в руках капиталистов, как неоплаченную, прибавочную стоимость.

Интеллектуальный труд, необходимый для процесса материального производства, ничем не отличается от труда физического. Он «производителен» в том случае, если организован на капиталистических началах. Причем совершенно безразлично, организован ли интеллектуальный труд в одном предприятии с трудом физическим (техническое бюро, химическая лаборатория или расчетная контора при фабрике) или же он выделен в самостоятельное предприятие (самостоятельная химическая лаборатория для постановки опытов, имеющих целью улучшение производства и т. п.).

Большее значение для вопроса о производительном труде имеет различие между трудом, который *«вплощается в материальных потребительных стоимостях»* (стр. 175 или стр. 214), и трудом или услугами «которые не имеют предметного вида, не существуют отдельно от лица, выполняющего услугу» (стр. 175), словом, где «производство неотделимо от акта производства, как, напр., у всех художников-исполнителей, актеров, учителей, попов и т. д.» (стр. 278 или стр. 334) ²⁾. При предположении, что «весь мир товаров, все сферы

¹⁾ Оговорка о банках станет нам понятнее ниже.

²⁾ Экономисты не всегда проводят достаточно ясное различие между трудом, имеющим материальный характер, трудом, направленным на удовлетворение материальных потребностей, и трудом, воплощающимся в материальных вещах. Например, на протяжении двух страниц С. Булгаков, говоря о труде производительном,

материального производства — производства материального богатства — (формально или реально) подчинены капиталистическому способу производства» (стр. 277 или стр. 333), сфера материального производства целиком входит в сферу производительного, т. е. капиталистически организованного труда. С другой стороны, явления, относящиеся к нематериальному производству, «столь незначительны, сравнительно со всем производством в его целом, что они могут быть оставлены совершенно без внимания» (стр. 278 или стр. 334). Итак, при двух предположениях, а именно: 1) что материальное производство организовано целиком на капиталистических началах, и 2) что нематериальное производство исключается из нашего исследования, — труд производительный может быть определен, как труд, производящий материальное богатство. «Таким образом, производительный труд получил бы, кроме его решающей характеристики, которая не имеет никакого отношения к содержанию труда и независима от него, второе побочное определение» (стр. 277 или стр. 333). Но необходимо помнить, что это только «побочное» определение, сохраняющее силу лишь при указанных двух предпосылках, т. е. уже заранее молчаливо предполагающее капиталистическую организацию труда. На деле, как указывает многократно сам Маркс, труд производительный в развитом выше смысле и труд, производящий материальное богатство, не совпадают, и притом в двух направлениях. Труд производительный охватывает и труд, не воплощающийся в материальных вещах, если только он организован на капиталистических началах. С другой стороны, труд, производящий материальное богатство, но не организованный в форме капиталистического производства, с точки зрения последнего не является производительным (см. «Теории», стр. 175 или стр. 214) ¹⁾. Если взять не «побочное определение», а «решающую характеристику» производительного труда, который определяется Марксом, как труд, создающий прибавочную стоимость, то мы увидим, что в Марксовом определении устранены всякие следы «материалистического» понимания труда. Это определение исходит из общественной (а именно, капиталистической) формы организации труда, оно носит социологический характер.

На первый взгляд, изложенное понимание производительного труда, развитое Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», расходится со взглядами Маркса на труд рабочих и служащих, занятых в торговом и кредитном деле («Капитал», т. II, глава 6-я и т. III, главы 16—19). Этот труд Маркс не считает производительным. По мнению многих ученых, в том числе и марксистов, Маркс отказывается признавать этот труд производительным по той причине, что он не производит никаких перемен в материальных вещах. Это,

имеет в виду то „труд, направленный на изготовление полезных для человека предметов“, то „труд, направленный на удовлетворение материальных потребностей“ (статья „О некоторых основных понятиях политической экономии“, „Научное Обозрение“ 1893 г. № 2, стр. 335 и 336).

¹⁾ Ср. Б. И. Горев, „На идеологическом фронте“. 1923 г., стр. 24—26.

по их мнению, следы «материалистических» теорий производительного труда. Отметив положение «классической школы, что производительный или образующий ценность (с буржуазной точки зрения это — простая тавтология) труд непременно должен воплощаться в материальных предметах», В. Базаров с удивлением спрашивает: «Каким образом мог впасть в подобную ошибку Маркс, с такою гениальной проницательностью раскрывший фетишистическую психологию товаропроизводителя»¹⁾. А. Богданов, критикуя теории, разделяющие «интеллектуальный» и «материальный» моменты труда, прибавляет: «Эти воззрения старой политической экономии не были Карлом Марксом подвергнуты той критике, которой они заслуживают: в общем он сам их поддерживал»²⁾.

Действительно ли II и III томы «Капитала» проникнуты «материалистическим» пониманием производительного труда, которое Маркс подверг такой подробной и уничтожающей критике в «Теориях прибавочной стоимости»? На самом деле такого вопиющего противоречия во взглядах Маркса нет. Маркс не отказывается от понимания производительного труда, как организованного на капиталистических началах, независимо от его конкретного полезного характера и результатов. Но если так, то почему же Маркс не считает производительным труд торговых приказчиков, организованный в форме капиталистического торгового предприятия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что всюду, где Маркс говорит в «Теориях» о производительном труде, как труде, обмениваемом на капитал, он имеет в виду только капитал производительный. Приложение к I тому «Теорий», озаглавленное «Понятие производительного труда», начинается с вопроса о производительном капитале (стр. 267 или с. 320); от него Маркс переходит к производительному труду. Кончается это приложение словами: «Здесь мы рассматриваем только производительный капитал, т. е. капитал, занятый в непосредственном процессе производства. Позднее мы перейдем к капиталу в процессе обращения, и только после этого, при рассмотрении особенной формы, которую принимает капитал, может быть решен вопрос, насколько занятые им рабочие производительны» (стр. 279 или с. 335). Таким образом, вопрос о *производительном труде* упирается в вопрос о *производительном капитале*, т. е. в известную теорию II тома «Капитала» о «метаморфозах капитала». Согласно этой теории, капитал в процессе своего воспроизводства проходит три фазы: денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала. Первая и третья фазы составляют «процесс обращения капитала», вторая фаза — «процесс производства капитала». «Производительный» капитал противопоставляется в этой схеме не непроизводительному, а капиталу, находящемуся в «процессе обращения». Первый организует непосред-

¹⁾ Базаров. Труд производительный и труд, образующий ценность, ПБ. 1899 г., стр. 23.

²⁾ А. Богданов и И. Степанов. Курс полит. экон., т. II, вып. 4, стр. 12.

ственно процесс создания потребительных благ в широком смысле, куда входит всякая работа, необходимая для приспособления благ к целям потребления, например, хранение, перевозка, упаковка и т. п. Последний организует «чистое обращение», куплю-продажу, как переход права собственности, отвлеченный от реального перехода продукта; он, так сказать, преодолевает трение товарно-капиталистической системы, вытекающее из ее раздробленности на частные хозяйства. Он подготавливает и завершает процесс создания потребительных благ, будучи, однако, связан с ним более косвенным образом. «Производство капитала» и «обращение капитала» в системе Маркса обособляются и изучаются в отдельности, хотя, вместе с тем, Маркс не теряет из виду единство всего процесса воспроизводства капитала. Отсюда вытекает различие труда, занятого в производстве, и труда, занятого в обращении. Однако, это разделение не имеет ничего общего с разделением труда, производящего перемену в материальных вещах, и не обладающего этим свойством. Маркс различает труд, занятый «производительным» капиталом, точнее, капиталом в *фазе производства*, и труд, занятый товарным или денежным капиталом, точнее, капиталом в его *фазах обращения*. Только первый является «производительным», но отнюдь не потому, что он производит материальные блага, а потому, что он занят «производительным» капиталом, т. е. капиталом в фазе производства. Участие труда в создании потребительных (но не непременно материальных) благ составляет, по Марксу, добавочное условие производительного характера труда, но не его критерий, каковым остается капиталистическая форма организации труда. Производительный характер труда является отражением производительного характера капитала. Движение фаз капитала определяет характеристику нанимаемого им труда. Здесь Маркс остается верен своему взгляду, что в капиталистическом обществе движущая сила развития исходит от капитала: его движением определяется, как подчиненное, движение труда.

Таким образом, по Марксу *производительным* является всякий труд, организованный в формах капиталистического процесса производства или, точнее, нанятый «производительным» капиталом, т. е. капиталом в *фазе производства*. Труд торговых приказчиков не есть производительный, но не потому, что он не производит перемены в материальных благах, а исключительно по той причине, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения. Труд клоуна на службе у циркового антрепренера производителен, хотя он не создает перемены в материальных благах и, с точки зрения потребностей народного хозяйства, менее полезен, чем труд торговых приказчиков; он производителен потому, что нанят капиталом, находящимся в фазе производства. (Результатом производства являются здесь нематериальные блага, шутки клоуна, но это не меняет дела. Шутки клоуна имеют потребительную и меновую стоимость. Их меновая стоимость превосходит стоимость воспроизводства рабочей силы клоуна, т. е. его заработной платы.)

капитал. Антрепренер поэтому извлекает прибавочную стоимость). Напротив, труд кассира при цирке, который продает билеты на представления клоуна, непроизводителен потому, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения: он только содействует переходу от одного лица (антрепренера) к другим лицам (публике) «права на зрелища», права наслаждаться шутками клоуна¹⁾.

Для правильного понимания мысли Маркса необходимо твердо помнить, что фаза обращения капитала не означает «действительного», «реального» обращения и распределения продуктов, т. е. процесса действительного перехода их из рук производителя в руки потребителя, с необходимыми для этого процессами перевозки, хранения, упаковки и т. п. Функция обращения капитала — это только переход права собственности на продукт от одного лица к другому, превращение стоимости из товарной формы в денежную или обратно, реализация произведенной стоимости. Это переход идеальный или формальный, а не реальный. Это «издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в идее» (К. II, стр. 112). «Дело идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, истекающих только от формального метаморфоза» (стр. 111). И Маркс устанавливает следующее положение: «Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости» (стр. 125).

От этого «формального метаморфоза», составляющего сущность фазы обращения, как таковой, Маркс резко отличает «реальные функции» торгового капитала (К. III¹, стр. 245). К этим реальным функциям Маркс относит: транспортную промышленность, сохранение и распределение товаров, обладающих свойством делимости (К. III¹, стр. 244), хранение товаров, отправку их, перевозку, разделение, разборку (стр. 258 и 265). Разумеется, формальная реализация стоимости, т. е. переход права собственности на продукт, «способствует в то же время действительному обмену товаров, их переходу из одних рук в другие, общественному обмену веществ» (стр. 258). Но теоретически формальная реализация стоимости, эта подлинная функция капитала в обращении, совершенно отлична от указанных «реальных» функций, которые по существу чужды ему, носят «гетерогенный» характер (стр. 258). В обычных торговых предприятиях эти формальные и реальные функции обыкновенно смешиваются и переплетаются. Труд приказчика в магазине служит и реальной функции хранения, раскладки, упаковки, переноски и т. п. и формальной функции купли-продажи. Но они могут быть

¹⁾ Сказанное не означает, что Маркс вообще не видел никакого различия между материальным и нематериальным производством. Признавая производственным всякий труд, нанятый производительным капиталом, Маркс, повидимому, считал нужным *внутри* этого производительного труда отличать «производительный труд в более узком смысле», а именно — занятый в материальном производстве или воплощающийся в материальных вещах (Theorien. В. III, S. 496).

территориально и персонально разделены. «Товары, которым предстоит быть купленными и проданными, могут лежать в доках и других общественных помещениях» (стр. 265), напр., товарных и транспортных складах. А формальный момент реализации, купля-продажа, может происходить в другом месте, в особой «купеческой конторе». Формальные и реальные моменты обращения отделены друг от друга.

На все перечисленные реальные функции Маркс смотрит, как на «процессы производства, продолжающиеся в процессе обращения» (К. III¹, с. 245), «процессы производства, которые могут продолжаться в течение акта обращения» (с. 265). Это «процессы производства, которые только продолжают в обращении, и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения» (К. II, с. 112 — 113). Поэтому труд, применяемый в этих «процессах производства», есть труд производительный, он создает стоимость и прибавочную стоимость. Поскольку труд торговых служащих служит реальным функциям хранения, перемещения, упаковки и т. п. товаров, — это труд производительный, но не потому, что он воплощается в материальных вещах (хранение не производит таких перемены), а потому, что он занят в «процессе производства», нанят, следовательно, производительным капиталом. Труд того же торгового служащего непроизводителен лишь постольку, поскольку он служит исключительно «формальному метаморфозу» стоимости, ее реализации, идеальному переходу права собственности на продукт от одного лица к другому. Этот «формальный метаморфоз», происходящий в «купеческой конторе» и обособленный от всех реальных функций, тоже требует известных издержек обращения и затраты труда, а именно на расчеты, ведение книг, расходы на корреспонденцию и т. п. (К. III¹, с. 265). Этот труд не производителен, но опять-таки не потому, что не создает материальных благ, а потому, что он обслуживает «формальный метаморфоз» стоимости, фазу «обращения» капитала в чистом виде.

В. Базаров, признавая правильным Марксово различие «формальных» и «вещественных» функций (мы предпочитаем термин «реальный», встречающийся у Маркса; термин «вещественный» может подать повод к недоразумениям), отрицает, что первые могут потребовать «приложения хоть одного атома живого человеческого труда»¹⁾. «В действительности только «вещественные» стороны функции торгового капитала впитывают в себя живой человеческий труд, формальная же метаморфоза совершенно не требует никаких «издержек» со стороны купца» (там же). С этим положением В. Базарова невозможно согласиться. Пусть все реальные, «вещественные» функции выделены, и товары хранятся на особых складах, доках и т. п. Пусть в «купеческой конторе» происходит только формальный акт купли-продажи, перехода права собственности на товары. Но расходы на оборудование этой конторы, содержание при ней особых служащих, агентов по продаже, ведение бухгалтерских книг, поскольку оно вызы-

¹⁾ Цит. соч., стр. 35.

вается этим переходом права собственности от одного лица к другому, — все это «чистые издержки обращения», связанные только с формальным метаморфозом стоимости. Как видим, и формальный метаморфоз стоимости требует «издержек» со стороны купца и приложения человеческого труда, который в этом случае является, по Марксу, непроизводительным.

Мы обращаем внимание читателя на вопрос о ведении бухгалтерских книг, потому что, как представляют себе некоторые авторы, Маркс отрицал производительный характер бухгалтерского труда во всех случаях ¹⁾. Мы считаем такое мнение неправильным. Действительно, рассуждения Маркса о «ведении книг» (К. II, глава 6) отличаются крайней неясностью и могут быть истолкованы в таком смысле. Но, с точки зрения Марксова понимания производительного труда, вопрос о труде бухгалтеров не возбуждает особых сомнений. Поскольку бухгалтерия необходима для обслуживания реальных функций производства, хотя бы и продолжающихся в течение акта обращения (труд бухгалтера, связанный с производством, хранением, перевозкою продуктов), она относится к процессу производства. Труд бухгалтера непроизводителен лишь постольку, поскольку он обслуживает формальный метаморфоз стоимости — переход права собственности на продукт, акт купли-продажи в его идеальном виде. Повторяем опять, что он в этом случае непроизводителен не потому, что не производит перемены в материальных благах (в этом отношении он не отличается от труда бухгалтера на фабрике), а потому, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения (отвлеченного от всех реальных функций).

Указанное различие между формальными и реальными функциями торгового капитала или между обращением в чистом виде и «процессами производства, продолжающимися в процессе обращения», Маркс проводит и во II и в III томах «Капитала». Мы никак не можем согласиться с мнением, будто Маркс проводит это разделение только в III томе, во II же томе огульно признает непроизводительными все издержки обращения, в том числе потраченные на реальные функции обращения. Такое мнение о коренном противоречии между II и III томами «Капитала» высказано В. Базаровым ²⁾ и А. Богдановым ³⁾. На деле Маркс и во II томе «Капитала» относит к безусловно непроизводительным не все издержки обращения, а только «чистые издержки обращения» (К. II, с. 105); и во II томе он говорит о «процессах производства», продолжающихся в обращении и имеющих производительный характер (с. 112—113). Не считая второстепенных различий в оттенках мыслей и в их формулировке, прин-

¹⁾ Такой взгляд можно встретить у В. Базарова (цит. соч., стр. 40), у И. Давыдова (статья «К вопросу о производительном и непроизводительном труде», «Научное Обозрение», 1900 г., № 1, стр. 154), у С. Прокоповича («К критике Маркса», 1901 г., стр. 35), у Борхардта (Borchardt. «Die volkswirtschaftlichen Grundbegriffe nach der Lehre von Marx», 1920, S. 72).

²⁾ Цит. соч., стр. 39—40.

³⁾ «Курс полит. эконом.», т. II, в. 4, стр. 12—13).

ципального противоречия между II и III томами «Капитала» мы не найдем. Этим мы отнюдь не отрицаем того, что и в 17-й главе III тома и, особенно, в 6-й главе II тома встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия, но основная мысль о труде производительном, как нанятом капиталом производительным, — хотя бы в дополнительных процессах производства, продолжающихся в обращении, — и труде непроизводительном, обслуживающем капитал в фазе чистого обращения или «формального метаморфоза» стоимости, выступает как нельзя более ясно.

А. Богданов возражает против Марксова деления функций торгового капитала на реальные (продолжение производственного процесса) и формальные (чистое обращение) на том основании, что при капитализме последние тоже «объективно-необходимы, служат для удовлетворения действительной потребности данной производственной системы ¹⁾. Но Маркс и не думал отрицать необходимость фазы обращения в процессе воспроизводства капитала. «Он (торговый агент *И. Р.*) исполняет необходимую функцию, потому что самый процесс воспроизводства включает в себе и непроизводительные функции» (К. II, стр. 107), т. е. функции чистого обращения. «Рабочее время, требующееся для этих операций (чистого обращения *И. Р.*), употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но не присоединяет никакой стоимости» (К. III, стр. 266). По мнению Маркса, в процессе воспроизводства капитала одинаково необходимы и фаза производства и фаза обращения. Но этим не уничтожаются отличительные особенности этих двух фаз движения капитала. Необходимым является и труд, нанятый капиталом в фазе производства, и труд, нанятый капиталом в фазе обращения. Но производительным Маркс считает только первый из них. Взяв критерием производительности объективную необходимость труда для данной экономической системы, А. Богданов не только стирает разницу между трудом, занятым в производстве, и трудом, занятым в обращении, но условно причисляет к производительным «функции, лежащие в области военного дела» ²⁾, хотя эти трудовые функции организованы на началах публично-правовых, а не частного капиталистического хозяйства. В отличие от Маркса, А. Богданов берет критерием производительности труда не общественную форму его организации, а «необходимость» труда в его конкретном полезном виде для данной экономической системы.

Итак, мнение авторов, которые сводят учение Маркса о производительном труде к различию труда, воплощающегося в материальных вещах, и труда, не обладающего этими свойствами, должно быть признано безусловно ошибочным. Ближе к постановке вопроса у Маркса подходит Гильфердинг, который считает производительным «всякий труд, необходимый для общественной цели производства, и притом независимо от той определенной исторической формы, кото-

¹⁾ Цит. соч., стр. 13.

²⁾ Цит. соч., стр. 17.

рую производство принимает при данной определенной общественной форме». «Напротив того, труд, затраченный лишь для цели капиталистического обращения, т. е. вытекающий лишь из определенной исторической организации производства, не создает стоимости»¹⁾. Если в этом определении непроизводительного труда Гильфердинг может сослаться на аналогичные выражения, встречающиеся у Маркса (К. II, стр. 111 и 115), то, во всяком случае, его определение производительного труда, как «независимого от определенной общественной формы производства», расходится с определением Маркса. Резко противоречит всему построению Маркса утверждение Гильфердинга, что «признак производительности... один и тот же во всех общественных формациях» (там же, стр. 107—108). Марксово различие труда, нанятого капиталом в фазе производства, и труда, нанятого капиталом в фазе обращения, нашло в определении Гильфердинга свое отраженное и отчасти измененное выражение.

Во избежание недоразумений, считаем необходимым оговорить, что наш очерк о производительном труде у Маркса имеет единственную своей задачей восстановить точный смысл Марксова учения. Мы не ставим вопроса о том, правильное ли Марксово определение производительного труда, построенное на анализе его общественной формы, или общепринятые в трактатах политической экономии определения, исходящие из «необходимости», «полезности», «материального» характера труда или роли его в личном и производительном потреблении. Мы не говорим, что Марксово деление, отвлекающееся от содержания трудовых затрат, правильное общепринятых, мы только утверждаем, что оно иное и ими не покрывается. Внимание Маркса было обращено на иные стороны явления, и можно даже сожалеть, что Маркс выбрал для своего исследования различий труда, нанятого капиталом в фазе производства и в фазе обращения, термин «производительный», имеющий в науке другой смысл (может быть, более подходящим был бы термин «производственный»). В частности, мы не согласны с положением Маркса, что труд, нанятый капиталом в фазе обращения, не создает стоимости и прибавочной стоимости. Но этот вопрос выходит за рамки нашего очерка. Оценка и критика Марксова учения о производительном труде возможны только после того, как будет установлен точный смысл этого учения, которое понималось и излагалось, по нашему мнению, неправильно.

¹⁾ Гильфердинг. «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса», в сборнике «Основные проблемы полит. эконом.», 1922 г., стр. 107, 108.

К ТЕРМИНОЛОГИИ МАРКСА.

В предисловии к III тому „Капитала“ Энгельс отметил, что напрасно было бы искать у Маркса „точных, готовых, раз навсегда составленных определений. Ведь само собою разумеется, что когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их умственные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; что их не втискивают в окостенелое определение, а рассматривают в их историческом или логическом процессе образования“ (К. III, с. XVI). Диалектический метод Маркса исключает для него возможность давать раз навсегда зафиксированные и неизменяющиеся понятия и соответствующие им термины. В виду этого терминологические изыскания над текстом Маркса, взятые сами по себе, вряд ли могут оказаться плодотворными и нередко могут повести к ошибочным выводам. Руководясь желанием проникнуть в ход идей Маркса и воспроизвести его, мы не можем ограничиваться разбором и сравнением терминов а непременно должны брать встречающийся термин каждый раз в связи с контекстом, подмечая различные оттенки, которые придает ему Маркс. Тем не менее, внимательное изучение Марксовой терминологии, как дополнительное к логическому и историческому исследованию, может оказаться полезным и ввести нас в некоторые уголки лаборатории мышления Маркса. Эта кропотливая работа ждет еще своих исследователей.

Настоящее приложение не имеет своей целью дать исчерпывающий разбор тех или иных терминов Маркса, а ставит себе более скромную задачу: на нескольких примерах показать, что внимательное изучение Марксовой терминологии может подтверждать выводы, полученные нами иным путем и изложенные в тексте нашей книги.

1) ТРУД И СТОИМОСТЬ.

В популярных изложениях Марксовой теории, обычно говорится, что труд „создает“ стоимость. Нам в тексте также несколько раз приходилось пользоваться этим двусмысленным выражением, причем мы подчеркивали, что речь идет о социальной форме труда, которая „создает“ стоимость, как социальную форму продукта труда. „Овеществление“ труда в стоимости означает не материальное накопление труда в его продуктах, а фетишизирование, „вещное“ выражение производственных отношений людей (как товаропроизводителей) в социальной форме продукта труда (т. е. в стоимости). Наш вывод вполне подтверждается терминологией Маркса.

В „Критике политической экономии“ Маркс, говоря об отношении между трудом и стоимостью, употребляет наиболее часто следующие выражения¹⁾: 1) труд „представляется“ (sich darstellen) в стоимости; 2) труд „овеществляется“ (sich vergegenständlichen) в стоимости, и 3) труд „определяющий“ меновую стоимость (tauschwertsetzende Arbeit). Первый термин встречается в „Критик“, на стр. 4, 5, 7, 8, 10, 16 и др., второй — на стр. 7, 8, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и др., третий — на стр. 4, 7, 10, 12, 13 и др. Первый термин (иногда употребляемый в форме: стоимость „представляет“ или „выражает“ труд) уже сам по себе показывает, что речь идет о стоимости, как вещном выражении производственных отношений людей. Нередко Маркс употребляет это выражение в применении

¹⁾ Ниже мы отмечаем цитируемые места следующими сокращенными обозначениями: Kr. — Kritik der polit. Oekonomie, 1907; K. I. — Kapital, B. I, 1914; K. III — Kapital, B. III, 1894; T. III — Theorien über den Mehrwert, B. III, 1910.

именно к производственным отношениям людей, „представляющимся“ или „выражающимся“ в вещах (там же, S. 2, 11, 29; Kl. III², S. 349, T. III S. 325 и др.). Перевод этого термина связан с большими трудностями, так как на русском языке слово „представляет“ нередко обозначает „есть“, и предложение: „стоимость представляет (darstellt) труд“, не передает мысли Маркса. Поэтому переводчики часто переводя этот термин, как „выражается“, „проявляется“; иногда переводят ошибочно, как „воплощается“.

Второй термин (sich vergegenständlichen), как и первый, находится в тесной связи с учением Маркса об „овеществлении“ производственных отношений людей, т. е. с теорией товарного фетишизма. В том же смысле фетишизированного „вещного“ выражения Маркс употребляет иногда термины: „материализуется“, „материализованный“, „материализация“ (Kr., S. 22, 24, 29; T. III, S. 329).

Наконец, третий термин (tauschwertsetzende Arbeit) большею частью переводится, как „труд, создающий стоимость“, между тем как правильное было бы говорить о труде, определяющем, обуславливающем или регулирующем стоимость. Термины „создавать“ (hervorbringen, Kr., S. 4, 12, 13; schaffen S. 19) и „производить“ (produzieren, S. 13) Маркс чаще всего употребляет для характеристики отношений между конкретным трудом и продуктом труда, как потребительной стоимостью.

Там, где Марксу приходится в одной фразе говорить об отношении между конкретным трудом и потребительной стоимостью, с одной стороны, и трудом абстрактным и меновой стоимостью, с другой, он выбирает термины нейтрального характера, которые одинаково подходят и к техническому процессу „производства“ продукта, и к социальному процессу „овеществления“ в стоимости продукта отношений людей; например, термины: resultieren (Kr. S. 5), sich verwirklichen (S. 12), Quelle (S. 12). Особенно интересны те случаи, где Маркс в одной фразе противопоставляет труд конкретный и абстрактный: „Die spezifisch gesellschaftliche Arbeit, die sich im Tauschwert darstellt, und die reale Arbeit, die gebrauchswerte erzielt“ (Kr., S. 40—41), „die Tauschwert setzende, also Waren produzierende Arbeit“ (S. 5). „Die konkrete, in den Produkten realisierte Arbeit“ противопоставляется „die gesellschaftliche Arbeit, materialisierte Arbeitszeit“ (T. III, S. 328—329).

2) „КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ“.

Выражения Маркса о стоимости, как „кристалле“ общественного труда, наиболее часто давали повод приписывать Марксовой теории стоимости натуралистический характер. Критики, игнорировавшие теорию товарного фетишизма, не понимали, что „кристаллизация“ труда в стоимости обозначает то же самое, что „овеществление“, „оформление“ производственных отношений людей в вещной форме. В таком смысле термин „кристаллизоваться“ часто употребляется Марксом. „Перемена форм денег“ (Kr., S. 74). „Определенность формы, в которой золото кристаллизуется, как деньги“ (S. 52). „Деньги—кристаллизованная меновая стоимость“ (S. 28). Сравнение товарных цен „кристаллизуется“ в счетных деньгах (S. 54). „Определения, исходящие из процесса обращения, кристаллизуются как свойства определенных видов капитала, основного, оборотного и т. п. и кажутся данными свойствами, присущими материально определенным товарам“ (Theorien, III, S. 558). „Прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п.“ (Капитал I, русск. пер., с. 515).

3) ВЕЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ.

Различие между материально-технической и социальной сторонами процесса труда и продукта труда проходит красной нитью через всю экономическую систему Маркса и выражается им при помощи целого ряда различных терминов. Отметим некоторые из них. Часто Маркс

противопоставляет „содержание“ „форме“: stofflicher Inhalt и gesellschaftliche Form (Kl., I, S. 104, 107; русск. перев., стр. 116, 117, 119), stoffliches Dasein и gesellschaftliche Form (Kl., III², S. 359, 360), stoffliche Elemente и gesellschaftliche Form (Kl. III², S. 351), dingliche Existenz и gesellschaftliches Verhältnis (Kl. III², S. 19), Inhalt и Form (Kr., S. 2, 121). В том же смысле противопоставляются: „субстанция“ „функции“ (Kr., S. 104), wirkliches Dasein и Funktion (S. 102), materielles Dasein и funktionelles Dasein (Kl., I, S. 87), wirkliches Dasein и ideelles Dasein (Kr., S. 100), stoffliche Substanz и gesellschaftliche Formbestimmtheit (Kl., III², S. 360). Из других обозначений отметим: 1) Для материально-технической стороны производства: stoffliches Dasein (T. III, S. 434), materielles Dasein (S. 292), unmittelbares Dasein (S. 193, 320), stoffliche или gegenständliche Elemente (S. 318, 424, 326, 329; Kl., III², S. 20, 34, 36, 92), objektive или gegenständliche Momente (T. III, 329, 354, 424), gegenständliche, materielle, sachliche или stoffliche Bedingungen (T. III, S. 315, 316, 318; Kl., III², S. 20), stoffliche Bestandteile (T. III, 382; Kl., III², 35, 382) и др. 2) Для социальной стороны производства: gesellschaftliches Dasein (T. III, S. 314), Formdasein (S. 349), funktionelles или funktionierendes Dasein (Kr., S. 101, 94). =

Во избежание недоразумений, считаем нужным еще раз подчеркнуть, что употребление Марксом в том или ином случае определенного термина само по себе еще не служит доказательством того, что Маркс и в данном случае придает этому термину именно то значение, в котором он употребляется им обычно. Нельзя утверждать, что всюду, где Маркс пользуется терминами «функция» или «форма», он имеет в виду социальную форму процесса производства. Иногда Маркс употребляет эти же самые термины в применении к материально-технической стороне производства (К. I, русск. пер., стр. 154, 186, 407, 575). Мы не в праве на основании одного только употребления термина делать вывод о смысле данного текста Маркса. Но, при всей гибкости употребляемой Марксом терминологии, мы все же замечаем в подборе им терминов определенную закономерность. Внимательное изучение терминологии Маркса могло бы, по нашему мнению, раскрыть некоторые трудно уловимые оттенки его мыслей.

Государственное Издательство МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие ко второму изданию	III
Введение	V
I. Теория товарного фетишизма Маркса.	
Глава 1-я. Объективная основа товарного фетишизма	10
Глава 2-я. Процесс производства и его общественная форма	15
Глава 3-я. Овеществление производственных отношений	20
Глава 4-я. Вещь и социальная функция (форма)	24
Глава 5-я. Производственные отношения и вещные категории	36
Глава 6-я. Струве о теории товарного фетишизма	39
Глава 7-я. Развитие теории фетишизма у Маркса	43
II. Теория трудовой стоимости Маркса.	
Глава 8-я. Основные черты Марксовой теории стоимости	50
Глава 9-я. Стоимость, как регулятор производства	59
Глава 10-я. Равенство товаропроизводителей и равенство товаров	65
Глава 11-я. Равенство товаров и равенство труда	73
Глава 12-я. Стоимость и меновая стоимость (содержание и форма стоимости)	80
Глава 13-я. Общественный труд	92
Глава 14-я. Абстрактный труд	98
Глава 15-я. Квалифицированный труд	114
Глава 16-я. Общественно-необходимый труд	124
Глава 17-я. Стоимость и общественная потребность	133
I. Стоимость и спрос	133
II. Стоимость и пропорциональное распределение труда	143
III. Стоимость и размер производства	152
IV. Уравнение спроса и предложения	157
Глава 18-я. Стоимость и цены производства	163
I. Распределение и равновесие капиталов	165
II. Распределение капиталов и распределение труда	169
III. Цены производства	174
IV. Трудовая стоимость и цены производства	187
V. Историческое обоснование теории трудовой стоимости	190
Глава 19-я. Производительный труд	194
Приложение. К терминологии Маркса	209

моя" или
III S. 325
так как
пред-

противопо-
che Form
Dasein в
и gese
Hof

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

- А. А. Краткий курс экономической науки. Перер. и доп. Ш. М. Дволайцким при участии автора. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к.
- Его же. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Изд. 10-е, вновь испр. и дополн. Ц. 75 к.
- Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Т. II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. Ц. 1 р. 75 к.
- Брентано, Л. Опыт теории потребностей. Ц. 15 к.
- Будин, Л. Д. Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики. Перев. с англ. Под ред. В. Засулич. С предисл. К. Каутского. Ц. 40 к.
- Вольфсон, М. Б. Элементарный курс политической экономии. Изд. 2-е. Ц. 80 к.
- Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Перев. с немецкого И. Степанова. Изд. новое, пересм. Ц. 1 р. 70 к.
- Ленин, Н. Империализм как новейший этап капитализма. Популярный очерк. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
- Его же. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединенн. Штатах Америки. Ц. 30 к.
- Его же. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве. Отражение марксизма в буржуазной литературе. Ц. 50 к.
- Любимов, Л. Азбука политической экономии. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
- Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль. Ц. 10 к.
- Его же. Капитал. Критика политической экономии. Издание подготовлено Ф. Энгельсом. Перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова. Т. 1. Кн. I. Процесс капиталистического производства. Ц. 2 р. Т. II. Кн. 2. Процесс обращения капитала. Ц. 1 р. 75 к. Т. III. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ц. 2 р. Ч. II. Гл. 29 — 52. Ц. 2 р.
- Менделсон, А. Материалы к изучению ценообразующих факторов (Движение цен на ситец в 1914—1922 г. г.). С прилож. таблиц и цифр. Ц. 1 р. 25 к.
- Момберт П. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Ц. 2 р.
- Его же. Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. Ц. 55 к.
- Святловский, В. Происхождение денег и денежных знаков. Ц. 1 р.
- Суханов, Ник. Земельная рента и принципы земельного обложения. Ц. 20 к.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.

Ленинградское представительство Главного Управления Госиздата — Ленинград.
Моховая, 36, Тел.: 5-34-18 и 6-10-61.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Армавир, ул. Троцкого, 99; Баку, ул. Троцкого (б. Милютинский пер.), 14; Вологда, площадь Свободы; Воронеж, проспект Революции, 1-й дом Совета; Екатеринбург, ул. Пушкинской и Малышева; Казань, Гостинодворская, Гостинный двор; Киев, Крещатик, 38; Кисловодск, ул. К. Маркса, 7; Кострома, Советская, 11; Краснодар, Красная, 85; Нижний-Новгород, Б. Покровка, 12; Одесса, ул. Ласалы, 12; Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский пр., 48; Ростов-на-Дону, ул. Фридриха Энгельса, 106; Саратов, ул. Республики, 42/30; Тамбов, Коммунальная, 14; Тифлис, пр. Руставели, 16; Харьков, Московская, 20.

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

Москва: 1) Советская пл., под гост. б. „Дрезден“, тел. 1-28-94; 2) Моховая ул., 17, тел. 1-31-50; 3) ул. Герцена, 13, тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., 3, тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий Мост, 12, тел. 1-01-30; 7) Покровка, Лялин пер., 11, тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4, тел. 2-27-22; 9) Оптово-розничный магазин при складе „Теплые Ряды“, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 1-91-49

государственное Издательство МОСКВ.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ВЫШЛИ В СВЕТ

Вышли в свет
тека научного социализма под общей ред. Д. Б. РЯЗАНОВА
... с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. К. Маркс. Статьи и письма 1837—1844 г. г. С иллюстрац. Стр. XXXII + 563.
Ц. 1 р. 70 к.

Т. II. Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1839—1844 г. г. С иллюстрациями.
Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к.

Т. X. Статьи и корреспонденции (1852—1853). Стр. LXXXI+600.
Т. XI. Статьи и корреспонденции (1853—1855). Стр. XXXII+656.

Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Стр. 364. Ц. 2 р. 75 к. 1-е изд. То же. 2-е изд. Стр. 364. Ц. 2 р. 25 к.

Т. I. Статьи до 1883 г. г. Перелом. Стр. 25. Ц. 1 р. 20 к.
То же. 2-е изд. Стр. 364. Ц. 2 р. 25 к.
Т. II. Статьи 1883--1888 г. г. От основания группы "Освобождение Труда" до
организации "Русского Социал-Демократического Союза". Стр. 406. Ц. 1 р. 20 к.
1889--1893 г. г. На русские темы. Стр. 428. Ц. 1 р. 30 к.

Т. III. 1888—1892 г. г. На русские темы. Стр. 428. Ц. 1 р. 30 к.
Т. IV. На международные темы. 1887—1894 г. г. Стр. 332. Ц. 90 к.

Т. V. Н. Г. Чернышевский (книга первая). Стр. XXXII+364.
Т. V. Н. Г. Чернышевский (книга вторая). Стр. VIII+416.

Т. VI. Н. Г. Чернышевский (книга вторая). Стр. VII+416.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Стр. 331. Ц. 1 р. 10 к.
Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Стр. 411. Ц. 1 р. 40 к.
Т. IX. Обоснование и защита марксизма. Часть третья. Стр. 468. Ц. 2 р. 20 к.

Т. IX. Против народничества. Стр. IV+368. Ц. 2 р. 20 к.

Т. X. Литературно-критические статьи. 1888—1903 г. г. Стр. 422. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XI. Критика наших критиков. Стр. 397. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Вопросы программы и тактики (1900—1903). Стр. VIII+536.

Т. XII. Вопросы программы и тактики (1900—1903). Стр. VIII+336.
Наутский. Сочинения под ред. Д. Рязанова.
... христианства. Стр. 443. Ц. 2 р. 10 к.

Т. X. Происхождение христианства. Стр. 443. Ц. 2 р. 10 к.
Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. I. Ц. 4 р.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Изд. 2-е. М., 1934. С. 10. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. I. Ц. 4 р.

Популярная серия

Популярная серия
К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. 3-е доп. изд. с введением и
примечаниями Д. Рязанова. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.
Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке.

То же. Карманное издание. Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке.
Осн. вопросы марксизма под ред. и с примечаниями Д. Рязанова.

Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма под ред. и с примечаниями Д. Рязанова. Стр. 126. Ц. 35 к.

Его же. Очерки по истории материализма под. ред. и с примечаниями Д. Рязанова.
Стр. 126. Ц. 35 к.

Библиотека материализма

Людвиг Фейербах. Сочинения.
Т. I. Избранные философские произведения. Вступительный очерк А. М. Дебо-
рина. Стр. 336. Ц. 90 к.
Людвиг Фейербах. Жизнь и деятельность. Изд. "Материалист". Стр. 354.
Ц. 118 к. 40 к.

А. Деборин. Людвиг Фейербах. Жизнь и деятельность. Изд. „Материалист“. Стр. 354.
 Г. В. Плеханова с пред. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

А. Деборин. Людвиг Фейербах. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е. М., 1954. Стр. 118. Ц. 40 к.
В. Ваганов. Опыт библиографии Г. В. Плеханова с пред. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.
В. Ваганов. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. Изд. „Московский

Д. Рязанов. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. Изд. „Московский Рабочий“. Стр. 63.

Находятся в печати

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том III.
Г. Плеханов. Сочинения. Тома: XIV, XVI, XVII, и XVIII, а также 2-е Изд. т. т. III,
IV, VII, VIII и XI. Том I. Экономические работы.

К. Каутский. Сочинения. Том I. Экономические работы.
Сочинения Т. I

П. Лафарг. Сочинения, Т. I.
Л. Фейербах. Сочинения. Том III. Лекции о сущности религии.

П. Лафарг. Сочинения, т. I.
Л. Фейербах. Сочинения. Том III. Лекции о сущности религии.
Ламеттри. Избранные сочинения.

П. Гольбах. Система природы.
А. Энциклопедия происхождения семьи.

П. Гольбах. Система природы.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи.

Цена 1 рубль.

[illegible]

И. И. РУБИН

University of Kansas Libraries

33838014298233

**ОЧЕРКИ
ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ
МАРКСА**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО